63.4
И-33
18

Известия об-ва
археологии, исто-
рии и этнографии
Т XI вып 6
1894 г.

Ойротский областной краеведческий музей
инв. 3000

ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА
АРХЕОЛОГІИ, ИСТОРІИ И ЭТНОГРАФІИ
ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Томъ XI, вып. 6.

СОДЕРЖАНІЕ.

Игры деревенскихъ дѣтей Лаишевскаго уѣзда. И. Нечаева. 495—510.

Очеркъ исторіи города Курмыша въ XIV—XVIII в. Н. Ѳ. Акаемова. . . . . 511—527.

Башкиръ Салаватъ Юлаевъ. Пугачевскій бригадиръ, пѣвецъ и импровизаторъ. Р. Г. Игнатьева. 528—534.

Мордва — историко-этнографическій очеркъ. Гл. IV. Культъ предковъ. Воззрѣнія на смерть и погребальные обряды. И. Н. Смирнова. . 535—56.

Матеріалы. Малетинскія древнія копи и земляныя постройки въ Алтайскомъ округѣ. П. О. Чупина. Мѣстности въ долинѣ Ангрена, интересныя въ археологическомъ отношеніи.—Изъ поѣздки въ селеніе Мамаевку. Изъ быта Мордвы деревни Дюрки Паранѣевской волости Алатырскаго у. Симб. губерніи. С. Иванцева. . 565—575.

Библіографія. Этнографическое Обозрѣніе. 1893; I, II.—Труды Рязанской Архивной Коммиссіи. Т. VII, № 9. 1892. Дневникъ раскопокъ Борковскаго могильника. Рязань. 1893.—Отчетъ Императорской Археологической Коммиссіи за 1889—1890 г. Спб. 1892.—Матеріалы для статистики Вятской губерніи. Ч. VII. Сарапульскій уѣздъ. Вятка. 1892. И. Н. Смирнова.—Ignacy Radliński. Slowniki narzeczy ludów Kamczackich. I Slownik narzecza Ainów, zamieszkujacych wyspe Szumszu w tańcuchu Kurylskim przy Kamczatce ze zbiorów Prof. B. Dybowskiego. Kraków 1891. Н. З. Тихова. 576—587.

Указатель къ XI т. «Извѣстій». . . . . 1—3.

Казань.
Типо-литографія Императорскаго Университета
1894.

Вышелъ 16-го марта.

СКЛАДЪ ОТТИСКОВЪ

ИЗЪ ПЕРІОДИЧЕСКИХЪ ИЗДАНІЙ В. РОССІИ.

Чтобы облегчить лицамъ, занимающимся археологіей, исторіей и этнографіей В. Россіи, возможность пользоваться тѣмъ, что въ настоящее время появляется въ періодической печати этого края, редакція «Извѣстій Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ» покорнѣйше проситъ авторовъ статей, имѣющихъ археологическое, историческое и этнографическое содержаніе и помѣщенныхъ въ мѣстныхъ «Губернскихъ» или «Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» (описанія приходовъ, селъ, волостей и т. п.) присылать въ книжный магазинъ Н. Я. Башмакова въ Казани по 5—10 оттисковъ своихъ статей или №№ тѣхъ изданій, гдѣ онѣ помѣщены, съ обозначеніемъ ихъ цѣнности. Редакція «Извѣстій» съ своей стороны выражаетъ готовность безплатно печатать объявленія о поступившихъ въ складъ оттискахъ.

ВНИМАНІЮ ВЛАДѢЛЬЦЕВЪ ТИПОГРАФІЙ

ВЪ ПОВОЛЖЬИ, СИБИРИ И СРЕДНЕЙ АЗІИ.

Редакція «Извѣстій Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ», желая доставить своимъ читателямъ возможность слѣдить за научнымъ движеніемъ въ В. Россіи, предлагаетъ владѣльцамъ типографій, авторамъ и издателямъ присылать объявленія о печатающихся у нихъ книгахъ и брошюрахъ, имѣющихъ отношеніе къ археологіи, исторіи и этнографіи Поволжья, Сибири и Средней Азіи для безплатнаго помѣщенія ихъ въ «Извѣстіяхъ». О книгахъ и брошюрахъ, которыя по выходѣ въ свѣтъ доставляются въ редакцію «Извѣстій», помѣщаются отчеты въ ближайшихъ книжкахъ журнала.

ГОМ 8218/131
Б3.4
Ч.33

ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА

АРХЕОЛОГІИ, ИСТОРІИ И ЭТНОГРАФІИ

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

ТОМЪ XI.

ВЫПУСКИ 1—6

1893.

Ойротский Государственный Областной Музей
В инвентарную книгу 14/III 1937 г.
Под № 1137/764 записано
ОБЛАСТНОЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
БИБЛИОТЕКА
Инв. № 1358 1131

Казань.
Типо-литографія Императорскаго Университета
1894.

Печатано по опредѣленію Совѣта Сбщества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

И. д. Секретаря И. Смирновъ.

ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА

АРХЕОЛОГІИ, ИСТОРІИ И ЭТНОГРАФІИ

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

ТОМЪ XI.

Ойротскии Музей

Ойротскии Музей

Оглавленіе

къ XI тому «Извѣстій».

Статьи и изслѣдованія.

Вотчины Казанскаго Кизическаго монастыря (съ приложеніемъ неизданныхъ актовъ). *Е. Н.* стр. 1—30.

Матеріалы для характеристики музыкальнаго творчества инородцевъ Волжско-Камскаго края. I. Мелодіи Чувашскихъ пѣсенъ. *В. А. Мошкова.* стр. 31—64, 167—182, 261—276, 369—376.

Черемисы Арбанской волости. *Н. Троицкой.* стр. 65—82.

Данныя о городахъ Волжской Булгаріи. III. Кашанъ. *П. А. Пономарева.* стр. . . . . . . 111—138.

Изъ области лингвистической археологіи. Слово «хомутъ» въ аріо-европейскихъ и урало-алтайскихъ языкахъ. *В. А. Богородицкаго.* стр. . . . . 139—146.

Башкиръ Салаватъ Юлаевъ, Пугачевскій бригадиръ пѣвецъ и импровизаторъ. *Р. Г. Игнатьева.* стр. 147—166, 227—240, 528—534.

Муранскій могильникъ. Археологическій очеркъ. *В. Н. Поливанова.* стр. . . . . 213—226.

Извѣстія иностранцевъ о народахъ В. Россіи. Strahlemberg. Nord-und Oestliche Theil von Europa und Asia. стр. 241—251.

Формы жилищъ и поселеній у народовъ В. Россіи. Камчадалы, Коряки, Чукчи. стр. . . . . . 252—260.

Тубулгу-тау и неопредѣленные города Волжской Булгаріи. *П. А. Пономарева.* стр . . . . . . 321—337.

Владѣнныя граматы Спасскаго Казанскаго монастыря. *Е. Н.* стр. . . . . 338—368.

Клады и кладоисканіе на Руси. *В. Н. Витевскаго.* стр. 411—425.

Мордва. Историко-этнографическій очеркъ. Гл. II. Внѣшній бытъ. Гл. III. Семейныя и общественныя отношенія. Гл. IV. Культъ предковъ. Воззрѣнія на смерть и погребальные обряды. *И. Н. Смирнова.* стр. 426—477, 535—564.

Игры деревенскихъ дѣтей Лаишевскаго уѣзда. *И. В. Нечаева.* стр. . . . . 495—510.

Городъ Курмышъ въ XIV—XVIII вѣкахъ. *Н. Ѳ. Акаемова.* стр. . . . . 511—527.

ХРОНИКА.

Итоги археологіи, исторіи и этнографіи В. Россіи въ 1892 г. *И. Н. Смирнова.* стр. . . . . . . 83—88.

На текущія тэмы. *Его-же.* стр. 194—197, 296—299, 391—395.

Экскурсія на мѣсто древняго Сувара. *Г. Ахмарова.* стр. . . . . 478—481.

МАТЕРІАЛЫ.

Кара-якуповская волость. *И. А. Износкова.* Духовные стихи. *А. И. Соколова.* Захватъ, купля и продажа инородокъ въ Якутской области въ XVII в. *Н. Н. Бакая.* стр. . . . . 183—193.

Замѣтки о происхожденіи нѣсколькихъ кладбищъ при татарскихъ селеніяхъ Волжско-Камскаго края. *Г. Ахмарова.* Памятники старины близь с. Архангельскаго. *И. Хохлова.* Эпиграфическій памятникъ Волжской Булгаріи. *И. А. Износкова.* Акты, относящіеся къ исторіи Мордвы Пензенской губерніи.—Изъ архива Спасскаго Краснослободского монастыря. *В. М. Терехина.* Письмо князя Ивана Бековича Ширинскаго къ родственнику его въ Казань. *А. И. Соколова.* Замѣтки о Морд-

вѣ и памятникахъ мордовской старины въ Нижегородской губерніи. *А. Д. Смирнова.* Слѣды человѣческихъ жертвоприношеній у Вотяковъ. *Г. Вихмана.* Изъ областной печати. стр. . . . . 277—295.

Еще о слѣдахъ древняго поселенія близъ Спасска *Обрѣзкова.* Пребываніе Екатерины II въ Чебоксарахъ. Вѣрованія и культъ Мордвы села Сабанчеева Алатырскаго у. Симб. губ. *М. П. Лукина.* Постройки села Талызина Курмышскаго у. Симб. губ. *Постникова.* стр. 377—390.

Археологическія раскопки въ Оренбургской губерніи и Тургайской области.—Апокрифическая кладовая выпись. *В. Г. Мещеринова.* Изъ быта Мордвы села Живайкина Жадовской волости, Карсунскаго у. Симбирской губ. *Ф. Бутузова.* стр. . . . . 482—488.

Малетинскія древнія копи и земляныя постройки въ Алтайскомъ округѣ — въ Сибири. *П. О. Чупина.* Мѣстности въ долинѣ р. Ангрена, интересныя въ археологическомъ отношеніи. Изъ поѣздки въ селеніе Мамаевку. Изъ быта Мордвы деревни Дюрки Паранѣевской волости Алатырскаго уѣз. Симбирской губ. *С. А. Иванцева.* стр. 565—575.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ.

Письма изъ Гельсингфорса. I, II. *Г. Вихмана.* Архивный вопросъ въ Красноярскѣ. *Н. Бахая.* стр. 198—200, 489—490.

МУЗЕОГРАФІЯ.

Новѣйшія пріобрѣтенія музея Уральскаго Общ. Люб. Ест. *Д. И. Лобанова.* стр. . . . . 201—203.

Списокъ антропологическихъ, археологическихъ и этнографическихъ предметовъ Барнаульскаго горнаго музеума. *П. Чупина.* стр. . . . . 396—398.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Труды Саратовской Архивной Коммиссіи. Т. I—III.—Саратовскій историческій сборникъ. A. C. Suomalais-Ugrilaisen Seuran Aikakauskiria.—Journal de la So-

ciété Finno-Ougrienne. Vol. I — X. Hels. 1886 — 1892. *И. Н. Смирнова.* стр. . . . . 89—101.

Ditmar. Reisen und Aufenthalt in Kamtschatka in den Jahren 1851 — 1855. 1 Theil. Historischer Bericht nach den Tagebüchern. — Beiträge zur Kentniss des russischen Reiches und angränzen. Länder Asiens. 3 Folge. VII. S. Petersb. 1890. *Его-же.* стр. . . . . 204—213.

Саратовское Поволжье съ древнѣйшихъ временъ до конца XVII в. Ѳ. Ѳ. Чекалина. Ц. 50 к. Саратовъ 1892 г. Съ рисункомъ стараго Саратова Олеарія. *С. Кедрова.* стр. . . . . 300—314.

Finska Forminnes Föreningens Tidskrift. XIII. Tietoja Karjalan rautakaudesta. Th. Schwindt. Журналъ Финскаго Археологическаго Общества, XIII. Т. Швиндтъ. Изъ желѣзнаго вѣка Карелiи.—Пермскiй край. Т. II.—Труды Саратовской Ученой Архивной Коммиссiи т. IV, вып. 1.—Календарь Вятской губернiи на 1893 г.—Памятная книга Воронежской губ. на 1893 г. Globus. illustr. Zeitsch. f. Länd.—u. Völkerkunde. Bd. 58. 1891. *И. Н. Смирнова.* стр. . . . . 399—410.

Матерiалы по археологiи Россiи, издаваемые Императорской Археологичесской Комиссiей. № 11. Лядинскiй и Томниковскiй могильники Тамбовской губерн. Н. Н. Ястребова. Спб. 1893 г. *Его-же.* стр. 491—494.

Этнографическое обозрѣнiе 1893. Кн. I, II. Труды Рязанской Архивной Комиссiи. Т. VII, № 9. 1892. Дневникъ раскопокъ Борковскаго могильника. Рязань. 1893. Отчетъ Императорской Археологической Коммиссiи за 1890. Спб. 1892. Матерiалы для статистики Вят. губ. Ч. VII. Сарапул. у. Вятка. 1892. *Его-же.* стр. 576—589.

Литература археологiи, исторiи и этнографiи В. Россiи въ 1892 и 1893 г. стр. . 102—109, 315—319.

ПРИЛОЖЕНIЯ.

Черемисско-русскiй словарь. *В. П. Троицкаго.* стр. 1—24, 25—36, 37—52, 53—84, 84—87.

Мѣдный вѣкъ въ Европѣ. Пер. съ нѣм. *М. Муха.* стр. . . . 1—32.

ИГРЫ ДЕРЕВЕНСКИХЪ ДѢТЕЙ ЛАИШЕВСКАГО УѢЗДА.

На бывшей въ 1890 году въ Казани научно-промышленной выставкѣ былъ, между прочимъ, „дѣтскій отдѣлъ“—отдѣлъ не богатый ни по качеству, ни по количеству выставленныхъ въ немъ экспонатовъ, но тѣмъ не менѣе все же довольно интересный. Правда, всѣ эти деревенскіе куклы, топорики, сошки, мельницы, казачки, трещетки и пр.—никакъ не могли похвалиться своимъ изящнымъ видомъ; но эта безыскуственность деревенскихъ игрушекъ и дѣлаетъ ихъ цѣнными. Когда вы разсматриваете коллекціи игрушекъ „для благородныхъ“, въ вашемъ умѣ не возникаетъ никакой мысли, кромѣ развѣ мысли о ихъ стоимости,—что вотъ эта, молъ, будетъ по карману для лица сидящяго на пятисотрублевомъ окладѣ, а та—для сидящихъ на тысячномъ окладѣ. Игрушки „для благородныхъ“ ничего вамъ не скажутъ о той сферѣ, для которой онѣ предназначаются; онѣ не введутъ васъ въ мірокъ дѣтскихъ мыслей, желаній и пр. и понятно—почему. Эти игрушки выдѣлываются фабричнымъ путемъ; въ дѣтскую среду онѣ приносятся извнѣ, а потому онѣ (игрушки) скорѣе характеризуютъ вкусы ихъ производителей, чѣмъ вкусы и наклоности дѣтей, для которыхъ пріобрѣтены чрезъ покупку. Совсѣмъ не то игрушки деревенскія. Деревенскій мальчуганъ въ большинствѣ случаевъ самъ себѣ мастеритъ игрушку; слѣдовательно, послѣдняя является продуктомъ его, мальчугана, творческой дѣятельности. Если-же она и бываетъ сдѣлана взрослымъ, то бываетъ всетаки сдѣлана

по указанію и желанію мальчугана. „Тятька, сдѣлай мнѣ коня“ говоритъ онъ: и тятька дѣлаетъ. Отсюда ихъ значеніе.

Когда я на выставкѣ осматривалъ деревенскія игрушки, то предъ моими глазами, какъ живая, выросла деревня съ ея полями, лугами, съ ея затхлымъ прудомъ, съ ея Шашками, Митьками, Миколькими.

Вотъ владѣлецъ этого суденышка, думалось мнѣ, несомнѣнно живетъ у рѣки, въ которой и пускаетъ свою посудину. Въ этой же рѣкѣ по лѣтамъ и купается онъ разъ по пятнадцати на день, къ крайнему огорченію своей матери. Владѣлецъ этой деревянной пилы и рубанка несомнѣнно сынъ плотника: когда подростетъ, то, подобно своему отцу, съ топоромъ за поясомъ исходитъ не одну сотню верстъ; будетъ, въ видахъ полученія выгодной работы, жадно прислушиваться къ слухамъ о произведенныхъ въ той или другой сторонѣ пожарами опустошеніяхъ. Владѣлецъ этихъ куколъ въ длинныхъ „платьяхъ“ и „пенжакахъ“ съ часами въ карманѣ, безъ сомнѣнія живетъ не вдалекѣ отъ города, въ мѣстности, сильно подверженной вліянію городской цивилизаціи и т. д. Словомъ почти каждая игрушка о чемъ нибудь напоминала, воскрешала въ памяти какую-либо сценку изъ деревенской жизни, разсказывала какую-либо исторію.

Таковы были мои мысли, вызванныя осмотромъ „ дѣтскаго отдѣла“ на выставкѣ. Я очень пожалѣлъ о томъ, что кромѣ игрушекъ жизнь деревенскихъ ребятъ въ этомъ отдѣлѣ почти ничѣмъ не была представлена. Между тѣмъ жизнь своеобразнаго мірка деревенскихъ ребятишекъ во многомъ очень интересна и заслуживаетъ полнаго вниманія. Тогда-же я рѣшилъ поближе присмотрѣться къ этой жизни.

Съ клочкомъ этой жизни, въ видѣ ребячьихъ игръ и пѣсенокъ, я и думаю познакомить читателя.

I.

Я имѣю въ виду только игры, отличающіяся, такъ сказать, своею устойчивостью, отлившіяся въ опредѣленныя фор-

мы, имѣющія свои опредѣленные обряды. Кромѣ этихъ игръ существуетъ множество другихъ, сочиняемыхъ ребятами подъ впечатлѣніемъ минуты, по личному вдохновенію. Нѣтъ такого явленія въ деревенской жизни, котораго бы не передразнили въ своихъ играхъ ребята. Увидятъ они какъ „міръ“ учитаетъ выборнаго и вотъ готова игра въ „учетъ выборнаго“. Играютъ „въ наемъ пастуха“, „въ урядника“, „въ мужика и барина“, въ игру—„какъ тятька мамку учитъ“ и т. д. Всѣ эти игры вносятъ много оживленія въ дѣтскую среду, довольно вѣрно копируютъ дѣйствительность, но въ каждой деревнѣ, сообразно съ ея мѣстными условіями, видоизмѣняются на свой образецъ.

Зима съ ея холодами мало способствуетъ дѣтскому общенію,—и зимнія уличныя дѣтскія игры не такъ многолюдны и не отличаются большимъ разнообразіемъ. Игра въ бабки, въ снѣжки, катанье на конькахъ и салазкахъ, вотъ почти все, что приноситъ зима дѣтскому веселью. Но лишь вешнее солнце сгонитъ снѣгъ и земля одѣнется травкой, какъ вся „челепига“, не только владѣющая ногами, но и умѣющая только ползать, выбирается на улицу. Тутъ начало дѣтскому веселью, начало ихъ играмъ.

Я прежде всего укажу на игры, общія мальчикамъ и дѣвочкамъ. Но считаю нужнымъ добавить, что мальчуганы, хотя иногда и играютъ вмѣстѣ съ дѣвченками, всетаки предпочитаютъ для игры составить свой парнишечій кругъ, а дѣвочки дѣвичій. По условіямъ многихъ игръ, изъ среды играющей публики должно быть избрано особое лицо, роль котораго въ игрѣ разнится отъ роли другихъ, участвующихъ въ игрѣ лицъ. Избраніе это происходитъ такимъ образомъ. Всѣ желающіе принять въ игрѣ участіе садятся въ рядъ. Затѣмъ одинъ изъ мальчиковъ считаетъ ихъ по головамъ, произнося слова одного изъ присловій, или пѣсенокъ, сложенныхъ спеціально для этого случая. На кого падетъ послѣдее слово или стихъ пѣсенки тотъ становится въ ряды обыкновенной играющей публики. Мальчуганъ снова повторяетъ свой счетъ

и т. д. Наконецъ остается только считающій и еще одно лицо. Повторивъ свой счетъ, считающій или принимаетъ на себя ту роль, которая отъ него требуется игрой, или же становится въ рядъ публики.

Вотъ эти присловья:

1.

Первечко,
Другечко,
Покуста,
Пониста,
Полебеня,
Капустина,
Костина,
Конки,
Лопатки,
Сизинки,
Бѣлянки.
Соколинки.

2.

Буби кони,
Златобѣги,
Нечѣмъ кони
Погонять.
Трусь,
Вашъ,
Князь.

3.

Перводанъ,
Другоданъ,
На колодѣ угодилъ.
Пятьсотъ ладья,
Пономарь судья.
Дьяконъ пишетъ
Чернымъ углемъ:
Б . . . ка татарка,
Чертова дѣвка.
Стукъ да громъ,
Поди, стеклышко,
Вонъ [1]).

4.

Полна пѣна
Не за моремъ.
Станемъ бить, колотить,
Наколачивать.
Какъ надъ нами,
Передъ нами,
Передъ нашими столбами,
Стульчикъ, мальчикъ,
Самъ любезненькій
Король.

5.

Тараранъ,
Тараранъ,
Сѣла баба на баранъ,
Поѣхала по горамъ.
Трою-рою,
По мосту, мосту,
Селезень голенастый.
Утка квакъ.
Бѣлякъ.
Соколъ,
Колоколъ,
Шишелъ,
Вышелъ,
Вонъ пошелъ.

6.

Стрѣлы горѣлы,
Осиново полѣно
За море летѣло.
За моремъ церковь,
Въ церкви икона.

[1]) Варіантъ. Послѣ пятой строки вставляется:

Катерина тетка,
Щебелева плетка.
Онъ самъ щебелекъ
Шелковый поясокъ.
Шишелъ-вышелъ,
Дегтерь вонъ.

Марья Быкова,
Жена куликова.
Стукъ,
Громъ,
Стекла вонъ.

7.

Первички,
Другички,
Летали голубички
По божьей росѣ,
По поповой полосѣ,—
Тамъ чашки,
Орѣшки,
Медокъ,
Сахарокъ.
Поди вонъ,
Королекъ.

8.

Кукушечка,
Горюшечка,
Плетень плела,
Дѣтей вела.
Кокъ.

9.

Заяцъ бѣлый,
Куды бѣгалъ?
Подъ колоду.
Чего дѣлалъ?
Лыки далъ.
Куды клалъ?
На повѣти.
Кто укралъ?
Родивонъ!
Поди вонъ.

10.

Катитъ яблоко
По огороду,
Кто не схватитъ,
Того въ воду.

11.

Шуни,
Буни,
Шелкова нитка,
Хрестъ.

Перехожу къ самымъ играмъ. Игра хрѣномъ состоитъ въ слѣдующемъ. Указаннымъ выше способомъ выбирается матка и хрѣнъ. Всѣ остальные ребята—дѣти матки. Одинъ изъ дѣтенышей охватываетъ „матку“ сзади обѣими руками; этого въ свою очередь обхватываетъ другой дѣтенышъ и т. д. Составившаяся такимъ образомъ цѣпь ребятъ кружится вокругъ „хрѣна“. При этомъ напѣвается пѣсенка.

Ужъ ты, хрѣнъ-ли мой, хрѣнъ,
Садовой, яровой!
Еще кто тебя садилъ,
Еще кто поливалъ?
Поливала—соливала
Соливонова жена.
Все ухаживала,
Огораживала.

Когда пѣсенка спѣта, между „маткой“ и „хрѣномъ“ происходитъ такой разговоръ. Дома-ли, хозяинъ, спрашиваетъ „матка“—„Дома“.—„Барыня съ печки упала, брюхомъ хрѣну

захотѣла. Можно-ли выдернуть?"—„Дергай, дергай, да не изъ корню". „Хрѣнъ" становится къ плетню и ухатывается за колъ. „Матка" вмѣстѣ съ дѣтями старается его оторвать. Ребячья цѣпь часто разрывается и оторвавшіеся при общемъ смѣхѣ летятъ на землю. Оторвавшіеся теряютъ право на выдергиваніе „хрѣна". Если удастся оторвать „хрѣна" отъ плетня, то на слѣдущую игру „хрѣномъ" избирается новое лицо; въ противномъ случаѣ это право остается за старымъ „хрѣномъ".

Въ игрѣ горшуномъ выбирается также матка и горшунъ. „Матка" съ дѣтьми въ томъ же положеніи, какъ и при игрѣ „хрѣномъ", кружится вокругъ „горшуна" при пѣніи такой пѣсенки:

Вокругъ горшуна хожу,
Жеребенка обдеру,
Жилетку сошью,
Отороченую,
Позолоченую.

Затѣмъ „матка" спрашиваетъ „горшуна".—„Горшунъ, горшунъ, чего дѣлаешь?"—„Ямку рою".—Зачѣмъ тебѣ ямку?—„Иголку ищу".—Зачѣмъ тебѣ иголку?—„Мѣшочекъ шить"—. Зачѣмъ тебѣ мѣшочекъ?—„Камешки класть".—Зачѣмъ тебѣ камешки?—„Въ твоихъ дѣтей шуркать-буркать". Съ этими словами „горшунъ" бросается ловить маткиныхъ „дѣтей". Матка", растопыривъ руки, старается ихъ защищать, постоянно бросаясь изъ стороны въ сторону, сообразно съ тѣмъ, куда устремится „горшунъ". Образовавшаяся позади „матки" цѣпь ребятъ также при этомъ волочится изъ стороны въ сторону. Когда всѣ „дѣти" будутъ переловлены, дѣтенышъ, стоящій первымъ послѣ матери, отправляется топить для „горшуна" баню. Истопивши, приглашаютъ горшуна:—„горшунъ, горшунъ! пойдемъ въ баньку. „Горшунъ" упрямится.—Нѣтъ-ли тамъ мышей, лягушекъ, говоритъ онъ. Золотые-ли тазы? Шолковыя-ли судомойки? „Горшуна" завѣряютъ, что никакой нечисти въ банѣ нѣтъ и что все тамъ прекрасно. Тогда двое „дѣтей" бе-

рутъ „горшуна“ на руки и несутъ въ баню подъ руки остальныхъ ребятъ, которые къ этому времени раздѣляются на двѣ стороны и подаютъ одна сторона другой руки. Когда „горшуна“ донесутъ до средины пути всѣ кричатъ: мыши! мыши! „Горшунъ“ пугается, соскакиваетъ съ рукъ и убѣгаетъ.

Игра з а р е й отправляется слѣдующимъ образомъ. Одинъ изъ играющихъ бѣгаетъ кругомъ усѣвшихся въ кругъ дѣтей, и старается кому-либо изъ нихъ незамѣтнымъ образомъ подложить поясъ. На протяженіи всей игры распѣвается пѣсенка:

Зоря, Зоряница,
Красная дѣвица.
Кто зорю проспитъ,
Того бить-колотить.

Сидящіе шарятъ позади себя руками, но оглядываться назадъ не имѣютъ права. Обѣжавъ весь кругъ, прячущій выхватываетъ у прозѣвавшаго поясъ и, подхлыстывая имъ, прогоняетъ прозѣвавшаго вокругъ сидящихъ три раза. Если же поясъ будетъ найденъ, то нашедшій бѣгаетъ за прячущимъ.

А вотъ игра въ Б о г а и ч е р т а[1]). Всѣ ребята садятся въ рядъ. Къ каждому изъ нихъ подходитъ Богъ и спрашиваетъ: —„раба, раба, гдѣ была?“—„У попа“.—Чего ѣла?—„Просвиру.—Чего пила?—„Сыту“.—Это чего (показываетъ куда-либо въ пространство)?—„Сторона“. А это чего (показываетъ въ противоположную сторону)?—„Другая“.—А это (показываетъ въ верхъ)?—„Небо“. — А это (показываетъ внизъ)? — „Земля“. По пятамъ за Б о г о м ъ ходитъ и ч е р т ъ, и пока „Богъ“ производитъ распросы, „чертъ“ всячески старается разсмѣшить спрашиваемаго: тычетъ послѣднему пальцемъ въ носъ, строитъ хари и т. д. Если спрашиваемый во время допроса не разсмѣется, то переходитъ къ „Богу“; иначе становится достояніемъ „черта“, который и обращаетъ всѣхъ доставшихся ему въ с о б а к ъ, и обративши натравляетъ ихъ на дѣтей „Бога“. Когда ребята достаточно повозятся между собою,—Богъ

[1]) Иначе—въ Ангела и Бѣса.

жалобно спрашиваетъ черта: за что ты моихъ дѣтей затравилъ?—„Твои дѣтки, отвѣчаетъ послѣдній, мою капустку съѣли“.—А ты что плохо огородъ городилъ?—„Плетень у меня высокій былъ“.—Какой высоты? „Вотъ этакой (показываетъ выше себя)“. Игра заканчивается тѣмъ, что всѣ „глушатъ“ Бога, т. е. стараются какъ можно громче закричать ему что нибудь подъ ухо.

Колышки. Всѣ, участвующіе въ игрѣ, дѣлятся на пары, впрочемъ, такъ, чтобы одному изъ играющихъ пары не было. Затѣмъ по одному человѣку изъ каждой пары садятся въ кругъ. Остальные стоятъ, каждый у своей пары. Это будетъ игра въ колышки. Тотъ, кому не достало пары, ходитъ вокругъ круга и спрашиваетъ у стоящихъ:—кума, кума! продай кола. Стоящіе могутъ продать каждый свой „колышекъ“, могутъ и не продать. Въ первомъ случаѣ они говорятъ—купи во второмъ—непродажный. Если „колышекъ“ запроданъ—и продавшій и купившій взапуски обѣгаютъ кругъ, каждый въ противоположную сторону. Обѣжавшій ранѣе становится у „колышка“; опоздавшій продолжаетъ „покупать“.

Всѣ ребята бѣгаютъ, безпрерывно повторяя одно и то-же:

Горохова мучка—
То и дѣло
Солодѣла.

Одинъ ловитъ бѣгающихъ. Игра продолжается до тѣхъ поръ, пока не будутъ всѣ переловлены. Это игра—въ горохову мучку.

Аналогичны съ этой игрой—игры „сырой селезенкой“, „въ волка“ и „зайцами“. Вся разница первой изъ указанныхъ игръ заключается лишь въ томъ, что ребята вмѣсто словъ—горохова мучка и т. д. въ этой игрѣ поддразниваютъ ловящаго словами—сыра селезенка. При игрѣ „волками“ ребята близко подходятъ къ тому мѣсту, гдѣ лежитъ „волкъ“ и дѣлаютъ видъ, будто собираютъ ягоды, при чемъ вытягаютъ:

Беру, беру ягоды
Вашему брату—
Г . . . а на лопату.

Волкъ соскакиваетъ и ловитъ берущихъ ягоды. Пойманные сами обращаются въ волковъ.

При игрѣ з а й ц а м и всѣ играющіе соединяютъ у себя концы указательнаго и большого пальцевъ; затѣмъ въ образовавшееся такимъ образомъ кольцо, пускаютъ слюну. У кого слюна пролетаетъ черезъ кольцо, не задѣвъ краевъ пальцевъ, тѣ становятся з а й ц а м и; у кого задѣваетъ—с о б а к а м и. „Зайцы“ поддразниваютъ собакъ словами:

Заяцъ собакѣ
Хвостъ ломалъ.

„Собаки“ могутъ ловить „зайцевъ“ только на чистомъ мѣстѣ. Разъ заяцъ успѣлъ встать на какое-либо дерево—на бревно, крыльцо и пр.—онъ неприкосновененъ.

При игрѣ в о р о б ь е м ъ изъ среды играющихъ избирается м а т к а и воробей. Остальные становятся въ одну линію и берутся за руки. „Воробей“ зигзагомъ подныриваетъ подъ руки стоящихъ. За нимъ гонится „матка“ съ прутикомъ въ рукахъ и старается его подхлыстывать. Ребята шугаютъ воробья словами: ш и ш ъ, ш и ш ъ, в о р о б е й! Поднырнувъ подъ руки, мальчуганъ становится въ рядъ. Далѣе подныриваетъ слѣдующій мальчуганъ. За нимъ снова гонится матка и т. д.

Игра т а б а к о м ъ совершается такъ. По пыльной дорогѣ проводятъ зигзагомъ полосу, на обѣихъ концахъ которой дѣлается по кругу. Въ одинъ изъ круговъ наносятъ кучу пыли. Это—и есть т а б а к ъ. Къ „табаку“ приставляется торговецъ—„дѣдушка“. Ребята приходятъ къ нему за покупкою.—Дѣдушка продай табаку!—„Ладнося“. Пока одни торгуются, другіе стараются воровать и, набравъ пыли въ подолы бѣгутъ по направленію ко второму кругу, по условіямъ игры, непремѣнно по проведенной полосѣ. „Дѣдушка“ съ подогомъ въ рукахъ гонится за похитителями. Если догонитъ то „табакъ“ возвра-

щается назадъ; въ противномъ случаѣ складывается въ кучу во второмъ кругу. Когда весь табакъ изъ одного круга будетъ перетасканъ въ другой, для торговли избирается новый „дѣдушка“. Начинается перетаскиваніе пыли опять въ прежній кругъ и т. д.

Игра—б а б у ш к о й П ы х т ѣ и х о й. Вибирается—„бабушка“. Бабушка любитъ молиться Богу. Опираясь на клюку, она отправилась къ обѣднѣ. Ее окружаютъ ребята.—Бабушка Пыхтѣиха, куда пошла?—„Къ обѣденкѣ“. Возьми насъ.—„Идите, да не свистите“. Ребята нѣкоторое время идутъ смирно, затѣмъ поднимаютъ свистъ, Пыхтеиха гонится за ними, и пойманныхъ тузитъ по спинѣ клюкою.

Игры—г о р я ч е й с к о в о р о д о й и „въ у ш и б у“. При первой игрѣ связываются концами возжи. Одинъ становится въ кругъ; остальные держатся за возжи. Стоящій въ кругу ловитъ остальныхъ. Держащіеся за возжи ребята могутъ перемѣнять руки, но совсѣмъ выпускать изъ рукъ возжи не должны. Пойманные становятся въ кругъ. При второй игрѣ играющіе раздѣляются на двѣ равныя партіи. Одна изъ партій завладѣваетъ мячемъ; другая становится въ кругъ, спиной во внутреннюю сторону круга. Первая партія удаляется куда-нибудь за уголъ. Оттуда ребята возвращаются съ загнутыми подолами рубахъ, которые (подолы) держатъ въ рукахъ, и начинаютъ подпрыгивать вокругъ стоящихъ со словами: у ш и б у, у ш и б у, у ш и б у... Тѣ имъ отвѣчаютъ: н е б о ю с ь, н е б о ю с ь, н е б о ю с ь... Мальчуганъ, у котораго спрятанъ мячъ, внезапно выхватываетъ его изъ подола, и ударяетъ кого-либо изъ стоящихъ въ кругу; при этомъ всѣ ребята разбѣгаются въ стороны. Стоящіе въ кругу стараются поймать мячъ и попасть имъ въ кого нибудь изъ лицъ первой партіи. Если ударъ нанесенъ удачно, то роли играющихъ мѣняются: стоявшіе въ кругу завладѣваютъ мячемъ, а владѣвшіе мячемъ становятся въ кругъ. Если стоящимъ въ кругу долгое время не удается ни въ кого попасть мячемъ изъ лицъ первой партіи,—то эти послѣдніе начинаютъ поддразнивать первыхъ:

За-а-морены,
За-а-морены,
За-а-морены...

II.

Описавъ игры общія мальчикамъ и дѣвочкамъ, перехожу далѣе къ играмъ, въ которыхъ играютъ или одни мальчики, или однѣ дѣвочки.

Начну съ игръ мальчиковъ. При игрѣ ю р о м ъ всѣ мальчуганы, кромѣ одного, садятся въ кругъ; ноги покрываютъ пологомъ, или рогожей; подъ ногами передаютъ другъ другу свитый изъ поясовъ жгутъ или ю р ъ. При игрѣ напѣвается пѣсенка:

Юръ ушелъ, ушелъ, ушелъ,
Ти-ря-ря убѣжалъ..
Юръ ушелъ, ушелъ, ушелъ и т. д.

Оставшійся за кругомъ мальчуганъ старается угадать, у кого въ данную минуту находится ю р ъ. Юръ время отъ времени появляется изъ подъ полога на свѣтъ и ударяетъ ищущаго по спинѣ. Когда ю р ъ найденъ, ищущій садится на мѣсто того, у кого ему удалось захватить юръ. Этотъ-же становится на его мѣсто.

Одинъ изъ мальчугановъ садится, положивъ на голову фуражку вверхъ донышкомъ. Остальные отходятъ отъ него саженъ на двадцать; затѣмъ разбѣгаются и перепрыгиваютъ черезъ сидящаго мальчугана; при чемъ должны перепрыгнутъ такъ, чтобы не сронить съ него фуражки. Тѣмъ, которые не исполнили этого условія, полагается наказаніе. По окончаніи игры такихъ берутъ за руки и за ноги каждаго по два мальчугана; берутъ и того, кто сидѣлъ на кону; раскачиваютъ и ударяютъ другъ о друга мягкими частями. Игра эта носитъ очень неблагородное названіе, а потому можетъ быть обозначена только подъ точками,—это игра ч у г у н н о й ж . . . й.

При игрѣ в ъ б о н к и всѣ участвующіе въ игрѣ вырываютъ себѣ по прямой линіи по ямкѣ. Стоящіе у крайнихъ ямокъ катаютъ мячъ. Когда мячъ останавливается въ чьей-ли-

бо ямкѣ, всѣ ребята, кромѣ того, въ чьей ямкѣ мячъ остановился, разбѣгаются; послѣдній-же беретъ мячъ и старается имъ въ кого-нибудь попасть. Тому, въ кого мячъ попалъ, а въ случаѣ, если мячъ былъ брошенъ неудачно, то тому, кто бросилъ, задаются „бонки“. Такому мальчугану закрываютъ глаза, затѣмъ ударяютъ его поголовѣ мячемъ и спрашиваютъ: кокъ, кокъ, въ чьей ямкѣ? „Коканье“ по головѣ продолжается до тѣхъ поръ, пока спрашиваемый не дастъ вѣрнаго отвѣта, въ чью ямку мячъ положенъ.

Ямки сохраняются при игрѣ въ муху. При этой игрѣ въ землю вбивается колъ; на колъ вѣшается сучекъ—„муха“. Къ „мухѣ“ приставляется караульщикъ. У каждаго изъ играющихъ въ рукахъ имѣется палка — „свистъ“. Этими свистами играющіе и сбиваютъ „муху“. Когда „муха“ сбита, всѣ ранѣе пробросившіе свои свисты бѣгутъ за ними, стоящій-же у „мухи“ старается поскорѣе повѣсить ее на колъ, и затѣмъ бѣжитъ также на конъ—къ ямкамъ. Если ему удастся ранѣе занять чью либо ямку, то караулить „муху“ отправляется тотъ, кто прибѣжалъ къ своей ямкѣ позже.

При игрѣ въ ножички играющіе сядятся въ кругъ. Затѣмъ одинъ изъ ребятъ беретъ ножичекъ за конецъ лезвія и бросаетъ его такъ, чтобы онъ воткнулся въ землю. Это—первый пріемъ. Второй пріемъ состоитъ въ томъ, что мальчуганъ кладетъ ножикъ на ладонь лезвіемъ кверху; съ ладони онъ подбрасываетъ его вверхъ такъ, чтобы ножикъ перевернулся въ воздухѣ и затѣмъ опять таки воткнулся въ землю. Если это продѣлано удачно, то съ ножомъ продѣлываетъ третій пріемъ, разнящійся отъ второго лишь тѣмъ, что теперь ножъ кладется на обратную сторону ладони. Четвертый пріемъ заключается въ томъ, что ножъ бросается съ головы, опять таки такъ, чтобы перевернулся въ воздухѣ. Продѣлавшій всѣ пріемы удачно, заканчиваетъ игру—„выходитъ“. Если кому-нибудь изъ играющихъ не удается какой либо изъ пріемовъ, то въ слѣдующій „конъ“, когда ножикъ обойдетъ всѣхъ сидящихъ въ кругу, онъ начинаетъ съ того пріема, на которомъ

остановился въ предшествовавшемъ „кону“. Не продѣлавшему съ ножомъ всѣхъ пріемовъ опредѣляется наказаніе. Ножъ втыкается въ землю, и затѣмъ каждый изъ играющихъ ударяетъ по нему палочкой три раза. Иногда ножъ уходитъ весь въ землю. „Оставшійся“ долженъ вытащить его изъ земли зубами.

Игра чижомъ совершается такъ. Изъ играющихъ выбираются двѣ матки. Остальные сговариваются между собой. „Я буду колоколомъ. а ты колокольней...—Матка, колокола или колокольни?“ Матки выбираютъ. Такимъ образомъ играющіе раздѣляются на двѣ равныя группы. Затѣмъ на землѣ вычерчивается квадратъ аршина въ полтора шириною. Въ середину этого квадрата кладется небольшая палочка—это и есть чижъ. Чижъ накатывается другою палочкою и затѣмъ подшибается. Каждый ударъ по чижу считается за три. Играющіе напередъ уговариваются „доскольки“ они играютъ—до пятидесяти, до ста и т. д. Одна группа играющихъ становится у „чижа“, другая „въ полѣ“. Каждый изъ лицъ первой группы накатываетъ и подшибаетъ чижъ до тѣхъ поръ, пока послѣдній не будетъ кѣмъ-либо изъ лицъ второй группы выброшенъ въ начертанный на землѣ квадратъ. Чижъ бросается съ того мѣста, куда улетитъ отъ нанесеннаго по немъ удара. Если чижъ кѣмъ либо изъ ребятъ второй группы будетъ пойманъ на воздухѣ, то все набитое первой группой пропадаетъ—„сгорѣло“. Когда партія кончена, т. е. когда одна изъ группъ „набила“ до опредѣленаго числа, а вторая партія не успѣла „набитаго“ сквитать,—то группѣ, проигравшей партію, задаются „скачки“: каждый мальчуганъ этой группы скачетъ на одной ногѣ до того мѣста (и обратно), куда забьетъ чижа сговаривавшійся съ нимъ товарищъ.

Игръ ребятъ „въ бабки“ или „козны“, „въ лапту“, „въ чехарду“ и „въ чушки“ я описывать не буду, въ виду ихъ общеизвѣстности, а перейду къ играмъ дѣвчатъ.

Игра—медомъ и сахаромъ. Двѣ дѣвочки становятся другъ противъ друга и подаютъ одна другой руки. Остальныя вытягиваются веревочкой—становятся „тигалой“—и под-

-1388-

Горно-Алтайский
ОБЛАСТНОЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
БИБЛИОТЕКА
Инв. № ~~1388~~ 1131

ныриваютъ подъ руки первыхъ. Послѣднюю въ ряду дѣвочку спрашиваютъ: „къ кому хочешь, къ меду, или сахару“? Дѣвочка переходитъ. Веревка дѣвчатъ снова подныриваетъ подъ руки, теперь уже въ обратномъ противъ прежняго порядкѣ, и т. д. Когда всѣ дѣвчата подѣлятся между „медомъ“ и “сахаромъ“, выбирается длинная палка; обѣ группы дѣвчатъ берутся за палку, одна съ одной а другая съ другой стороны, и тянутся: въ комъ силы больше?

Игра—краской. Дѣвочки, избравъ изъ среды себя ангела и черта, становятся въ рядъ. Каждой дѣвочкѣ присвояется названіе какой либо краски; одна—синяя,—другая—зеленая и т. д. По ряду ходятъ „ангелъ“ и „чертъ“. „Ангелъ“ говоритъ:—стукъ, стукъ подъ окномъ. Его спрашиваютъ.—„Кто тамъ?“—Ангелъ.—„За чѣмъ пришелъ?“ — За краской.—„За какой?“—За зеленой. Зеленая краска переходитъ къ „Ангелу“. Ходитъ по ряду и „чертъ“. Стукъ, стукъ подъ окномъ.—„Кто тамъ?“—Я, чертъ съ рогами, съ горячими сковородами.—„За чѣмъ пришелъ?“—За краской.—„За какой?“—За красной. Красная краска переходитъ на сторону „Черта“. Такимъ образомъ, дѣвочки подѣляются между „ангеломъ“ и „чертомъ“. Игра заканчивается, какъ и предыдущая.

При игрѣ Мизинкой дѣвочки также раздѣляются на двѣ стороны. Одна сторона становится лицомъ къ стѣнѣ или къ плетню и зажимаетъ глаза. Другая избираетъ изъ своей среды „Мизинку“ и отправляется ее прятать, часто совсѣмъ на другой конецъ села. Затѣмъ обѣ стороны ходятъ по селу и выкрикиваютъ: Мизинъ, Мизинъ! Когда ищущія поравняются съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ спрятана „Мизинка“, послѣдняя выскакиваетъ изъ своей засады и стремительно бѣжитъ по направленію къ своимъ; противоположная сторона старается ее перенять. Если это ей удастся, то право избрать „Мизинку“ на слѣдующій конъ игры переходитъ на эту сторону.

При игрѣ слѣпымъ пѣтухомъ одной дѣвочкѣ завязываютъ глаза. Затѣмъ на землѣ начерчивается довольно большой кругъ и всѣ играющія входятъ въ этотъ кругъ.

Дѣвочка ловитъ играющихъ. Играющія не могутъ выходить за черту круга. Пойманыя и сами обращаются въ „слѣпыхъ пѣтуховъ“.

Игра—К о с т р о м о й. Избирается К о с т р о м а и м а т к а. Кострома стоитъ на одномъ мѣстѣ. Остальныя дѣвочки подъ предводительствомъ „матки“, вытянувшись веревкой, кружатся вокругъ нее при пѣніи пѣсенки:

Кострома моя,
Костромушка!
У Костромушки
Кисель да блины,
Подъ головушкой
Канунъ да свѣчи.
Ты гори, свѣча,
При бѣдности.

Когда пѣсенка пропѣта, всѣ дѣвочки становятся въ кругъ. „Кострома“ подходитъ къ каждой изъ нихъ и говоритъ:— „пусти ночевать“. И неизмѣнно получаетъ въ отвѣтъ одно и то-же.— „Некого цѣловать. Кошка окотилась, котятъ некуда дѣвать“. Получивъ отказъ въ ночлегѣ, Кострома начинаетъ ловить дѣвочекъ. Послѣ всѣхъ ловитъ „матка“, которую „глушатъ“ и заставляютъ назвать имя жениха.

Т а т а р с к і й п л е т е н ь. При этой игрѣ дѣвочки встаютъ врядъ и берутся за руки. М а т к а ведетъ за собой весь рядъ дѣвушекъ и подныриваетъ подъ руки стоящей на другомъ концѣ пары. Тѣ перевертываются. Далѣе „матка“ подныриваетъ подъ руки второй пары и т. д. Въ концѣ концовъ получается то, что каждая дѣвочка держится съ другой дѣвочкой лѣвой рукой, перекинутой чрезъ правое плечо. Когда „плетень“ завитъ его начинаютъ развивать. Во время игры поется пѣсенка:

Вейся, ты вейея,
Капустка моя!
Вейся, ты вейся,
Виловая моя!

Какъ мнѣ, капусткѣ,
Не витися?
Какъ мнѣ, виловой,
Не свиватися?
Вечеръ на капусткѣ,
Вечеръ на виловой—
Частый, сильный дождикъ.

И. Нечаевъ.

ГОРОДЪ КУРМЫШЪ ВЪ XIV—XVIII ВѢКАХЪ [1]).

Движеніе Руси на востокъ, начавшееся еще во времена первыхъ князей, послѣ построенія Нижняго Новогорода (1221 г.) надолго было прервано татарскимъ погромомъ. Только чрезъ сотню лѣтъ Русь настолько оправилась отъ нестроеній, вызванныхъ татарскимъ нашествіемъ, что получила возможность при защитѣ восточныхъ окраинъ перейти въ наступленіе.

Въ 1367 г. на Нижегородское княжество сдѣлалъ набѣгъ ордынскій князь Булакъ-Темиръ, завладѣвшій предъ тѣмъ Болгарской землей. Булакъ Темиръ опустошилъ Городецкія волости и пошелъ было на Нижній, но князья Борисъ и Дмитрій Константиновичи общими силами прогнали татаръ за р. Пьяну. Булакъ-Темиръ бѣжалъ въ Золотую Орду и былъ тамъ убитъ по приказанію хана Агиса, а въ Болгарской землѣ захватилъ власть князь Асанъ. Въ 1370 г. по приказу хана Мамая кн. Дмитрій Константиновичъ Суздальскій послалъ брата, кн. Бориса, и сына, Василія, съ большою ратью на

[1]) Въ предлагаемомъ очеркѣ мы намѣрены изложить исторію одного изъ этаповъ великаго пути, пройденнаго Русью въ движеніи ея на востокъ,—маленькаго городка Симбирской губерніи, игравшаго нѣкогда на восточной окраинѣ Руси такую же роль, какую исполняютъ нынѣ среднеазіатскія наши твердыни. Разсказъ нашъ не можетъ претендовать на полноту и обстоятельность, что зависитъ отъ отрывочности попавшихъ въ печать свѣдѣній о прошломъ Курмыша. Случайно уцѣлѣвшія и случайно же напечатанныя грамоты смутнаго времени, писцовая книга, отрывочныя извѣстія лѣтописи и кое-какіе акты, наконецъ, нѣкоторыя преданія о Пугачевщинѣ, услышанныя отъ старожиловъ,—вотъ тѣ данныя, на которыхъ основанъ нашъ очеркъ.

болгарскаго Асана [1]). Русскіе, хотя и взяли отъ Асана дары, но свергли его и поставили княземъ „Салтанъ-Бекова сына".

Воюя по приказу Мамая, князья не ограничились лишь полученіемъ даровъ отъ Асана, но постарались и о расширеніи своей территоріи на счетъ болгарскаго князька. Вскорѣ послѣ похода на Асана, князь Городецкій Борисъ Константиновичъ „постави себѣ городъ на рѣцѣ на Сурѣ и нарече его именемъ Курмышъ" [2]) (въ 1372 г.).

Курмышъ былъ построенъ верстахъ въ сорока отъ устья Суры на возвышенности лѣваго берега, омываемой съ двухъ сторонъ водами весенняго разлива рѣки. Сура въ то время протекала, вѣроятно, гораздо ближе къ городу, чѣмъ теперь. Лѣтъ восемьдесятъ тому назадъ она, по словамъ старожиловъ, протекала въ ста саженяхъ отъ города, нынѣ же отошла отъ него почти за версту.

Весьма вѣроятно, что на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ поставленъ „городъ", существовалъ уже поселокъ инородцевъ. Финскій корень слова „курмышъ" даетъ право предположить, что на мѣстѣ Курмыша находилось нѣкогда финское селеніе, вѣроятно, мордовское. Рѣка Сура въ низовьяхъ своихъ является границей разселенія двухъ племенъ—мордвы и чувашъ. Послѣдніе живутъ преимущественно по правому берегу Суры, мордва же встрѣчается исключительно на западъ отъ рѣки. Что въ окрестностяхъ Курмыша жила нѣкогда мордва, подтверждаетъ и то обстоятельство, что жители сосѣднихъ съ Курмышемъ селъ Шокина и Кекина (васильсурскаго уѣзда, верстахъ въ пяти отъ Курмыша) слывутъ у сосѣдей мордвой, хотя сами и считаютъ себя коренной Русью. На ту же мысль наводитъ и названіе одного изъ курмышскихъ озеръ - озера Мордва. Первое время послѣ постановленія города Курмышъ находился на окраинѣ новопріобрѣтенныхъ земель, представляя пограничный укрѣпленный пунктъ на юго-востокѣ княжества Нижегородскаго.

[1]) П. С. Р. Л., VIII, 17.
[2]) П. С. Р. Л., VIII, 19.

Границы нижегородскихъ владѣній на Сурѣ въ концѣ XIV вѣка можно приблизительно опредѣлить по жалованной граматѣ кн. Бориса Константиновича нижегородскому Спасскому (Благовѣщенскому) монастырю 1393 года [1]). Граматой этой князь пожаловалъ монастырю всѣ озера, рѣчки и бобровые гоны внизъ Сурою по рѣку Волгу отъ рѣчки Курмышки. Въ граматѣ перечислены пожалованныя монастырю озера (названія ихъ и теперь тѣже). Большая часть этихъ озеръ находится между Курмышемъ и Нижнимъ и только два озера лежатъ верстахъ въ семи къ югу отъ города (за р. Курмышкой).

Это обстоятельство позволяетъ предположить, что и граница нижегородскихъ владѣній на Сурѣ въ XIV вѣкѣ проходила не далѣе, какъ верстахъ въ семи-восьми на югъ отъ Курмыша.

Изъ упомянутой выше граматы видно, что князь Борисъ Константиновичъ при заселеніи новыхъ земель прибѣгъ къ старому, испытанному средству, къ помощи монастырей, оказавшихъ впослѣдствіи не малыя услуги въ дѣлѣ развитія гражданственности среди инородческаго населенія Посурья. Князь Борисъ, отдавая угодья въ пользованіе Нижегородскаго монастыря, разрѣшилъ ему поселять крестьянъ на пожалованыхъ земляхъ и предоставилъ поселенцамъ этимъ льготы въ платежѣ пошлинъ, а также запретилъ курмышскимъ намѣстникамъ вмѣшиваться въ судъ и расправу монастырскихъ селеній [2]).

Мало по малу русскія владѣнія на Сурѣ увеличивались новыми землями не только по лѣвому, но и по правому берегу рѣки, какъ это видно изъ первой духовной великаго князя Василія Дмитріевича 1406 года [3]). „И дастъ Богъ“, говорится въ этой духовной „сыну моему князю Ивану держати Новгородъ Нижній да Муромъ, ино княгинѣ моей изъ Новагоро-

[1]) Акты археограф. экспед., I, № 12.

[2]) Записки археолог. общ., т. X.

[3]) Собр. гос. грам. и договор., т. I, стр. 73. Нижегородское княжество было присоединено къ московскому въ 1392 г.

да половина пошлинъ новогородскихъ, да Курмышъ совсѣми селы и съ бортью и съ путми и съ пошлинами, и совсѣмъ, што къ нему потягло, и съ Алгашемъ; а изъ Мурома ей сельце".

Алгашъ, правый притокъ Суры, протекающій на юго-востокъ отъ Курмыша, упоминается въ духовной отдѣльно отъ Курмыша и отъ того, „что къ нему потягло". На основаніи этого можно заключить, что Алгашъ былъ присоединенъ вновѣ.

Послѣдующій ходъ присоединенія и колонизаціи Посурья въ XV вѣкѣ прослѣдить невозможно, потому что напечатанные до сего времени источники по исторіи Поволжья не даютъ никакихъ указаній относительно этого интереснаго вопроса. Лишь подъ 1446 годомъ снова встрѣчается въ лѣтописяхъ упоминаніе о Курмышѣ, именно въ повѣствованіи о войнѣ великаго князя Василія Васильевича Темнаго съ ханомъ Улу-Махметомъ.

Начиная съ походовъ Улу-Мухамеда, восточная окраина московскаго государства стала подвергаться частымъ набѣгамъ татаръ, которыхъ Улу-Махметъ сплотилъ около Казани. Въ это время Курмышъ имѣлъ, надо полагать, важное значеніе, какъ сторожевой пунктъ на юго-восточной границѣ Руси. Къ сожалѣнію, до насъ не дошло никакихъ извѣстій о Курмышѣ этого времени.

Весьма скудны также свѣдѣнія о Курмышѣ послѣ завоеванія казанскаго царства Иваномъ Грознымъ. Извѣстно только, что въ то время Курмышъ управлялся воеводами и что у него былъ свой уѣздъ, образовавшійся изъ новоприобрѣтенныхъ земель на югъ отъ города.

Въ годъ взятія Казани (1552) былъ основанъ на Сурѣ Алатырь, который вмѣстѣ съ основаннымъ ранѣе Васильсурскомъ несъ такую же, какъ Курмышъ, сторожевую службу. Изъ Алатыря посылались разъѣзды по Сурѣ. Курмышъ посылалъ свои „сторожи" и на востокъ и на юго-западъ на Цну [1]).

[1]) «Симб. Сборн.», II, 11.

Кромѣ упомянутыхъ трехъ городовъ въ Посурьѣ возникъ еще городъ Ядринъ (въ двѣнадцати верстахъ къ сѣверу отъ Курмыша), названный такъ, по словамъ преданія, потому, что въ Ядринѣ лили ядра для войска Ивана Грознаго. Въ концѣ XVI вѣка въ курмышскомъ уѣздѣ возникло не мало селъ и деревень. Въ „граматахъ и отпискахъ“ 1611 г. упоминается нѣсколько курмышскихъ селъ вмѣстѣ съ нижегородскими селами Княгининымъ [1]), Мурашкинымъ, Шершовымъ, возникновеніе которыхъ можно отнести тоже къ этому времени. Ранѣе покоренія Казани едва ли возможно было основаніе селъ и деревень въ этомъ краѣ, постоянно подвергавшемся нападеніямъ татаръ.

Семнадцатый вѣкъ гораздо богаче свѣдѣніями о Курмышѣ, нежели предшествующій. Отъ смутнаго времени сохранилось нѣсколько любопытныхъ данныхъ объ отношеніяхъ Курмыша къ „вору“.

Курмышъ, населеный, какъ и другіе окраинные города, вольницей, очень симпатизировалъ затѣямъ самозванцевъ.

Курмышане признали царемъ перваго самозванца, а за второго начали было даже „войну“ съ казанцами. Вмѣстѣ съ алатырцами, ядринцами, арзамасцами, темниковцами и касимовцами курмышане поднялись противъ Казани, не признававшей „тушинскаго вора“. Возстали противъ Казани также и инородцы: мордва, горные чуваши и черемисы. Въ отпискѣ казанскихъ воеводъ вятчанамъ объ этомъ походѣ [2]) упоминаются въ числѣ „воровъ“ князья Еналѣйко Шугоровъ и Брюшейко Яникѣевъ, судя по именамъ, тоже инородцы.

Ополченіе двинулось къ Свіяжску, чтобы, завладѣвъ имъ, напасть на Казань. Казанскіе воеводы Василій Морозовъ, Богданъ Бѣлинскій, Никифоръ Шульгинъ и Степанъ Дичковъ „послали изъ Казани въ горную сторону, на тѣхъ воровъ, головъ Осипа Зюзина да Ондрея Хохлова съ товарищы, а съ ними казанскую многую рать, дворянъ и дѣтей боярскихъ и

[1]) Нынѣ уѣздный гор. Нижегор. губ.

[2]) Акты истор., II, № 114.

служилыхъ князей и мурзъ, и новокрещеновъ, и татаръ, и чювашу, и черемису, и вотяковъ, и лаишевскихъ полоняниковъ и бусорманъ, и казанскихъ многихъ стрѣлъцовъ, съ вогненнымъ боемъ и съ нарядомъ; и марта въ 11 день писали... казанскіе головы, что они на тѣхъ воровъ пришли марта въ 10 день и Божьею милостію и Пречистыя Богородицы новоявленнаго образа иже въ Казани, и великихъ казанскихъ чюдотворцовъ Гурья и Варсонофья и всѣхъ святыхъ молитвами и государевымъ царевымъ, и великаго князя Василія Ивановича всеа Русіи счастьемъ, и всѣхъ ратныхъ людей ко государю прямою ихъ службою, тѣхъ воровъ въ горной сторонѣ, въ деревнѣ въ Бурундуковѣ, побили всѣхъ наголову, и многихъ поимали, и набаты и знамена ихъ взяли".

Несмотря на неудачу подъ Бурундуковымъ, курмышане продолжали держать сторону самозванца даже тогда, когда въ Нижнемъ стало собираться ополченіе для похода въ Москву на поляковъ.

Отъ этого времени сохранились граматы и отписки воеводѣ курмышскому Смирному Васильевичу Елагину 1611—1612 годовъ [1]), который самъ по себѣ интересенъ какъ типичный представитель дѣльцовъ смутнаго времени.

Граматы и отписки эти показываютъ, сколько противныхъ теченій, шатаній отъ одного къ другому, мелкихъ споровъ и несправедливыхъ претензій приходилось преодолѣвать вождямъ нижегородскаго ополченія, прежде чѣмъ они могли двинуться въ походъ, чтобы „за провославную христіанскую вѣру и за святую Божью церковь" стоять противъ польскихъ и литовскихъ людей. Дѣла нижегородскаго ополченія шли бы гораздо успѣшнѣе, если бы не рознь городовъ и не задержки со стороны дѣльцовъ, подобныхъ Елагину.

Чтобы отбояриться отъ посылки ратныхъ людей въ Нижній, у курмышскаго воеводы была одна отговорка—неимѣніе денегъ. А такъ какъ изъ Нижняго постоянно требовали рат-

[1]) Лѣтоп. зан. арх. комм., вып. I.

ныхъ людей, то Елагинъ сталъ посылать „для доходовъ“ въ чужіе уѣзды, полученныя же такимъ путемъ деньги куда-то исчезали безслѣдно. Въ семи граматахъ (изъ двадцати трехъ) рѣчь идетъ объ этихъ самовольныхъ вторженіяхъ въ чужой уѣздъ, при чемъ повторяется настоятельное требованіе присылки „дворянъ и дѣтей боярскихъ, и стрѣльцовъ, казаковъ“ въ нижегородское ополченіе.

Елагинъ отправлялъ своихъ людей „для доходовъ“ въ нижегородскія села Княгинино, Шахманово, Мурашкино, послалъ какого-то Алешку Уварова „по великой и сильной московскаго государства бояръ и воеводъ князя Дмитрія Тимофеевича Трубецкаго, Ивана Мартыновича Заруцкаго и всей земли грамотѣ въ Курмышскій уѣздъ, въ деревню Шершову“ затѣмъ, чтобы „отказати ту деревню дьяку Афонасью Овдокимову въ помѣстье со всѣми угодьи“.

Уваровъ доносилъ, что Шершовцы отказались признать своимъ помѣщикомъ дьяка Овдокимова на томъ основаніи, что они живутъ не въ курмышскомъ, а въ нижегородскомъ уѣздѣ и „за помѣщики-де не бывали ни за кѣмъ, сами-де мы земскую служимъ службу“.

Вторженія Елагина въ чужой уѣздъ вызвали нѣсколько граматъ, одни другой энеричнѣе, отъ кн. Пожарскаго, дьяка Василія Юдина, Ивана Ивановича Биркина (казанскаго дѣятеля начала XVII вѣка, уѣхавшаго изъ Нижняго въ Казань, потому что ему „били челомъ Нижнева Новогорода всякіе люди, чтобъ ѣхать въ Казань для ратныхъ людей“) и др. Въ грамотѣ (№ 5) отъ 25 дек. нижегородскіе вожди писали Елагину: „и впредь бы тебѣ въ нижегородскимъ уѣздѣ въ княгининскую и тихмановскую волость не вступатися и въ Нижній къ намъ съ указомъ не писати, а въ Нижнемъ слушаютъ указъ изъ ноугородскія чети за приписью дьяковъ Друговорылдина (?)“.

Въ слѣдующей грамотѣ (№ 6) нижегородцы, выведенные изъ терпѣнія уловками Елагина, пишутъ ему цѣлое поученіе объ обязанностяхъ гражданина, любящаго свою родину. „Все православное, христолюбивое воинство, говорится въ граматѣ,

желаютъ за имя Божіе умирать и битися до смерти а ты присылаешь для доходовъ! Кого тебѣ на Курмышѣ жаловать, а хотя и есть кого, и тебѣ Курмышомъ однимъ не оборонить Москвы. А вѣдаешь, господине, что всѣ городы согласились съ Нижнемъ, понизовые, и поморскіе и поволскіе и Рязань, и всякія доходы посылаютъ въ Нижній Новогородъ и хотятъ, прося у Бога милости, побороть и умереть за благочестивую вѣру и за свои души. А какое учиниться худо и взачнется кровь твоею ссорою, и того всего Богъ взыщетъ на тебѣ, и земскаго совѣту и здеся отъ бояръ и отъ всея земли отмщеніе примешь".

Очевидно, что въ Нижнемъ, сильно заподозрили Елагина въ желаніи „учинить худо", стать на сторону „воровъ". Подозрѣнія эти были вызваны, вѣроятно, заявленіемъ двухъ курмышанъ Бориса Синцова и Данила Кобылина о томъ, что Смирной не велѣлъ идти на службу „Курмышскаго города ратнымъ людямъ и татарамъ и чувашѣ и мордвѣ",

Послѣ такого доноса Елагину оставалось открыто присоединиться къ той или другой партіи. Онъ предпочелъ бы, кажется, принять приглашеніе арзамасскаго воеводы, который звалъ его идти вмѣстѣ къ Москвѣ, но „казанскаго государства служилые и жилецкіе люди", узнавъ объ этомъ приглашеніи, предупредили Смирного, что арзамасцамъ вѣрить нечего, „потому что въ Арзамасѣ стрѣльцы заворовали. А буде ты, Смирный, писали казанцы, учнешь впредь такъ дѣлати, ратныхъ людей собравъ, въ Нижней не пошлешь и съ казанскимъ государствомъ учнешь розню чинити—и мы, не ходя въ Нижней, со всѣми ратными людьми придемъ подъ Курмышъ и тебя Смирнова взявъ отошлемъ въ Казань или въ Нижней Новгородъ. Да сослався съ Нижнемъ Новгородомъ, и надъ Арзамасомъ учнемъ промышляти, чтобы воровъ отъ воровства и крови пролитья уняти".

Еще до полученія арзамасской грамоты Елагинъ писалъ въ Нижній, чтобы Синцова, говорившаго „во весь міръ на смуту" о нежеланіи курмышанъ присоединиться къ нижего-

родскому ополченію, призвали для сыску въ Нижній. На это изъ Нижняго отвѣтили, что слѣдуетъ въ Нижній прислать и тѣхъ людей, которые „про то дѣло, про Бориса (Синцова) сказывали".

Послѣ казанской граматы Елагинъ рѣшилъ исполнить это требованіе нижегородцевъ. Онъ написалъ въ Нижній, что ему били челомъ „горной стороны торханы и старосты и татаровя и чуваши и черемисы" и принесли къ нему челобитную на курмышанъ Бориса Синцова и Данилу Кобылина „о сыску въ смутномъ дѣлѣ". Такимъ образомъ обвинители Елагина сами становились обвиняемыми. Смирной послалъ челобитчиковъ вмѣстѣ со своей отпиской и челобитной въ Нижній. Но тамъ произошло совсѣмъ не то, чего хотѣлъ Елагинъ.

На допросѣ челобитчикамъ прочтена была ихъ жалоба, и оказалось что они такой жалобы не писали и не подавали, „а знамена—де у тоя челобитныя не ихъ". Послѣ разоблаченія новаго „захода" Елагина, какимъ оказалась жалоба инородцевъ на Синцова и Кобылина, кн. Пожарскій не медля написалъ объ этомъ „курмышскимъ дворянамъ, дѣтямъ боярскимъ, сотникамъ стрѣлецкимъ, стрѣльцамъ и всѣмъ посадскимъ людямъ и государевымъ крестьянамъ" и послалъ въ Курмышъ воеводой Дмитрія Жедринскаго съ дьякомъ Ѳомой Кутеповымъ.

Елагину оставалось только подчиниться приказу кн. Пожарскаго. Но и тутъ у Елагина нашлась отговорка. Онъ воспользовался опиской подъячаго, писавшаго грамоту кн. Пожарскаго, и не соглашался признать новаго воеводу, такъ какъ въ грамотѣ было написано, что новый воевода назначенъ „на Смирново мѣсто М о т о в и л о в а". Часть курмышанъ поддерживала Елагина, но вскорѣ недруги стараго воеводы взяли верхъ и на земскомъ совѣтѣ признали воеводой Жедринскаго, который обѣщалъ Елагину наказать подъячаго, „по грѣхамъ" прописавшаго Смирного Мотовилова вмѣсто Елагина.

Что дѣлалъ дальше крючкотворъ-воевода, „грамоты и отписки" не говорятъ. Есть среди нихъ двѣ граматы отъ сторонниковъ тушинскаго вора, засѣвшихъ въ Козмодемьянскѣ.

Эти грамоты, писанныя мѣсяца черезъ три послѣ смѣщенія Елагина, доказываютъ, что онъ сносился въ то время со сторонниками „вора“, продолжавшими величать его „государевымъ воеводой“. Сталъ ли онъ снова воеводой или въ Курмышѣ удержался Жедринскій,—неизвѣстно.

Съ состояніемъ Курмыша въ началѣ XVII вѣка знакомитъ писцовая книга 1623—1626 годовъ [1]). Она начинается описаніемъ крѣпости, бывшей въ то время въ очень неудовлетворительномъ состояніи. Вокругъ города „надолобы“ обвалились, „а частику кругомъ города нѣтъ“. Въ 1618 году начали было ставить дубовый острогъ вокругъ посада, но острогъ этотъ „былъ, не додѣлавъ, покинутъ“. Угольная башня у воеводскаго двора сгорѣла. Вообще, какъ видно изъ писцовой книги, правительство не заботилось о поддержаніи курмышскаго „города“. Онъ не былъ уже нуженъ. Сторожевая служба Курмыша перешла въ то время къ Алатырю. Въ половинѣ же XVII в., съ устройствомъ симбирско-карсунской черты и построеніемъ городковъ Юшанска, Уреня, Тагая, Карсуна, Сухого Касуна, Малаго Касуна, Тольска, Алгаша и Сурскаго острога—Курмышъ оказался вдали отъ границы.

Кромѣ „города“ Курмышъ заключалъ въ себѣ посадъ и слободы казачью, стрѣлецкую, ямскую и земскихъ посадскихъ людей. Названія слободъ ямской, казачьей и стрѣлецкой сохранились до сихъ поръ (кромѣ этихъ слободъ въ XVIII в. возникла еще инвалидная слободка, въ которой поселились чины инвалидной команды).

Писцовая книга упоминаетъ слѣдующія находившіяся въ „городѣ“ церкви: соборную Успенія Пресв. Богородицы съ придѣлами и церковь во имя Николая чудотворца, — церкви Рождества Пресв. Богородицы и Николая Чудотворца въ Рождественскомъ мужскомъ монастырѣ, бывшемъ на посадѣ. Въ монастырѣ этомъ стояло 11 келій, въ которыхъ жило 9 старцевъ съ игуменомъ Іоной. Въ концѣ казанской и стрѣлецкой

[1]) Симбирск. Сборн., т. II.

слободы за недоконченнымъ въ 1618 г. острогомъ былъ женскій монастырь Троицкій съ церковью живоначальной Троицы. Въ монастырѣ было 10 келій, въ которыхъ обитало 13 старицъ, „да двѣ кельи пустыхъ“.

Въ настоящее время монастырей въ Курмышѣ нѣтъ больше, но церкви за исключеніемъ Никольской, бывшей въ мужскомъ монастырѣ, существуютъ на тѣхъ же мѣстахъ, вѣроятно, что и въ XVII вѣкѣ. По церквамъ можно приблизительно опредѣлить мѣстоположеніе „города“, давно уже не существующаго („городъ“ курмышскій сгорѣлъ въ 1745 году).

Подробно перечисляя дворы, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ указывая и число жителей мужескаго пола въ каждомъ дворѣ, писцовая книга даетъ возможность опредѣлить приблизительно число домовъ и жителей въ Курмышѣ XVII вѣка. Именно, по даннымъ писцовой книги, въ Курмышѣ въ 1623—1626 г.г. было 279 дворовъ, которые распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

Въ «городѣ».	Число дворовъ.	Число жител. м. п.
Воеводскій дворъ (въ которомъ находилась съѣзжая изба, государевъ дворъ и четыре житницы)	1	—
Другихъ дворовъ (изъ нихъ 3 амбара и 14 житницъ)	28	—
На посадѣ.		
Кабакъ (изба кабацкая, погребъ съ напогребницею, пивоварня, заводъ кабацкой государевъ)	1	—
Дворъ «аманацкой»	1	—
Дворы вязмичевъ дворянъ и дѣтей боярскихъ [1])	6	—
Въ казачьей слободѣ.		
Дворы казачьи	52	—
Дворовъ бобылей	2	3
Въ стрѣлецкой слободѣ.		
Дворы стрѣльцовъ	72	75
— бобылей	10	14

[1]) Кромѣ того, противъ большихъ крѣпостныхъ воротъ 25 лавокъ и полокъ.

— черкасскіе.	8	8
— толмачевы.	6	6
— пушкарскіе.	6	9
— кузнецовъ.	2	2
— плотниковъ	2	2
— пивоваровъ.	1	2
Въ слободѣ земскихъ посадскихъ людей.		
Дворы черныхъ посадскихъ людей	21	29
— бобылей.	7	8
Въ ямской слободѣ.		
Дворы ямщиковъ	20	31
Дворы бобылей при монастыряхъ.	33	40

Изъ общаго числа 279 дворовъ 29 находилось въ „городѣ“, 8 (не считая лавокъ) на посадѣ, а остальные въ слободахъ. Въ 190 дворахъ указано число душъ, именно всего 239 чел. м. п. или, въ среднемъ, по 1, 25 жит. м. п. на 1 дворъ. Общую цифру народонаселенія Курмыша въ началѣ XVII в. можно, слѣдовательно, опредѣлить приблизительно въ 350 челов. м. п., а съ женщинами—до 700 чел.

Весьма вѣроятно, что въ то время число жителей Курмыша стало постепенно уменьшаться. Какъ видно изъ приведенныхъ выше данныхъ писцовой книги, служилые люди составили болѣе двухъ третей всего населенія, а съ основаніемъ новыхъ укрѣпленій на симбирско-карсунской пограничной чертѣ они переводились, вѣроятно, на службу въ новые „города“. Число же дворовъ посадскихъ людей въ Курмышѣ увеличилось впродолженіи XVII в. очень незначительно. Въ 1623—1626 г.г. этихъ дворовъ было 21, а въ 1681 году—28 [1]). Сбору съ посадскихъ лавокъ въ 1623 г. положено было 9 р. 15 алтынъ, а въ 1681 г.—25 р. 6 алт. 4 деньги.

Писцовая книга даетъ подробныя свѣдѣнія о поземельной собственности жителей Курмыша — стрѣльцовъ и казаковъ. Именно, согласно писцовой книгѣ, во владѣніи стрѣльцовъ и казаковъ находилось земли:

[1]) Симб. Сборн. II, 12.

	ВСЕГО.		На 1 дворъ.	
	У стрѣльц.	У казаковъ.	(72 двора) у стрѣльц.	(52 двора) у казак.
Пашни въ полѣ.	200 четв.	600 четв.	2,77 четв.	11,53 четв.
Перелогу.	50 —	300 —	0,69 —	5,76 —
Дикаго поля.	32 —	150 —	0,44 —	2,88 —
Лѣсу.	450 десят.	900 десят.	6,25 дес.	17,5 дес.
Сѣнокосовъ	1500 копенъ.	5300 копенъ.	—	—

О жизни Курмыша съ тридцатыхъ годовъ XVII вѣка и до конца XVIII въ напечатанныхъ доселѣ матеріалахъ извѣстій сохранилось очень немного. Надо полагать, что Курмышъ, лишенный съ проведеніемъ симбирско-карсунской черты своего былого стратегическаго значенія и переведеный на мирное положеніе, хирѣлъ все больше и больше. „Достопамятныхъ происшествій“ за это время, кромѣ волненій во время Разинскаго бунта и Пугачевщины, никакихъ, повидимому, не случалось. Объ обыденной же, такъ сказать, жизни Курмыша за указанное время сохранилось лишь два отрывочныхъ извѣстія, относящихся къ XVII вѣку, и нѣсколько болѣе—къ XVIII столѣтію.

Скудость дошедшихъ до насъ свѣдѣній о жизни въ старые годы зависитъ отъ печальной участи, постигшей старые курмышскіе документы и „дѣла“. Какъ намъ передавали, курмышскія „бумаги“ были отвезены для разборки въ Симбирскъ и тамъ сгорѣли во время пожара 1864 года. Оставшіяся же въ Курмышѣ старыя „дѣла“ или были употреблены на обертку товаровъ въ лавкахъ, или разобраны любознательными курмышанами для домашнихъ надобностей.

Упомянутыя нами два извѣстія о жизни Курмыша въ XVII вѣкѣ относятся къ 1633 и 1680 годамъ.

Въ 1633 году [1]) въ Курмышъ, Ядринъ и Алатырь посланы были взятые въ плѣнъ подъ Смоленскомъ польскіе, ли-

[1]) «Акты историч.», III, № 219.

товскіе и нѣмецкіе люди. Воеводамъ и приказнымъ людямъ велѣно было „полоняниковъ держать и кормить и беречи", чтобы „тѣ польскіе и литовскіе и нѣмецкіе люди не разбѣжались". Въ Курмышъ присланы были къ воеводѣ Ивану Нармацкому нѣмчинъ Григорій Франберекъ и полякъ Христопъ Ябловской, а къ подъячему Лукину—полякъ Парамонъ Малаховскій.

Въ 1680 году [1]) въ Курмышѣ была учреждена таможня для товаровъ, шедшихъ на Макарьевскую ярмарку. Пошлины съ этихъ товаровъ шли въ пользу Макарьевскаго монастыря.

Во время Разинскаго бунта въ Курмышскомъ уѣздѣ, точно также какъ и въ сосѣднихъ Цивильскомъ, Чебоксарскомъ, Ядринскомъ и Козмодемьянскомъ, волновались преимущественно инородцы. Они собрались было йдти къ Разину, но послѣ первыхъ стычекъ съ войскомъ кн. Данилы Барятинскаго инородческое ополченіе, состоявшее изъ 10,000 человѣкъ, разбѣжалось.

Барятинскій изъ Козмодемьянскаго уѣзда черезъ Васильсурскъ пошелъ къ Ядрину, гдѣ встрѣтилъ неожиданно упорное сопротивленіе. Тамъ засѣло около пятисотъ казаковъ, которые сначала отчаянно защищались; увидѣвъ же, что Барятинскій обладаетъ большими силами, казаки эти разбѣжались.

Отъ Ядрина Барятинскій двинулся къ Курмышу, гдѣ находилось одна изъ разинскихъ шаекъ. Подъ начальствомъ казака Максима Осипова шайка эта пришла въ Курмышъ изъ Алатыря и была встрѣчена съ большимъ почетомъ воеводой и жителями. Вслѣдствіе этого Курмышъ не былъ разграбленъ, а воевода остался на воеводствѣ. Пробывъ нѣсколько времени въ курмышѣ, „курмышскій отаманишко" Максимъ Осиповъ ушелъ (въ сент. 1670 г.) осаждать макарьевскій монастырь, оставивъ въ Курмышскомъ „городѣ" часть своей шайки. Когда Барятинскій подошелъ къ Курмышу, воровскіе казаки разбѣжались. Барятинскій казнилъ наиболѣе виновныхъ курмышанъ, а остальныхъ привелъ къ присягѣ.

[1]) Симб. Сборн., II, 12.

Во время бунта Стенька Разина Курмышъ уцѣлѣлъ. Не то было сто четыре года спустя, въ Пугачевщину, когда Курмышъ былъ почти совершенно разоренъ несмотря на покладистость большинства его обитателей, присягнувшихъ на вѣрность самозванцу.

20 іюня 1774 года Пугачевъ пришелъ къ Курмышу изъ-подъ Казани. Жители встрѣтили самозванца съ хлѣбомъ-солью, съ образами и колокольнымъ звономъ. Преданіе разсказываетъ, что, вступивъ въ городъ, Пугачевъ велѣлъ прочесть въ соборѣ „манифестъ“. Послѣ чтенія манифеста былъ отслуженъ благодарственный молебенъ съ многолѣтіемъ царю Петру Ѳеодоровичу. Пугачевъ роздалъ чувашамъ казенное вино и соль, освободилъ преступниковъ изъ острога [1]) и поставилъ курмышскимъ воеводой какого-то казака.

Впродолженіе восьми дней неистовствовали пугачевцы въ Курмышѣ. Прежде всего они принялись вѣшать не успѣвшихъ своевременно убѣжать дворянъ. Были повѣшены также начальникъ инвалидной команды Вас. Юрловъ, противъ воли котораго жители приняли самозванца, и одинъ унтеръ офицеръ, не захотѣвшій присягнуть Пугачеву. Жена Юрлова спаслась съ помощью своихъ дворовыхъ людей.

По словамъ преданія, Пугачевъ изъ всѣхъ дворянъ, захваченныхъ въ Курмышѣ, пощадилъ одного только малолѣтка—Бобоѣдова. Мальчика потащили было къ висѣлицѣ не смотря на мольбы его дядьки, когда одинъ изъ холоповъ Бобоѣдова, приставшихъ къ самозванцу, замѣтилъ, что жаль вѣшать мальчика, потому что тотъ плясать хорошо умѣетъ. Пугачевъ сказалъ: „пусть попляшетъ на нашемъ царскомъ пиру; угодитъ, прощу“. Бобоѣдовъ „угодилъ“, дѣйствительно, своей пляской самозванцу и получилъ свободу.

Въ Курмышѣ и курмышскомъ уѣздѣ особенно много было умерщвлено священно-и церковнослужителей, именно священниковъ было убито 12 человѣкъ, дьяконовъ — 10 при

[1]) Н. Я. Аристовъ. «Преданія объ истор. лицахъ и событіяхъ», Истор. Вѣстн., 1880, III, 5.

четниковъ — 16 [1]). Это явленіе можно объяснить излишнимъ усердіемъ инородцевъ, которые обнаружили сильную ненависть по отношенію къ духовенству и злобу выразили практически [2]).

Станъ Пугачевцевъ въ Курмышѣ былъ расположенъ у озера, прозваннаго впослѣдствіи Рельскимъ (рели-висѣлицы). Казни совершались, кромѣ того, и на большой дорогѣ вблизи слободы Новой Деревни. На мѣстѣ этомъ было повѣшено, какъ разсказываютъ старожилы, восемнадцать человѣкъ. Теперь тамъ стоитъ небольшая часовенка.

Простоявъ восемь дней въ Курмышѣ, разграбивъ пожитки дворянъ и болѣе зажиточныхъ людей, Пугачевъ двинулся къ Ядрину, а въ Курмышѣ оставилъ шестьдесятъ холоповъ подъ начальствомъ четырехъ яицкихъ казаковъ. Вблизи Ядрина Пугачевъ узналъ, что противъ него идутъ правительственныя войска, и поспѣшно сталъ отступать къ Алатырю.

Преслѣдовавшій Пугачева графъ Меллинъ, направляясь къ Алатырю, выгналъ мятежниковъ изъ Курмыша, а захваченныхъ въ плѣнъ повѣсилъ, кромѣ самозваннаго воеводы, который былъ взятъ гр. Меллинымъ, какъ „языкъ“. Офицеры инвалидной команды, присягнувшіе самозванцу, оправдывались тѣмъ, что присяга дана была ими не отъ искренняго сердца, но „для соблюденія интереса ея величества“. Они „слезно просили отпущенія сего невольнаго грѣха, ибо не что иное ихъ къ сему привело, какъ смертный страхъ“ [3]).

Кромѣ Пугачевщины въ исторіи Курмыша XVIII в. нѣтъ ничего выдающагося. Она сводится къ административнымъ перемѣнамъ. Въ 1708 г. Курмышъ былъ причисленъ къ казанской губерніи, въ 1719 г. сталъ уѣзднымъ городомъ сначала симбирскаго намѣстничества, а потомъ губерніи. Въ томъ же году городу былъ пожалованъ гербъ: въ зеленомъ полѣ два золотыхъ лука, положены крестомъ, „въ знакъ того, что обитате-

[1]) Пушкинъ. «Исторія Пугачевск. бунта».
[2]) Аристовъ. «Преданія».
[3]) Пушкинъ. Истор. Пуг. бунта».

ли сихъ мѣстъ употребляли сіе орудіе съ отличнымъ проворствомъ.

Курмышъ долго не могъ оправиться послѣ Пугачевскаго разоренія. Въ географическомъ словарѣ Новикова 1788 г. (томъ II) о Курмышѣ говорится, что въ немъ жителей 595 (изъ нихъ мѣщанъ 53), церквей каменныхъ 4 и деревянныхъ 3, лавокъ и амбаровъ 10, домовъ — 294, немногимъ болѣе, чѣмъ въ 1624 году... „Словарь“ почему-то считаетъ Курмышъ „достойнымъ упоминанія по состоящей въ ономъ инвалидной командѣ“.

Н. Аксамовъ.

БАШКИРЪ САЛАВАТЪ ЮЛАЕВЪ,

ПУГАЧЕВСКІЙ БРИГАДИРЪ, ПѢВЕЦЪ И ИМПРОВИЗАТОРЪ.

(*Окончаніе*).

Финалъ Салаватовской исторіи разыгрывается въ Москвѣ въ тайной экспедиціи. Шешковскій допросилъ Юлая и Салавата чрезъ переводчика, эсаула Уральскаго казачьяго войска.

Салаватъ показалъ: въ 1773 году зимою по приказу отца съ 90 чел. башкиръ отправился онъ на Стерлитамакскую пристань къ Александру Богданову. Богдановъ велѣлъ ему идти къ осажденному злодѣями Оренбургу, на помощь къ генералу Кару, и далъ ему въ каманду башкиръ и вѣрныхъ мещеряковъ до тысячи двухъ сотъ человѣкъ. Съ той командой близь г. Оренбурга, не доходя одной версты до дер. Беккуловой, онъ былъ атакованъ злодѣйскими Пугачева толпами въ 2000 чел., при двухъ пушкахъ и вынужденъ былъ отдаться плѣннымъ. Атаманъ злодѣйскихъ шаекъ Овчинниковъ отправилъ его съ командой въ слободу Берду къ самому Пугачеву. Пугачевъ велѣлъ Салавату и его командѣ служить у себя, угрожая смертью. Салаватъ и вся его команда, убоясь смерти, невольно остались служить Пугачеву. Однакоже онъ служа у Пугачева хотѣлъ вмѣстѣ бѣжать и однажды убѣжалъ было въ Оренбургъ къ вѣрнымъ войскамъ, но его поймали яицкіе казаки и кололи его. Казаки убили бы его, еслибы не подоспѣли

башкиры и не отбили силою. Когда Пугачевъ началъ въ своихъ шайкахъ назначать начальниковъ, назначилъ и его. У отца въ домѣ онъ былъ только двое сутокъ, такъ какъ не имѣлъ возможности набирать башкиръ: набиралъ ихъ и еще прежде его прибытія домой возмутилъ въ Уфимской провинціи народъ посланный Пугачевымъ Иванъ Грязновъ. Узнавъ о приближеніи Грязнова, отецъ его, Салавата, Юлай скрылся изъ дому, а Грязновъ многія селенія пожогъ и крѣпости побралъ. Будучи въ злодѣйскихъ толпахъ, онъ Салаватъ самъ собою и своею волею никого не убивалъ; злодѣю Пугачеву усердно служилъ и сражался потому, что считалъ его Государемъ и боялся смертной казни. До этого времени онъ Салаватъ не былъ ни судимъ ни за что, ни наказанъ и ни въ чемъ не замѣченъ, а жилъ онъ смирно при отцѣ своемъ Юлаѣ.

4 Марта 1775 Шешковскій допросилъ содержавшагося въ тайной экспедиціи по Пугачевскому бунту башкирскаго старшину Кулея Балтачева о томъ, что ему извѣстно о Юлаѣ и Салаватѣ. Балтачевъ показалъ, что Салаватъ многое утаилъ: во 1-хъ онъ самъ охотой принялъ отъ Пугачева чинъ полковника и команду, съ которую при немъ сжегъ и раззорилъ Осу; во 2-хъ Салаватъ сжегъ и раззорилъ многія селенія и вездѣ производилъ убійства.

Дер. Балтачевой вотякъ Екимовъ показалъ, что весною 1774 г. Салаватъ съ большою толпою разъѣзжалъ по деревнямъ, вездѣ забирая на службу Пугачеву волею и силою, а селенія многія раззорилъ и пожегъ, а дер. Балтачева вся была взята Салаватомъ и пошли съ нимъ къ дер. Имангуловой, гдѣ Салаватъ сражался съ посланной противъ него воинской командой и былъ разбитъ.

Дер. старой Тертяковой черемисъ Иштубай Ишбулатовъ—что весной 1774 г. въ ихъ деревню пріѣзжалъ башкиръ Бахтіаръ съ 300 ч. башкиръ и объявилъ указъ бригадира Салавата Юлаева о наборѣ людей въ пугачевскую шайку и взявъ по тому указу изъ ихъ деревни 200 чел. отправился въ Бирскъ.

Дер. Бурнашевой черемисинъ Изябай Янбаевъ—что потому же Салаватову указу онъ взятъ изъ своей дер. Бахтіаромъ подъ Бирскъ, а оттуда съ шайкой въ числѣ 100 чел. посланъ на Уфимскую дорогу для развѣдыванія о дѣйствіяхъ Михельсона, почему всѣ они 100 чел. стояли въ полѣ по Іюль мѣсяцъ, а къ нимъ въ то время пріѣхалъ Салаватъ и пожаловалъ его Янбаева полковникомъ, въ чемъ и выдалъ ему на татарскомъ языкѣ письмо (патентъ или удостовѣреніе).

Дер. Узяковой черемисъ Бухарметъ Буйхановъ — что лѣтомъ 1774 года въ ихъ деревню за наборомъ людей въ пугачевскія шайки съ указомъ Императора Петра III пріѣзжали Салаватъ Юлаевъ и съ нимъ пугачевскіе полковники башкиры Токаевъ и Сергѣевъ и онъ Буйхановъ былъ ими взятъ и пошелъ за ними въ село Касево, которое Салаватъ сожегъ, и потомъ онъ Буйхановъ былъ вездѣ съ Салаватомъ, покуда не дошли до р. Камы, а отсюда онъ Буйхановъ бѣжалъ.

Все здѣсь изложенное Шешковскій представилъ на усмотрѣніе генералъ-прокурора князя Александра Александровича Вяземскаго. Князь отослалъ Юлая и Салавата за строгимъ карауломъ въ Оренбургъ къ губернатору Рейнсдорпу при письмѣ, въ которомъ рекомендовалось: 1) относительно Юлая тщательно развѣдать, по своей ли волѣ онъ участвовалъ въ злодѣйствахъ Пугачевцевъ; если-бы оказалось, что онъ былъ въ къ этому вынужденъ, то не подвергать его наказанію, 2) относительно Салавата точно установить всѣ сдѣланныя имъ злодѣйства „и буде при вышесказанномъ изслѣдованіи обличенъ онъ будетъ во всѣхъ злодѣяніяхъ и убійствахъ вѣрнымъ и точнымъ доказательствомъ, то въ такомъ случаѣ сдѣлать рѣшеніе, чтобы былъ въ страхъ другимъ злотворцамъ наказанъ, какъ злодѣй, во всѣхъ тѣхъ городахъ и башкирскихъ селеніяхъ, гдѣ отъ него самого злѣйшія варварства и убійства происходили, и наконецъ въ послѣднемъ селеніи поступить съ нимъ по состоявшемуся въ 1754 году Мая 13 дня указу и послать вѣчно въ каторжную работу въ Рогервикъ. Еслижъ паче чаянія въ злѣйшихъ убійствахъ и тирапствахъ

онъ Салаватъ не обличится, то наказать его, ваше превосходительство, можете равняясь винамъ его и тамошнимъ нынѣ въ Башкиріи обстоятельствамъ, ибо самое правосудіе требуетъ, чтобы о подсудимомъ въ какомъ бы онъ преступленіи оглашенъ не былъ, по во оном прежде падлежитъ его обличить, а потомъ уже судьбу его рѣшить, но не по однимъ однакожь токмо слухамъ, а по существу доказательствъ въ самомъ дѣлѣ преступленія его".

Уфимская провинціальная канцелярія 5 мая 1775 года постановила для разузнанія въ Уфимской провинціи о всѣхъ дѣйствіяхъ Юлая и Салавата отправить парочнаго чиновника, а Юлая и Салавата вновь допросить.

Генералъ маіоръ Фрейманъ при отношеніи 1 Мая 1775 г. препроводилъ въ провинціальную канцелярію рапортъ подполковника Аршеневскаго, изъ содержанія коего значится, что послѣ поимки Пугачева въ Ноябрѣ 1774 г. чинили въ Уфимской провинціи бунтъ еще десять башкирскихъ волостей и главнымъ дѣятелемъ бунта былъ Салаватъ Юлаевъ. Будучи посланнымъ съ отрядомъ на усмиреніе этихъ башкирскихъ волостей, когда уже возстаніе во многихъ мѣстахъ въ Уфимской провинціи, по Сибирской и Осинской дорогамъ, было усмирено, онъ узналъ, что многіе изъ главныхъ виновниковъ бунта скрываются въ лѣсахъ, не смотря па зимнее время, потому, для поимки ихъ, онъ послалъ отъ себя команду, подъ начальствомъ поручика Лѣсковскаго. Эта команда 24 Ноября 1774 года г. поймала въ лѣсу скрывавшагося тамъ башкира, но одного, безъ товарищей, и доставила къ нему, расположившемуся близь того мѣста, гдѣ пойманъ былъ тотъ башкиръ, въ дер. Калмыковой. На допросѣ башкиръ открылъ, что онъ Салаватъ Юлаевъ и что, уже не видя никакаго средства къ спасенію, рѣшился до времени укрываться здѣсь, но если услышитъ, что подходятъ войска, то намѣренъ былъ горами пробраться въ киргизскую степь; тоже самое хотѣли сдѣлать по словамъ Салавата и многіе изъ бунтовщиковъ. Послѣ поимки Салавата и отправленіи его въ Оренбургъ къ Томашеву,

онъ, проходя разными селеніями, вездѣ слышалъ, какой страхъ на всѣхъ нагнало имя Салавата. Не только русскіе, но и многіе изъ башкиръ и инородцевъ радовались. Всѣхъ тѣхъ, которые не хотѣли принять участіе въ бунтѣ, Салаватъ убивалъ самымъ безчеловѣчнымъ образомъ: вѣшалъ, сожигалъ, загоняя въ избы не щадя ни пола, ни возраста.

Посланный для производства на мѣстѣ дознанія о Юлаѣ и Салаватѣ, переводчикъ провинціальной канцеляріи коллежскій регистраторъ Федоръ Третьяковъ представилъ отобранныя имъ отъ башкиръ и другихъ инородцевъ разныхъ волостей и селеній Сибирской и Осинской дороги въ числѣ 200 чел. показанія. Всѣ эти показанія обличали Юлая и Салавата въ извѣстныхъ уже намъ дѣйствіяхъ и подтверждали все, о чемъ писалъ Аршеневскій.

Сидя въ строгомъ заключеніи въ одиночномъ казематѣ Уфимскаго магистрата, Салаватъ зналъ о всякомъ начальственномъ распоряженіи и по своему дѣлу; не смотря на обыски и запрещенія у него были чернила и бумага. Магистратъ помѣщался на такъ называемомъ теперь въ Уфѣ нижнемъ базарѣ и окно каземата, гдѣ сидѣлъ Салаватъ выходило на улицу, хотя оно не растворялось и было съ рѣшетками. Однажды Салаватъ увидѣлъ въ окно знакомаго ему башкира, который остановился не далеко отъ магистрата и смотрѣлъ на тюремное окно. Салаватъ, чрезъ окошечко въ дверяхъ, сталъ просить часоваго, солдата Уфимскаго гарнизона Ефима Федорова Чудинова, передать написанное имъ татарское письмо башкиру, который стоитъ теперь около самаго магистратскаго дома у крыльца, что этотъ башкиръ его родной дядя, а въ письмѣ писано, чтобы онъ прислалъ денегъ на харчи, да просилъ я его, говорилъ Салаватъ, чтобы онъ прислалъ мнѣ рубахъ, я весь обносился. Чудиновъ, какъ только его смѣнили съ часовъ, вышелъ на улицу и спроса указаннаго башкира, точно ли онъ дядя Салавата, отдалъ ему это письмо. Письмо попало не тому лицу (башкиръ на улицѣ было много). Назвавшій себя дядей Салавата былъ тоже башкиръ Уфимскаго уѣзда,

Сибирской дороги, дер. Мухаметовой, Мухаметъ Кучуновъ; онъ явился въ Уфу съ бумагой къ воеводѣ отъ генарала Фреймана, которому донесъ о намѣреніи Киргизъ, пользуясь смутнымъ временемъ, прорваться съ цѣлію грабежей и раззоренія въ Уфимскую провинцію. Фрейманъ велѣлъ Кучунову это донесеніе подтвердить отъ себя воеводѣ. Кучуновъ представилъ Салаватово письмо въ провинціальную канцелярію.

Уфимская провинціальная канцелярія, закончивши слѣдствіе, представила Оренбургскому губернатору экстрактъ слѣдственаго дѣла и свое заключеніе. 16 Іюля губернаторъ утвердилъ приговоръ: Юлая и Салавата за всѣ ихъ уже извѣстныя злодѣйства наказать кнутомъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ими совершено болѣе преступныхъ дѣйствій, давъ слѣдующее число ударовъ: Юлаю на Симскомъ заводѣ сорокъ пять, Катавъ-Ивановскомъ заводѣ сорокъ пять, на Усть-Катавскомъ сорокъ пять, въ дер. Орловкѣ сорокъ ударовъ. Салавату на Симскомъ заводѣ дватцать пять, въ дер. Юлаевой двадцать пять, въ Красноуфимскомъ двадцать пять, въ Кунгурѣ двадцать пять, Осѣ двадцать пять, близъ Елдяка, гдѣ онъ сражался съ полковникомъ Рылѣевымъ, двадцать пять и съ послѣдняго мѣста наказанія—Юлая съ дер. Орловки, а Салавата съ Ельдяка—заклеймивъ и вырѣзавъ ноздри, отправить въ Уфу для дальнѣйшаго отправленія Юлая и Салавата въ ссылку въ каторжную работу въ Балтійскій портъ или Рогервикъ навѣчно.

Провинціальная канцелярія пришла къ заключенію, что при исполненіи приговора Юлая и Салавата башкиры могутъ отбить и постановила отнестись къ начальнику прибывшихъ въ Уфимскую провинцію армейскихъ войскъ, генералъ-маіору Фрейману о нарядѣ для экзекуціи военной команды. Юлай и Салаватъ выдержали страшное наказаніе безъ медицинской помощи.

21 Сентября 1775 года Юлая и Салавата потребовали въ присутствіе провинціальной канцеляріи и при этомъ оказалось—оба не заклеймены ноздри не вырваны!! Потребовали Третьякова; тотъ объявилъ, что клеймы почему

то изгладились, а ноздри заросли, потому, видно, что клейма и щипцы были уже не годны къ употребленію.

Провинціальная канцелярія постановила: Юлая и Салавата заклеймить въ ея присутствіи и вырѣзать ноздри; палачу Мартыну Суслову за продерзость учинить наижесточайшіе наказаніе плетьми; коллежскому регистратору Третьякову сдѣлать въ присутствіи строгій выговоръ и впредь ему никакихъ особыхъ дѣлъ, кромѣ его должности, отнюдь не поручать.

Такъ закончилась бурная дѣятельность башкирскаго поэта и борца.

Р. Игнатьевъ.

Мордва.

Историко-этнографическій очеркъ.

Глава IV.

Культъ предковъ. Воззрѣнія на смерть и погребальные обряды.

Самымъ крупнымъ переживаніемъ родоваго быта является культъ предковъ. Всматриваясь въ обряды, которыми сопровождаются важнѣйшіе моменты въ жизни мордовской семьи, изслѣдователь приходитъ къ заключенію, что родъ, воля котораго оказывается нужной въ эти моменты, не ограничивается живыми представителями его. Согласіе и благословеніе на то или другое предпріятіе испрашивается не у живыхъ только родичей, но и у тѣхъ, которые перешли въ иную жизнь — у нихъ даже въ большей степени, чѣмъ у живыхъ. Дѣды, прадѣды, самые отдаленные предки, которыхъ помнитъ данная семья или данный родъ, призываются въ важныя минуты жизни также обязательно, какъ обязательно младшій членъ семьи обращается за совѣтомъ или разрѣшеніемъ къ старшему. Эта непрерывность рода, эта живая связь, соединяющая самыхъ отдаленныхъ его представителей съ позднѣйшими поколѣніями является результатомъ тѣхъ воззрѣній на смерть, которыя Мордва раздѣляетъ съ остальными восточными финнами. Поэтому прежде, чѣмъ излагать тѣ явленія,

въ которыхъ выражается культъ предковъ, мы считаемъ нужнымъ выяснить съ возможной полнотой и точностью мордовскія воззрѣнія на смерть и загробную жизнь. Воззрѣнія эти съ особенной ясностью сказываются въ погребальномъ ритуалѣ. На слѣдующихъ ниже страницахъ мы попытаемся возстановить существенные черты его, собирая обломки, уцѣлѣвшіе въ современныхъ обычаяхъ Мордвы. Дополненіемъ къ этому главному матеріалу послужатъ произведенія народнаго творчества—пѣсни, сказки, причитанія, въ которыхъ затрогивается тэма смерти. Точкой отправленія мы избираемъ моментъ, когда положеніе больнаго становится безнадежнымъ и его кончина представляется неизбѣжной. Съ поведеніемъ родичей въ предшествующіе моменты болѣзни мы познакомимся позднѣе, въ главѣ о вѣрованіяхъ. — Когда больной по всѣмъ признакамъ близокъ къ смерти, родные спѣшатъ поставить на окно чашку съ водой — по одному толкованію для того, чтобы душа умершаго, выйдя изъ тѣла, имѣла возможность омыться [1]), по другому для того, чтобы въ ней могла омыть свое оружіе смерть. Одновременно съ этимъ изъ подъ больнаго вынимаются цѣнныя принадлежности постели и вѣшаются мѣсяца на три на печкѣ, „чтобы не попритчилось“. Затѣмъ, въ былое время въ Инсарскомъ уѣздѣ, старшій въ домѣ бралъ ножъ, махалъ имъ кругомъ умершаго и водилъ по шеѣ, груди и ногамъ его. Эти дѣйствія означали, по толкованію разсказчиковъ, что смерть изрѣзала умершаго на части. Съ послѣднимъ вздохомъ умершаго съ него осторожно, стараясь не разорвать, снимаютъ всю одежду; въ Саратовской губерніи ее связываютъ кушакомъ, которымъ покойный подпоясывался при жизни, и вѣшаютъ надъ тѣмъ мѣстомъ, куда должны придтись ноги покойника, когда его положатъ въ передній уголъ [2]); въ Инсар-

[1]) А. Н. Минхъ. Народные обычаи etc. крестьянъ Сарат. губ. Спб. 1890, стр. 133. Въ Саратовской губерніи держится убѣжденіе, что знахарки видали, какъ колыхалась вода въ этихъ чашкахъ, когда изъ больного выходила душа.

[2]) Рукоп. описаніе быта Мордвы с. Наскафтыма, доставленнаго намъ покойнымъ А. И. Соколовымъ.

скомъ въ былое время ее сжигали. Въ ноги усопшей женщинѣ клали серпъ, дѣвушкѣ съ серпомъ, сюльгамъ и перстень въ знакъ того, что она должна выйдти замужъ на томъ свѣтѣ. Женщины изъ дома умершаго обвязываютъ себѣ (въ Сергачскомъ уѣздѣ) въ знакъ печали голову полотенцами и начинаютъ причитать [1]). Къ усопшему, лишь только огласится вѣсть объ его кончинѣ, стекаются со всей деревни посѣтители, преимущественно женщины. Каждый посѣтитель, каждая посѣтительница несутъ съ собой въ даръ блиновъ, хлѣба, соли, пуре, по грошику денегъ. Дары эти въ однихъ мѣстахъ сами посѣтители кладутъ на столъ (блины) или на окно (деньги)— въ другихъ передаютъ спеціально выбраннымъ на этотъ случай старику или старухѣ [2]). Въ Городищенскомъ уѣздѣ деньги приносятъ только мужчины и кладутъ на кивотъ. О принесенныхъ подаркахъ сообщаютъ покойнику — въ однимъ мѣстахъ лично тотъ, кто принесъ, въ другихъ особо выбранный старикъ или старуха, которые каждый разъ при сообщеніи кланяются умершему. Монетку, которую принесъ прощающійся родственникъ или сосѣдъ, скоблятъ надъ лицемъ умершаго и приговариваютъ: „вотъ тебѣ деньги, сдѣлай на нихъ все, что хочешь; пойдешь, можетъ быть, въ бесѣду, на крестины, на свадьбу, поворожи (?) за насъ (живыхъ)“. По другимъ извѣстіямъ старикъ, скобля монету, обращается къ ранѣе умершимъ родичамъ: „родители, дѣдушки, бабушки! Вотъ мы посылаемъ вамъ сорокъ фунтовъ мѣди, сорокъ фунтовъ серебра, полную коробку серебра (табаку и вина)“ [3]). Съѣстное въ Городищенскомъ уѣздѣ раздѣляется на два стола: одинъ служитъ для угощенія посѣтителей, другой для гостей — покойниковъ.

Пока въ избѣ происходитъ прощаніе съ умершимъ родственниковъ и сосѣдей, на дворѣ для него приготовляется

[1]) Ниж. Еп. Вѣд. 1893, № 13, стр. 346.

[2]) Минхъ. l. c. 134. Голицынъ. Сарат. сборн. т. I, стр. 192.

[3]) Майновъ. Les restes etc. 66. Голицынъ (l. c.) глухо говоритъ, что старикъ поминаетъ.

гробъ, который долженъ служить для него избой. Работа происходитъ въ сосредоточенномъ молчаніи, такъ какъ покойникъ накажетъ притокой всякаго, кто вздумалъ-бы при этомъ смѣяться. Въ настоящее время гробъ дѣлается изъ досокъ и по бокамъ его особо назначенная старуха просѣкаетъ три окошечка: черезъ одно смотрѣть, а черезъ другое выходить въ гости, въ XVII—XVIII в. онъ долбился въ одной изъ половинокъ расколотаго дерева. Слѣды сгнившихъ колодъ можно до сихъ поръ встрѣчать при раскопкѣ относящихся къ этой эпохѣ мордовскихъ могильниковъ [1]). Воспоминаніе о долбленыхъ гробахъ сохранилось въ мордовскомъ современномъ названіи гроба лазкс отъ корня лаз-омс, означающаго колоть. По мѣстамъ гроба вовсе не употреблялись и покойникъ выносился въ могилу на доскѣ или на лубкѣ [2]). Въ болѣе отдаленныя времена—отъ X до XIV в.—вмѣсто гроба завертывали въ бересту. Въ Лядинскомъ могильникѣ, который мы имѣемъ полное основаніе считать древнѣйшимъ изъ извѣстныхъ до сихъ поръ мордовскихъ могильниковъ [3]), длинныя цѣльныя полосы бересты находили подъ костякомъ и поверхъ его [4]).

Когда гробъ изготовленъ, его вносятъ въ избу и ставятъ на скамейкѣ рядомъ съ лавкой, на которой лежитъ покойникъ. Въ гробъ кладется въ видѣ изголовья вѣникъ и на устроенное такимъ образомъ ложе перекладываютъ умершаго. Непосредственно за этимъ очищаютъ мѣсто лавки, на которой лежалъ покойникъ—посыпаютъ его золой или втыкаютъ ножъ. Въ гробъ покойнику кладутъ водки—опохмѣлиться на томъ свѣтѣ и угостить старшихъ покойниковъ, чтобы приняли ласковѣй; денегъ на покупку земли, топоръ и дубинку — отгонять собакъ при переходѣ на тотъ свѣтъ; съ ребенкомъ чашку, ложку и сдѣланные изъ пшенной муки орѣшки. Чтобы онъ не возвращал-

[1]) См. Ауновскій. l. c. [2]) Лепехинъ. Зап. Ч. 1, 178.

[3]) См. по этому вопросу Изв. 1893, вып. 5, стр. 494.

[4]) Мат. по археол. Россіи, издав. Имп. Арх. Ком. № 11, Ср. Милковичъ. «Опис. Симб. намѣстн. 1783 г.» Симб. Губ. Вѣд. 1851, № 32. Майн. l. c. 85.

ся, мать клала ему въ былое время на голову щетку, которой чистятъ ленъ, и говорила при этомъ: „по одну сторону море, по другую камышъ“. Если покойникъ остается въ домѣ на ночь, съ нимъ проводитъ ночь вся семья. Въ Городищинскомъ уѣздѣ въ полночь женщины выходятъ на улицу и съ плачемъ приглашаютъ предковъ явиться принять въ свою среду новаго члена. Въ Саратовской губерніи придаютъ особенное значеніе снамъ, которые видятъ въ эту ночь состоящія при покойникѣ женщины. Онъ открываетъ имъ свои нужды [1]).

Мужчины тѣмъ временемъ на кладбищѣ (калмазыр, калма, калмаланго) изготовляютъ могилу.

Произведенія народной словесности Мордвы даютъ намъ право предполагать, что когда-то у нея существовало и надземное погребеніе, аналогичное съ тѣмъ, которое практикуется въ настоящее время у язычествующихъ сибирскихъ инородцевъ. Сказка о „Дуболго Пичай“, помѣщенная въ II-й части „Сборника Православнаго Миссіонерскаго Общества“, содержитъ слѣдующія характерныя указанія. Извели Дуболго Пигай невѣстки и велѣли своимъ мужьямъ, ея братьямъ, похоронить ее. „Сдѣлали они ей изъ какого-то пегніющаго дерева гробъ, положили въ него сестрицу свою Дуболго Пичай. Отвезли ее въ какой-то большой лѣсъ, гдѣ три дороги сходятся. Подставили подставки, на нихъ положили гробъ. На подставки возлѣ гроба поставили наполненныя пшеницей лукошки“. Повадились къ гробу Дуболго ходить гуси мордвина Виртяна. Сталъ онъ за ними слѣдить и дошелъ за ними до большей рѣки. Переплылъ Виртянъ за гусями рѣку и видитъ, что гуси, отойдя недалеко, остановились. „Смотритъ онъ—небольшая полянка. На срединѣ этой полянки три дороги сходятся. На раздорожицахъ подставки стоятъ; подъ нихъ сыплется пшеница; на нихъ гробъ стоитъ. По обѣ стороны гроба поставлено по два лукошка“ [2]). Выступающая въ этой сказки картина погребе-

[1]) Минхъ. l. c. 134.

[2]) Произв. Морд. нар. слов. Сказки. Стр. 179.

нія объясняетъ намъ намеки на нее попадающіеся въ пѣсняхъ.

Въ пѣснѣ о дѣвицѣ Кемаль мы встрѣчаемъ напр. слѣдующіе стихи:

«Не хорони меня, тятенька, въ землю, изъ которой я родилась,
Ой не закрывай меня въ черную землю.
Мой гробъ, тятенька, обмакни въ серебро,
Изъ золота сдѣлай, кормилецъ, мой подпорочки,
Поставь ты меня, тятенька, возлѣ большой дороги.
Много тѣмъ мѣстомъ ходящихъ,
Много тѣмъ мѣстомъ проходящихъ;
Глаза многихъ тутъ позарятся,
Ой, многихъ тутъ сердце полюбуется» [1]),

Съ такой-же просьбой обращается дѣвица къ отцу въ пѣснѣ о красавицѣ—Олѣ.

«Похорони меня возлѣ большой дороги;
Къ козелкамъ моимъ колокольчикъ подвѣсь».
(Сюронь чувтозонь баяга содтъ) [2]).

Съ возникновеніемъ обычая зарывать покойника въ вырытой ямѣ устраивался срубъ на подобіе избы и въ этотъ срубъ опускался покойникъ [3]). Въ Нижегородской губерніи и теперь еще указываютъ кладбища, гдѣ умершіе погребались подобнымъ образомъ [4]).

Старинныя кладбища Мордвы чаще всего устраивались въ лѣсахъ, на полянкахъ (кужа). Около многихъ мордовскихъ селъ въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ и теперь еще показываютъ кладбищенскія полянки (калма-кужа). Отдѣльно разбросанныя на такихъ полянкахъ деревья — дубы, березы — пользовались особеннымъ почтеніемъ Мордвы.

Съ внѣшнимъ видомъ мордовскихъ кладбищъ въ XVIII в. насъ знакомятъ документы, относящіеся къ такъ называемому „Терюшевскому бунту“ и опубликованные А. А. Титовымъ

[1]) Произв. Морд. нар. слов. Пѣсни. стр. 9—11.

[2]) Idib. 203.

[3]) См. ниже, статью г. Иванцева.

[4]) Нижегор. Еп. Вѣд. 18, 87, стр. 728—729.

въ „Русскомъ Обозрѣніи“ за 1893 г. Въ промеморіи Нижегородской Дух. консисторіи отъ 21 мая 1764 г. мы читаемъ: „въ селѣ Сарлеяхъ по осмотру въ приходской церкви благочинія церковнаго, усмотрѣвъ близь той церкви мордовское кладбище, съ построенными деревянными на могилахъ с р у б ы, кои некрещенная Мордва почитаютъ за молитвенныя свои капища... и по своему суевѣрію, приходя многолюдственнымъ собраніемъ чинятъ на томъ кладбищѣ, собирая со всей волости Мордву, пьянственное игралище“ [1])... Кладбище это было общимъ для всей волости, какъ видно изъ показаній привлеченныхъ къ отвѣту Терюханъ.

Передъ выносомъ тѣла всѣ присутствующіе падаютъ на землю и лежатъ нѣкоторое время съ прощальной мысленной мольбой къ усопшему: просятъ его простить причиненную когда нибудь обиду, почаще приходить съ того свѣта и присматривать за житьемъ бытьемъ оставшихся. Поднимая затѣмъ гробъ, поливаютъ избу водой съ вѣника и снова просятъ умершаго: „самъ ступай, насъ пожалѣй, пошли намъ добраго здоровья, дай намъ прожить столько-же, сколько ты жилъ“. При выносѣ гроба изъ дверей касаются имъ три раза верхней и нижней перекладины „чтобы преградить смерти доступъ въ домъ“. [2]) Когда гробъ вынесенъ за ворота, носильщики-родственники останавливаются и зовутъ ранѣе умершихъ родственниковъ, чтобы они шли принимать въ свою среду усопшаго и дали здоровья живымъ. При этомъ на землю кидаютъ кусочки хлѣба. Родственники эти, предполагается, ждутъ его около дома, собравшись нарядной толпой. Тѣ изъ родственниковъ, которые остаются въ избѣ, стараются не глядѣть въ слѣдъ покойнику на улицу. Поминальщики и поминальщицы расходятся съ пустыми блюдами по домамъ. Умершую женщину провожаетъ въ церковь дочь или сноха. Дѣвушка идетъ въ такомъ случаѣ съ распущенными волосами и разноцвѣтной пряжей на шеѣ. Умершую дѣвушку въ Симбирской губерніи

[1]) Р. О. 1893, IX, 759.

[2]) Ниж. Епарх. Вѣд. 1891, № 18.

с. Кузоватовѣ провожаютъ шесть подругъ — четыре несутъ гробъ, двѣ крышку. Каждая изъ этихъ дѣвушекъ одѣта въ сарафанъ и передникъ покойницы; если покойница была богата, то провожающіе надѣваютъ на себя по три сарафана. Въ этомъ нарядѣ онѣ, вернувшись съ кладбища, садятся обѣдать [1]). Остальные домашніе тѣмъ временемъ везутъ со двора на кладбище гробовыя доски, обмывальную воду и небольшую кадушку съ блинами или хлѣбомъ. Щепки, воду и посуду, въ которой она была, оставляютъ на особомъ мѣстѣ близъ кладбища, а кадушку съ блинами ставятъ около вырытой могилы и ждутъ изъ церкви покойника. Мѣсто это пользуется у мордвы большимъ уваженіемъ. Горе тому, кто проходя мимо разобьетъ горшокъ: съ нимъ случится притка и онъ умретъ, если не умилостивитъ усопшаго.

Въ Нижегородской губерніи въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія, по словамъ архимандрита Макарія, покойника выносили не въ гробу, а на носилкахъ, гробъ-же несли рядомъ. Отойдя до опредѣленнаго мѣста съ версту отъ селенія носилки бросали, трупъ перекладывали въ гробъ, накрывали холстомъ и несли въ церковъ. Дочь или жена покойника садилась при этомъ на гробъ въ вѣнкѣ изъ березовыхъ вѣтвей и причитала по немъ [2]). Изъ церкви послѣ отпѣванія гробъ уносили на кладбище. Сложная процедура, которой сопровождала Нижегородская Мордва переносъ умершаго на кладбище, представляетъ собою, повидимому, попытку сочетать обычаи языческой поры (выносъ на носилкахъ) съ требованіями христіанскаго обряда.—Въ с. Шадымѣ Инсарскаго уѣзда его везли на обѣщанной ему лошади. Возжи при этомъ дѣлались изъ холста.

Когда покойникъ принесенъ къ вырытой для него могилѣ, въ нее бросаютъ захваченныхъ кушапій для того, чтобы расположить къ погребаемому родичей, которые умерли раньше. Затѣмъ начинаютъ опускать покойника въ могилу, обращаясь

---

[1]) Сообщено В. В. Фитингофовымъ.

[2]) Майновъ. 1. с. 66.

къ нему еще разъ съ просьбами простить всѣхъ и не бояться новаго жилья. Прежде чѣмъ поставить гробъ на дно могилы, его трижды поднимаютъ и опускаютъ. Если при этой операціи гробъ срывается, погребающіе приходятъ въ ужасъ: умершій не хочетъ, очевидно, успокоиться въ могилѣ и намѣренъ блуждать по свѣту. Гробъ на скоро забрасываютъ землей и бѣгутъ опрометью по домамъ. Переждавши три дня, родные являются на могилу съ тремя осиновыми кольями забиваютъ ихъ умершему въ лобъ, въ сердце и въ животъ и просятъ землю принять покойника и не выпускать его [1]). Если же послѣ троекратнаго подъема гроба удачно устанавливался въ могилѣ, ее засыпаютъ землей. Въ Симбирской губерніи въ былое время надъ могилой врывался столбъ съ развилкой на вершинѣ. На этомъ столбѣ вѣшали послѣ тризны шкуру жертвеннаго животнаго [2]). Одна изъ женщинъ дѣлала на могильной насыпи подобіе окошечка, чрезъ которое умершій могъ-бы смотрѣть на свѣтъ божій [3]), Въ Саратовской губерніи въ могилѣ дѣлается ямка, въ которую клали кусочки поминальныхъ кушаній [4]). Надъ могильнымъ холмомъ совершается первое поминовеніе. Въ Нижегородской губерніи надъ могилой закалалась въ честь мужчины лошадь, въ честь женщины корова. Часть мяса съѣдали присутствующіе, часть уносили домой въ жертву домовому богу, а кожу вѣшали на столбѣ, который стоялъ надъ могилой или на сучьяхъ кладбищенскихъ деревьевъ [5]). Въ Пензенской губ. на могилу послѣ ухода священника приводили чернаго барана съ обернутыми краснымъ платкомъ рогами, обводили его на заднихъ ногахъ кругомъ могилы и кололи [6]). По окончаніи трапезы родные погребеннаго уходили съ кладбища. При этомъ соблюдались характерныя предосторожности: отойдя на

[1])
[2]) «Извѣстія». 1893, IV, 384.
[3]) Майновъ. l. c. 83.
[4]) Минхъ. l. c. 135.
[5]) Ниж. Еп. Вѣд. 1887, 729, № 14.
[6]) Прозинъ. Карт. морд. быта. Пенз. Г. В. 1865, №№ 39, 40.

нѣкоторое разстояніе отъ кладбища, родные покойнаго становились къ кучу. Одинъ изъ могильщиковъ тѣмъ самымъ скребкомъ, которымъ была рыта могила, очерчивалъ около нихъ кругъ. Саженъ черезъ 5—10 эта операція повторялась [1]). Въ Саратовской губерніи остановка дѣляется у только что сваленой кучи мусора, который остался отъ приготовленія гроба; на нее кидаютъ кусочки съѣстныхъ припасовъ и кланяются щепамъ [2]). Когда послѣ всѣхъ этихъ остановокъ провожавшіе доходятъ до дома, старшая женщина семьи кидала имъ на встрѣчу полѣно и косарь, черезъ которые они должны были переступать при входѣ въ избу [3]). Ножъ или косарь бросались для того, чтобы отогнать смерть, которая, предполагается, идетъ за родичами умершаго [4]). На крыльцѣ дома провожавшіе кромѣ того переобувались, а старуха окропляла ихъ съ вѣника водой.

Если покойника отвозили въ телѣгѣ, ее оставляли въ теченіи сорока дней на улицѣ и мыли водой, чтобы отъ нея отстала могильная земля [5]). Эта послѣдняя предосторожность считается необходимой въ виду того, что человѣкъ, наступившій на могильную землю, непременно умретъ. Лица, копавшія могилу, чтобы не подвергнуть своихъ домашнихъ или скотину бѣдѣ, старательно вытрясали ее изъ лаптей. Пепелъ, которымъ была посыпана лавка, при выносѣ тѣла хозяйка собирала въ горшокъ и ставила въ укромное мѣсто, чтобы онъ никому не могъ повредить. Человѣкъ, которому такой пепелъ попалъ-бы случайно въ глаза, въ теченіе всей жизни во всякой вещи видитъ только темную сторону [6]). Хозяинъ дома вынимаетъ ножъ, воткнутый въ лавку, чертитъ имъ надъ дверью крестъ и потомъ съ розмаха бросаетъ свое оружіе въ пото-

[1]) Ниж. Еп. Вѣд. 1891, № 1, стр. 18.

[2]) Минхъ. l. c. 135.

[3]) Ниж. Еп. Вѣд. 1890, 825.

[4]) Изъ рук. о Мордвѣ с. Наскафтыма.

[5])

[6]) Майновъ. l. c. 82.

локъ. Если ножъ отскакиваетъ во внутрь избы, въ домѣ будетъ еще покойникъ. Затѣмъ хозяйка отрѣзываетъ горбушку, скоблитъ надъ ней монету, кладетъ подъ порогъ и проситъ дѣдушекъ, бабушекъ принять гостя и жить съ нимъ въ согласіи [1]).

Въ первые два—три дня для покойника оставляютъ немного съѣстнаго, кладутъ на окно и приглашаютъ его ѣсть. По ночамъ родные причитали около телѣги по случаю своей потери [2]). Въ Пензенской губерніи на другой день послѣ похоронъ топили баню для того лица, къ которому должна перейти роль большаго въ домѣ. Его мыли, парили и просили усопшаго сообщить ему свой умъ [3]).

Въ теченіи сорока, а по другимъ извѣстіямъ 49, дней умершаго чествовали пирами [4]). Представленіе объ этихъ пирахъ можно составить по тому, что творится въ 40-й день, свято чтимый до сихъ поръ у всей Мордвы.

Наканунѣ этого дня старшій въ домѣ отправляется къ тому изъ родныхъ, который всего болѣе походитъ лицемъ на умершаго и проситъ его принять на себя на будущій день роль поминаемаго покойника [5]). Въ Нижегородской губерніи (с. Лобаски) выборъ замѣстителя производился всѣми родственниками, которые собирались для этого въ домъ усопшаго [6]). Въ с. Шадымѣ Инсарскаго уѣзда родъ созывалъ старшій въ домѣ, разъѣзжая верхомъ на лошади отъ избы къ избѣ [7]). Въ Городищенскомъ уѣздѣ звать покойника семейные ѣхали на кладбище именно на той лошади, которая была ему обѣщана. По мѣстамъ звать покойника отправлялись всѣ приглашенные на

---

[1]) Архивъ истор.-юрид. свѣд. т. II, ч. 1.

[2]) Майновъ. l. c. 66.

[3]) Пенз. Еп. Вѣд. 1866, № 3.

[4]) Ауновскій. l. c.

[5]) Ниж. Еп. Вѣд. 1887, № 14, 729. У Мокши Нижегор. губ. этотъ замѣститель назывался vasta ozaï. Майновъ. l. c. 72.

[6]) Пенз. Еп. Вѣд. 1881, № 8.

[7]) Майновъ. l. c. 77.

поминки [1]), становились на колѣна передъ свѣжей могилой, цѣловали ее и просили умершаго выйти [2]). Дома между тѣмъ отворяется дверь и вся семья ждетъ гостя на порогѣ съ зажженными свѣчами.

Нынѣ съ наступленіемъ дня поминовенія выбранный родственникъ самъ является въ домъ покойника, снимаетъ съ себя свою одежду, надѣваетъ одежду, въ которой умеръ покойникъ, и садится на перину или подушку, на которой тотъ умеръ. Привѣтствовать его собирается вся родня. Каждый несетъ какой нибудь подарокъ: муки, пшена, печенаго хлѣба, блиновъ, баранины—ставитъ съ поклономъ на столъ передъ воображаемымъ покойникомъ и освѣдомляется, какъ ему живется на томъ свѣтѣ.

Въ теченіе ночи идетъ шумный пиръ. Гости усердно истребляютъ яства и напитки, отливая капельки виновнику торжества. Замѣститель покойника разсказываетъ о своей загробной жизни, о тамошнихъ урожаяхъ [3]), о томъ, какъ онъ веселится съ родными, осматриваетъ хлѣвы и амбары, благословляетъ скотъ и хлѣбъ [4]). Гостямъ, которые навѣдываются о жизни своихъ умершихъ родственниковъ, онъ даетъ обстоятельныя сообщенія: „вашъ и тамъ держитъ хорошихъ лошадей и ѣздитъ въ лѣсъ и въ извозъ; вашъ промотался; вашъ разводитъ пчелъ; вашъ пьянствуетъ; вашъ женился и взялъ красивую жену“ [6]). Около полуночи всѣ собираются къ столу выслушать наставленія и пожеланія усопшаго—старшіе становятся поближе, младшіе позади нихъ и всѣ разомъ падаютъ ему въ ноги. Воображаемый покойникъ обращается къ родственникамъ съ наставленіями: совѣтуетъ жить мирно, беречь скотину, не заниматься воровствомъ, выражаетъ пожеланіе, чтобы

[1]) Ауновскій. l. c.
[2])
[3]) Мордовцевъ. Пам. кн. Симб. губ. на 1858 г.
[4]) Пенз. Губ. Вѣд. 1867, № 25.
[5]) Ниж. Еп. Вѣд. 1887, 730.
[6]) Ниж. Губ. Вѣд. 1893, № 1.

они всегда имѣли пуре и вино. Пиръ продолжается затѣмъ до зари, когда наступаетъ минута прощанья. Передъ тѣмъ, какъ отправить покойника обратно въ могилу, родня обсуждаетъ, чѣмъ снабдить его для загробной жизни—нужно ли ему лѣса, одежды, денегъ, пищи. Въ результатѣ совѣщанія оказывается, что пищи ему хватитъ надолго (разумѣются съѣденные за ночь припасы), въ одеждѣ онъ не нуждается, денегъ можно дать, а лѣса предоставляютъ покойнику нарубить самому, сколько нужно. Для этой послѣдней операціи устраивается особая церемонія. Посреди избы ставится стулъ съ положенной на него подушкой; на этотъ стулъ сажаютъ покойника, даютъ ему въ руки большой ножъ и несутъ на плечахъ на тумно. Здѣсь стулъ опускаютъ около заблаговременно воткнутаго въ землю сучка какого нибудь дерева и покойникъ начинаетъ рубить его. Съ самымъ напряженнымъ усердіемъ онъ хлопочетъ около сучка, какъ около большаго дерева, обходитъ его со всѣхъ сторонъ, ударяя ножемъ. Когда воображаемое дерево наконецъ сваливается, замогильный работникъ подбираетъ его, садится вновь на стулъ и отправляется прежнимъ порядкомъ въ избу. Здѣсь онъ вновь садится за столъ — а вѣтка кладется на полу поблизости. Родня, подкрѣпившись силами, начинаетъ обсуждать вопросъ о томъ, какъ перевезти нарубленный покойникомъ лѣсъ. Среди избы ставится импровизированная сборная кружка—кадочка, забитая сверху лубкомъ, въ которомъ прорѣзано небольшое отверстіе. Въ часть прорѣза укрѣпляется срубленный покойникомъ сукъ, а въ оставшееся отверстіе опускаются деньги; около кружки на полу разводится небольшой огонекъ. Каждый поминающій обходитъ кружку три раза, берется за вѣтку правой рукой, перепрыгивая чрезъ огонь и въ заключеніе кладетъ въ кружку захваченныя деньги. Перепрыгиваніе черезъ огонь освобождаетъ живыхъ отъ смерти, которая приходитъ съ покойникомъ и ходитъ за каждымъ обходящимъ кружку, чтобы захватить его. Тѣмъ временемъ хозяинъ дома привязываетъ къ столбу на задпемъ дворѣ назначеннаго для покойника быка, обматываетъ

ему шею и голову холстомъ. Сюда выходятъ всѣ поминающіе. Лице, выбранное для того, чтобы зарѣзать быка, съ большимъ ножемъ въ рукѣ беретъ веревку и ведетъ его къ избѣ, остальные подталкиваютъ животное и испускаютъ раздирающіе крики. Около избы, саженяхъ въ 2-хъ отъ сѣней, становится покрытый салфеткой столъ съ пустой чашкой, рядомъ на землѣ толстый отрубокъ дерева. Здѣсь съ быка снимаютъ холстъ, спутываютъ имъ его ноги, валятъ на землю и положивши головой на обрубокъ рѣжутъ [1]). Кровь сливается въ чашку со стола и зарывается въ землю или идетъ вмѣстѣ съ водой на изготовленіе поминальныхъ блиновъ. Быка рѣжутъ на части, варятъ въ большихъ котлахъ и съѣдаютъ безъ остатка. По окончаніи ѣды покойникъ объявляетъ, что ему пора въ могилу. Присутствующіе падаютъ на землю и испрашиваютъ у отходящаго гостя благословенія. Затѣмъ запрягается телѣга, на нее ставятъ кадушки съ блинами, хлѣбомъ, бараниной, пивомъ. Старухи бросаются къ покойнику на шею съ послѣднимъ прощальнымъ привѣтомъ, потомъ его на перинѣ выносятъ къ телѣгѣ, кладутъ на нее, усаживаются рядомъ и трогаются на кладбище. Пріѣхавши туда, воображаемаго покойника на перинѣ и подушкѣ переносятъ на могилу дѣйствительно умершаго и сажаютъ спиной на востокъ — лицемъ къ провожающимъ. У ногъ его разстилается скатерть, на которую кладутъ кучи блиновъ, баранины, ставятъ въ поставцахъ брагу и просятъ провожаемаго поѣсть въ послѣдній разъ. За компанію съ нимъ угощаются и родственники. По окончаніи угощенія съ воображаемымъ покойникомъ прощаются и приглашаютъ его приходить лѣтомъ, когда поспѣютъ къ жатвѣ хлѣба; тогда и на его долю обѣщаютъ нажать. Quasi—покойникъ кланяется присутствующимъ, затѣмъ быстро поднимается съ могилы и бросаетъ на телѣгу перину и подушку.

[1]) У Мокши Нижегородской губерніи предъ закалаемымъ животнымъ падали на колѣна, просили у него прощенія и обѣщали ему много сѣна въ загробной жизни. Майновъ. l. c. 72.

Далеко не во всѣхъ мѣстностяхъ мордовскаго края описанный сейчасъ обрядъ выполняется во всей полнотѣ. Въ Инсарскомъ уѣздѣ пиръ бываетъ короче. Ночью въ 40-й день старика, который передъ тѣмъ лежалъ на лавкѣ и выслушивалъ причитанія родни, поднимаютъ за руки и везутъ къ тому мѣсту, куда бросается отбросъ и угощаютъ его тамъ на прощанье водкой. Въ с. Шадымѣ того-же уѣзда пиръ происходитъ безъ участія лица, которое бы изображало покойника. Онъ выступаетъ на сцену только по окончаніи домашней поминальной трапезы, когда поминающіе съ остатками яствъ отправляются на кладбище. Здѣсь на могилѣ умершаго раскладывается его одежда, въ томъ порядкѣ, въ которомъ онъ носилъ ее при жизни, и на разостланной скатерти для него устанавливаются всѣ принесенныя кушанья [1]). Въ с. Болдовѣ того-же уѣзда душу усопшаго провожаютъ на дорогу или въ конопляникъ, прощаются тамъ съ ней и бѣгутъ обратно домой. Кто остается позади, тотъ въ этотъ годъ умретъ [2]). Въ Сергачскомъ уѣздѣ его провожаютъ за ворота и прогоняютъ; вслѣдъ ему бросаютъ пыль и соръ и кричатъ, чтобы онъ впредь не ходилъ и никого не бралъ [3]). Въ Саратовской губерніи старика или старуху, которые изображаютъ душу умершаго (эзе можай), выносятъ изъ избы и ставятъ посреди двора лицемъ къ воротамъ. Всѣ участвующіе въ поминкахъ падаютъ передъ ними на четвереньки, стараясь не касаться лицемъ земли, и въ такомъ положеніи остаются все время, пока изображающій душу умершаго творитъ молитву, въ которой проситъ Бога послать родичамъ урожай хлѣба, дать обильный приплодъ скоту и домашней птицѣ, прибыль въ деньгахъ. По окончаніи причитанія роль старика кончается; онъ встаетъ со стула и наравнѣ съ остальными падаетъ на колѣна передъ пятнымъ воротнымъ столбомъ, по которому душа усопшаго уходитъ будто-бы на небо. Поминки оканчиваются на кладбищѣ

[1]) Пенз. Еп. Вѣд. 1881, № 8.
[2]) Пенз. Губ. Вѣд. 1891, № 236.
[3]) Ниж. Еп. Вѣд. 1887, № 14, 730

обычной трапезой [1]). Въ Городищенскомъ у., въ с. Пичилейкѣ вмѣсто покойника на лавку, гдѣ онъ умеръ, кладется его одежда, которая послѣ окончанія поминальнаго пира передается пищей братіи. Въ другихъ мѣстностяхъ Пензенской губерніи покойника изображаетъ кукла, одѣтая въ его одежду [2]), съ прикрѣпленной къ груди зажженной свѣчей [3]). При устройствѣ поминальнаго пира колютъ непремѣнно то животное, которое было обѣщано покойнику при его смерти. Покойникъ все равно возьметъ его, если семья вздумаетъ заколоть къ поминкамъ другое, купленное. Въ языческую пору мужчинѣ обѣщалась обыкновенно лошадь, женщинѣ корова. Лошадь до 40-го дня откармливалась; въ день поминокъ на ней ѣхали на кладбище. Кожа заколотаго животнаго изрѣзанная въ куски разстилалась на могилѣ. Если лошадь умирала, семейные не смѣли воспользоваться даже кожей [4]).—За „сорочинами“ слѣдуетъ описать „годины“.

Къ годовымъ поминкамъ начинаютъ готовиться съ весны. Приступая къ посѣву, хозяинъ проситъ Бога, чтобы онъ уродилъ на счастье живыхъ и умершаго. Когда созрѣвшій хлѣбъ начинаютъ убирать, на долю покойнаго отдѣляется на каждой десятинѣ клочекъ жатвы для годовыхъ поминокъ. Въ Симбирской губерніи хозяинъ полосы говоритъ при этомъ: „загона конецъ дожинаю, половину снопа оставляю, мертваго пай; пусть придетъ жнецъ мертвый и докончитъ“ (ума — пе́ прядость, пель пуит ка́дан, кулытяньпайс, се са́зо нуйтясь кулытясь прядосо“) [5]). Этотъ клочекъ жнутъ всѣ родственники, которыхъ покойникъ приглашаетъ якобы къ себѣ на помочь. Съ зарей родственники собираются въ домъ поминаемаго, пьютъ здѣсь, обѣдаютъ, потомъ, нагрузивши телѣгу виномъ, пуре и блинами, отправляются на поле. Подъѣхавши къ участку покойника, поминающіе извиняются предъ усопшимъ за то, что

[1]) Минхъ. l. c. 136.
[2]) Пенз. Еп. Вѣд. 1870, № 16.
[3]) Ауновскій. l. c.
[4]) Майновъ. l. c. 70.
[5]) «Извѣстія» 1893, вып.

поздно пріѣхали и принимаются за жатву. Покончивши съ одной полосой, переправляются на другую, третью. Саратовская Мордва, по словамъ Листова, употребляла на участкѣ покойнаго необычные пріемы жнитва: серпъ брался за острый конецъ и срѣзанныя такимъ образомъ колосья перебрасывали черезъ голову [1]).

На каждой полосѣ работающіе основательно подкрѣпляются и только къ полночи расходятся по домамъ. Въ Инсарскомъ уѣздѣ къ этому времени рѣзали обѣщаннаго покойнику быка. Этого быка обыкновенно указывалъ самъ умирающій. Въ Городищенскомъ уѣздѣ сжатые снопы складываются крестъ на крестъ и оставляются на полосѣ. Тоже самое дѣлается съ конопломъ. которое оставляется для умершей женщины.

У Эрзи Симб. губ. въ XVIII в. по словамъ Мильковича предъ тѣмъ, какъ отправляться на оставленный покойнику участокъ поля, хозяинъ проводилъ на дворъ быка, которому глаза завязывали холстомъ. Человѣкъ, бравшій на себя обязанность убить животное, долженъ былъ занятъ мѣсто внѣ двора за заборомъ и оттуда попасть въ животное своимъ оружіемъ. Если быкъ падалъ послѣ нанесеннаго удара на правую ногу, родственники заключали, что покойникъ счастливъ на томъ свѣтѣ, если на лѣвую—несчастливъ. Лишь только быкъ испускалъ послѣднее дыханіе, сосѣди и семейные несли его на кладбище. На участкѣ тѣмъ временемъ шла работа. Главную роль среди работниковъ играла вдова умершаго, которая изъ сжатой соломы дѣлала себѣ поясъ и носила его на себѣ въ теченіе цѣлаго дня. Помощники ея сѣяли на участкѣ умершаго хлѣбныя охвостья вставляли серпъ, прикосновеніе къ которому грозило смертью. По окончаніи работы всѣ присутствующіе выпивали пива и стремительно бѣжали съ полосы по домамъ. Вечеромъ всѣ собирались вновь въ домъ усопшаго и оттуда отправлялись на кладбище, гдѣ устраивалась поминальная трапеза. На другой день вдова и остальные члены семьи шли въ

[1]) Сар. Еп. Вѣд. 1866, № 36.

баню. Потомъ въ теченіе 3 дней пиръ продолжался [1]).—Обряды, которыми сопровождается у Мордвы погребеніе и поминовеніе умершаго въ теченіе перваго года со времени его смерти, раскрываютъ предъ нами тѣ воззрѣнія на смерть, которыя дали основаніе культу предковъ. Мордвинъ представляетъ себѣ, судя по этимъ обрядамъ, смерть, какъ переходъ въ иной міръ, гдѣ для умершаго продолжается тоже существованіе, что и на землѣ. Онъ уноситъ съ собой туда всѣ свои потребности и привычки, весь строй своей жизни: онъ сѣетъ тамъ хлѣбъ, занимается извозомъ, торгуетъ, пьяница пьетъ, вдовецъ или холостякъ женится, дѣвушка выходитъ замужъ. Какъ и на землѣ, люди группируются въ этомъ загробномъ мірѣ по родамъ. Каждый новый пришлецъ присоединяется къ своему роду, къ своимъ родителямъ, дѣдамъ и прадѣдамъ.—Смерть не есть такимъ образомъ, по мордовскимъ представленіямъ, прекращеніе бытія, а особое состояніе, въ которомъ совершается переходъ въ иную жизнь. Въ тѣлѣ умершаго сохраняется потенція жизни. Какъ долго можетъ держаться она, можно видѣть изъ цитированной уже нами сказки о „Дуболго Пичай". Снохи облили ее съ головы растопленнымъ воскомъ и когда она, какъ имъ показалось, умерла, положили ее въ гробъ и велѣли мужьямъ похоронить. Какъ она была похоронена, мы уже знаемъ. Виртянъ, которому на мѣсто погребенія ея указали гуси, принесъ гробъ ея домой. Мать его раскрыла гробъ, раздвинула дѣвушкѣ ротъ, „взглянула туда; видитъ она тамъ—горло ея чѣмъ то заткнуто по язычекъ, смотритъ и уши заткнуты. Ту затычку ковырнула—воскъ. Догадалась старушка. Воскъ этотъ, говоритъ, растопить въ теплой банѣ... Вынули дѣвушку изъ гроба, положили на полокъ... у ней на тепломъ полкѣ размякли руки и ноги... Воскъ на ней сталъ таять. Старушка поддаетъ паръ сильнѣе—смотритъ: изъ ушей и изъ рта воскъ, растаявши, капаетъ. Старушка поддаетъ паръ сильнѣе: дѣвица-красавица охнула" [2])...

[1]) Симб. Г. Вѣд. 1851, № 31.

[2]) Пам. морд. нар. слов. 183.

Состояніе, въ которомъ находится умершій въ могилѣ, рисуется въ сказкѣ о „Богатомъ нищемъ“. Умеръ мордвинъ, который, не взирая на нажитое богатство, собиралъ милостыню. Прошло нѣсколько лѣтъ до того времени, когда по обстоятельствамъ, излагать которыя мы здѣсь не будемъ, дѣтямъ пришлось увидать своего отца въ разрытой могилѣ: „смотрятъ—ихъ отецъ лежитъ, какъ живой, не подвергшись гніенію“ [1]).

Сказки и разсказы, героями которыхъ являются покойники, показываютъ, что сохраняя эту потенцію умершіе въ опредѣленное время—именно ночью—возвращаются къ жизни. Тогда они впервые проявляютъ тѣ новыя свойства, которыя пріобрѣтаютъ съ переходомъ въ иной міръ. Если не всѣ, то по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ становятся непосредственно послѣ смерти людоѣдами и вампирами.

Образчикъ разсказовъ, въ которыхъ повѣствуется о такихъ превращеніяхъ, можно видѣть въ сказкѣ „Зеленые рога“. Здѣсь фигурируетъ старикъ, который, предчувствуя близость смерти, предупредилъ жену, чтобы она не оставалась съ нимъ на ночь и не позволяла дѣтямъ самимъ его отвозить на мѣсто погребенія. Старуха не послушала его и едва не сдѣлалась жертвой своего непослушанія. Солдатъ, которому дѣти поручили везти отца, насмотрѣлся на пути чудныхъ вещей. Только день начиналъ склоняться къ вечеру, какъ колеса начинали вязнуть и чѣмъ ближе къ закату, тѣмъ больше. Лишь только солнце садилось, какъ старикъ выходилъ изъ гроба и дѣлалъ попытки съѣсть своего возницу. Спасъ его отъ людоѣда-покойника оборотень „зеленые рога“. Здѣсь мы должны сдѣлать небольшое отступленіе. Судьба только что названнаго оборотня показываетъ, что Мордва считаетъ переходъ въ иную жизнь необходимымъ и желательнымъ для человѣка. Только особыя причины напр. проклятіе матери затягиваютъ пребываніе человѣка въ этой жизни. „Зеленые рога“ напр. пятьсотъ лѣтъ жилъ подъ материнскимъ проклятіемъ и не могъ уме-

[1]) Пам. морд. нар. слов. Сказки. 249.

реть, не получивши прощенія. Не могла умереть, не простивши сына, и сама старуха мать. Когда солдатъ съ попомъ вымолили у ней прощенье, старуха провалилась сквозь землю, а „зеленый рогъ“ обратился въ человѣка.

Въ с. Рыбкинѣ Краснослободскаго уѣзда мы записали разсказъ, обрисовывающій могильную жизнь вампировъ и дополняющій нѣсколькими новыми штрихами набросанную уже выше картину мордовскихъ воззрѣній на смерть. „Остановился мужикъ кормить лошадей. Вдругъ видитъ изъ земли вылѣтилъ огонь. Мужикъ пождалъ и пошелъ посмотрѣть, откуда показался огонь. Видитъ гробъ, совсѣмъ новый. Взялъ онъ этотъ гробъ и перенесъ къ себѣ подъ телѣгу. Прошло нѣсколько времени, прилетѣлъ къ ямѣ огонь, видитъ гроба нѣтъ. По духу летитъ къ мужику: отдай мою избу, то я тебя съѣмъ“. Нѣтъ, не съѣшь—говоритъ мужикъ, а отдамъ я тебѣ гробъ, когда ты скажешь, куда леталъ. Огонь говоритъ: леталъ я въ село; тамъ свадьба и я выпилъ изъ нихъ кровь—ну давай-же теперь гробъ. Не отдамъ, говоритъ мужикъ: „скажи мнѣ, чѣмъ можно ихъ вылечить и какъ тебя убить. Вылечить ихъ можно, говоритъ огонь; нужно взять кровь изъ одного чернаго теленка и вымазать ей мертвыхъ, а меня можно убить семилѣтней осью, вколотивши около меня 12 дубовыхъ кольевъ. Мужикъ отдалъ гробъ и пошелъ въ деревню. Тамъ страшный плачь. Вотъ, говорятъ ему, каждый годъ у насъ такъ умираетъ по одной парѣ новобрачныхъ. Мужикъ говоритъ: я знаю, какъ ихъ сдѣлать живыми. Ступайте, зарѣжьте чернаго теленка и вымажьте его кровью мертвыхъ. Сдѣлали такъ; мертвые ожили, а мужикъ повелъ народъ на то мѣсто, откуда вылеталъ огонь. Разрыли яму и нашли тамъ гробъ, а въ гробу ворочается и стонетъ мужикъ. Вытащили его, убили семилѣтней осью, вколотили 12 кольевъ и съ тѣхъ поръ люди перестали гибнуть“. Разсказъ, который мы сейчасъ привели, почти дословно сходенъ съ подобными-же вотяцкими. Но въ мордовскихъ разсказахъ о каннибалахъ замѣчается стремленіе дифференцировать ихъ узкую дѣятельность. Въ то время, какъ

мужчины губятъ взрослыхъ, женщины поѣдаютъ дѣтей. Вотъ одинъ изъ разсказовъ о женщинахъ-людоѣдкахъ. „Пошелъ старикъ ночью въ овинъ, а овинъ былъ около кладбища. Вдругъ на встрѣчу ему идетъ баба. „Куда ты идешь?“—Баба молчитъ. Мужикъ еще разъ спросилъ; баба опять молчитъ. Тутъ старикъ догадался, съ кѣмъ разговариваетъ и сдернулъ съ бабы полотенце (саванъ?). Баба взмолилась: „пусти меня—все скажу: родила у васъ въ деревнѣ баба и я шла съѣсть ея ребенка. Старикъ побилъ ее, потомъ отдалъ полотенце и не велѣлъ больше ходить“.

Проявленіе въ покойникѣ наклонностей людоѣда или вампира открываетъ предъ нами только одну сторону измѣненій, которыя совершаются въ его природѣ и превращаютъ его въ существо съ сверхъ-естественными силами, въ первообразъ боговъ. Съ новыми свойствами умершаго мы уже знакомимся изъ тѣхъ просьбъ, съ которыми обращаются къ нему оставшіеся въ живыхъ его родичи. Его просятъ дать оставшимся долгую жизнь, т. е. не брать ихъ къ себѣ (первоначально, вѣроятно съ собою), увеличить ихъ благосостояніе: давать хорошіе урожаи, прибыль скота, т. е. произвести все то, что обыкновенно составляетъ функцію боговъ.

Въ повѣрьяхъ и обрядахъ, которые практикуются въ исключительныхъ случаяхъ жизни, раскрываются новыя стороны вліянія умершихъ на судьбу живыхъ. Предки оказываются не только хранителями благосостоянія своихъ потомковъ, но и нравственныхъ устоевъ ихъ жизни. Если Мордва кого-нибудь подозрѣваетъ въ кражѣ, но не имѣетъ ясныхъ уликъ, достаточно взять съ кладбища земли и воды и предложить подозрѣваемому выпить смѣсь ихъ: если подозрѣніе основательно, виновный не рѣшится солгать изъ опасенія, что предки накажутъ его за это смертью.

Гнѣвъ предковъ призываетъ у Мокши на себя тотъ, кто желаетъ утвердить истину своихъ словъ: „пусть меня мертвый накажетъ, если я говорю неправду“ [1]).

[1]) Майновъ. Очерки юридическаго быта Мордвы. 194.

Въ связи съ увеличивающимся значеніемъ умершаго увеличивается и почетъ къ нему. Все, что находится такъ или иначе въ соприкосновеніи съ нимъ, пользуется у Мордвы громаднымъ уваженіемъ. Могила умершаго, мѣсто, куда выбрасываются щепки, оставшіяся по изготовленіи гроба — все это должно быть неприкосновеннымъ. Человѣкъ, потревожившій могильную землю, платится за это или жизнью или благосостояніемъ. На эту мстительность мертвыхъ спекулируютъ люди, которые желаютъ насолить врагу или извести его.

Подобно Черемисамъ, Мордва убѣждена, что достаточно взять земли съ могилы и положить на дворъ къ врагу, чтобы его постигло какое-нибудь бѣдствіе. Къ гнѣву покойниковъ обращается жена, которая желаетъ извести мужа. Въ с. Шадымѣ Инсарскаго уѣзда намъ разсказывали слѣдующій случай. Женился парень самокруткой на дѣвушкѣ, которая была старше его. Скоро пошли семейные нелады и жена рѣшила отдѣлаться отъ мужа. Сосѣдки явились съ совѣтами: „возьми вѣнчальное кольце мужа, ступай на кладбище чрезъ ворота въ валу и вколоти кольцо на осиновомъ колышкѣ въ землю“. Баба продѣлала все, что ей посовѣтовали. Позже ребятишки, играя, дѣйствительно нашли кольце на осиновомъ колышкѣ, но она перемѣшала кольца и умерла сама.

Даже послѣ того, какъ уничтожатся всѣ слѣды бывшаго на томъ или другомъ мѣстѣ кладбища—сравняются съ землей могильныя насыпи, упадутъ и сгніютъ росшія на немъ священныя деревья—оно продолжаетъ оставаться страшнымъ для живущихъ. Въ с. Шадымѣ намъ разсказывали, что съ мѣста стараго языческаго кладбища вылетаетъ по ночамъ съ дымомъ огненный змѣй. Человѣкъ, нечаянно попавшій на это мѣсто, блуждаетъ по нему цѣлую ночь, не находя выхода; лошади возвращаются съ него замученными. Особенно страшны мѣста тдѣ погребены убитые люди. Скотина, попавшая на такое мѣсто, околѣваетъ. Карой за вольное или невольное оскорбленіе могила является болѣзней (притка) а за ней иногда и смерть виновника: женщина чаще всего наказывается неплодіемъ.

Держа въ своихъ рукахъ благосостояніе, жизнь и смерть своихъ родичей, предки естественно являются предметомъ благоговѣйнаго уваженія и поклоненія. Къ нимъ, какъ къ богамъ, обращаются съ молитвами. Даже въ христіанскую пору женщины, ложась спать и вставая, призывали на себя милость предковъ: „тéрéнéзе, алéнéзé ванамыст“. Къ предкамъ обращались онѣ и тогда, когда отправляли своихъ мужей изъ дома въ лѣсъ или на базаръ. Молепія въ честь предковъ слѣдуютъ одно за другимъ при началѣ каждаго болѣе или менѣе важнаго предпріятія.

Общія поминовенія усопшихъ начинаются съ ранней весны, съ страстной недѣли. Въ среду въ Инсар. у. топили для помипаемыхъ покойниковъ баню. Въ банѣ ставили горшокъ съ кашей, клали вѣники и приглашали усопшихъ придти попариться. Въ великій четвергъ устраивалось для выпарившихся покойниковъ угощеніе, рѣзали для нихъ быка, свинью, на крови пекли блины; накрывали столъ, ставили на него чашки и ложки; на стѣнахъ развѣшивали для женщинъ бисерныя оплечья (цифксы), которые въ остальное время хранились въ особомъ мѣстѣ, а для мужчинъ кафтаны. Надъ головой зарѣзаннаго быка вечеромъ особо приглашеннымъ старикомъ совершалось поминальное моленіе. На порогѣ зажигались свѣчи, подъ порогомъ ставился горшокъ съ кашей, яицами, поставка съ брагой, ветчина. Старикъ жрецъ приглашалъ умершихъ въ избу. „Приходите тѣ, которыхъ мы знаемъ и которыхъ не знаемъ, у кого нѣтъ сродниковъ, кому мы сдѣлали зло; просимъ не одни мы, а всѣ старики“. У двери стоятъ, встрѣчая ихъ, члены семьи: одинъ держитъ брагу, другой озандам-палъ. Отъ озандам-пала даютъ всѣмъ поминающимъ, начиная съ стариковъ и кончая малолѣтними. Потомъ начинается пиръ; на долю усопшихъ кидаютъ за порогъ крошечки хлѣба, а на столъ кладутъ 2—3 лишнихъ ложки и полный стаканъ пуре. Поѣвши въ одномъ мѣстѣ, обходятъ остальныхъ родныхъ. Тѣмъ временемъ старикъ-жрецъ беретъ часть поросенка или гуся, горшокъ съ ладономъ, а выбранный имъ ребенокъ солоницу, оба обходятъ

вокругъ двора и молятся на мѣстѣ, гдѣ выбрасывается соръ. Угощеніе усопшихъ продолжается до Пасхи. Во вторникъ на Пасхѣ вся родня собирается въ домъ старшаго. Въ Городищенскомъ у. угощеніе умершихъ родичей пріурочивается къ 1-му дню Пасхи. Вотъ какъ описываетъ пасхальныя поминки въ д. Кардафлеѣ г. Евсевьевъ. „Въ Великую субботу въ каждомъ домѣ пекутъ блины, на передней лавкѣ приготовляютъ постель для покойниковъ,—стелютъ войлоко, кладутъ подушку, на подушку бѣлый платокъ—утиральникъ. Накрываютъ столъ; на столъ ставятъ ведро браги, горшокъ каши, кучу блиновъ, предъ иконами зажигаютъ свѣчку, всѣ семейные становятся въ рядъ, хозяинъ и хозяйка дома выступаютъ немного впередъ и начинаютъ молиться—звать предковъ на праздникъ: „Прадѣды и прабабушки, услышьте насъ, стряхните съ себя земную пыль, приходите къ намъ на праздникъ; на ваше имя мы блины пекли, брагу варили; соберите всѣхъ своихъ родныхъ и приходите; можетъ быть, между вами есть безродные, которыхъ некому пригласить, вы и ихъ возьмите съ собой, чтобы и они не остались безъ праздника; у насъ всего вдоволь—всѣмъ хватитъ; вотъ бочка пива (при этомъ беретъ стаканъ пива на руки и качаетъ); вотъ горшокъ каши. Потомъ хозяйка дома указываетъ на постель: вотъ вамъ для отдыха мѣсто мы приготовили, послѣ обѣда отдыхайте тутъ“. Затѣмъ всѣ садятся за столъ и начинаютъ ѣсть блины и пить пиво. Въ Великую же субботу приготовляется въ очередномъ домѣ родни по мужской линіи въ складчину на все родство медовый квасъ. Квасъ этотъ называется „атянъ пуре“,—квасъ предковъ. Въ Великую субботу Кардафлейская мордва уже не работаютъ, даже комнату не убираютъ, а сидятъ дома, наряженные по праздничному.

Въ первый день Пасхи каждый родъ, исключая молодушекъ, взятыхъ въ домъ въ этомъ году, собирается въ своемъ очередномъ домѣ, гдѣ приготовленъ медовый квасъ, молить медовый квасъ предковъ. Накрываютъ два стола—по правую сторону для прадѣдовъ, по лѣвую — для прабабушекъ; около постели, приготовленной для предковъ, зажигается

„атянъ штатолъ“ свѣча предковъ — это огромныхъ размѣровъ восковая свѣча на деревянномъ подсвѣчникѣ. Свѣча эта зажигается разъ въ годъ—въ первый день Пасхи. Сколько этой свѣчи сгораетъ въ этотъ день, столько потомъ налѣпляютъ на нее новаго воска. Свѣча эта считается священною, ихъ въ деревнѣ столько, сколько старшихъ родовъ; у каждаго рода своя свѣча, хранится она поочереди въ каждомъ домѣ по одному году. У кого хранится эта свѣча, къ тому въ первый день Пасхи весь родъ собирается поминать своихъ покойниковъ, въ томъ же домѣ приготовляется въ Великую субботу и „медовый квасъ предковъ“. Во время молитвы земные поклоны дѣлаются сначала прадѣдамъ, а потомъ всѣ оборачиваются къ столу прабабушекъ и имъ дѣлается такой же поклонъ. Обѣдать садятся мужчины за столъ, приготовленный для прадѣдовъ, а женщины—за столъ для прабабушекъ. Погулявъ немного въ этомъ домѣ, всѣ идутъ въ слѣдующій домъ; хозяинъ дома беретъ помянутую свѣчу и съ обнаженною головою идетъ впереди, а за нимъ идутъ всѣ гости и воображаемые покойники. Свѣча опять ставится у постели для покойниковъ (такая постель въ каждомъ домѣ приготовляется), а сами гости начинаютъ пить пиво и вино, но безъ шума, воздерживаясь даже отъ лишняго разговора, боясь какъ бы чѣмъ не оскорбить своихъ предковъ.

Когда такимъ образомъ обойдена будетъ вся родня, собираются опять въ первый домъ, гдѣ готовился медовый квасъ и оттуда ужъ провожаютъ покойниковъ на кладбище, выносятъ съ собой изъ каждаго дома хлѣбъ, соль, пиво, вино, яйца, по окороку свинины, ведро медоваго квасу. На кладбищѣ все это съѣдаютъ и выпиваютъ. Отъ окороковъ хозяинъ медоваго кваса отрѣзываетъ по кусочку свинины для солянки къ слѣдующему дню. Затѣмъ возвращаются домой, а покойниковъ просятъ остаться на кладбищѣ и не приходить къ нимъ въ домъ до тѣхъ поръ, пока они сами не пригласятъ ихъ опять“. Въ с. Пичилейкѣ того-же уѣзда, какъ намъ разсказывали, покойниковъ провожаютъ на второй день Пасхи

по двѣ старухѣ отъ каждаго рода. Штатолъ на второй день Пасхи передается для храненія другому члену рода и хранится у него до слѣдующей Пасхи въ амбарѣ. Мы видѣли два такихъ штатола въ дер. Вечкинѣ Наровчатскаго уѣзда. Они были обернуты полотенцами, уложены въ узкій длинный кузовъ и подвѣшены къ слегѣ амбара. О степени уваженія Мордвы къ этимъ свѣчамъ можно судить по тому, что хозяинъ дома, гдѣ хранился этотъ кузовъ, не рѣшался снять его, чтобы показать мнѣ; снять его можетъ только чистый человѣкъ. Тяжкимъ грѣхомъ считается осквернить какъ нибудь зданіе, въ которомъ онъ хранится. У Мокши Нижегородской губерніи при пасхальныхъ родовыхъ поминкахъ предметы, принадлежавшіе послѣднему покойнику, носили съ собой члены его семьи въ знакъ того, что онъ ходитъ съ ними по гостямъ [1]). Любопытными подробностями отличались пасхальныя поминки Мордвы Симбирской губерніи въ XVIII в. Хозяинъ дома выходилъ на улицу съ бѣлымъ платкомъ въ рукѣ и звалъ всѣхъ умершихъ родичей по именамъ, стараясь не пропустить ни одного. Постоявши нѣкоторое время онъ собиралъ концы платка въ узелъ, несъ собранныя въ него души въ избу и выпускалъ на приготовленныя постели. Платокъ переходилъ къ особому выборному старику, которому каждый давалъ при этомъ немного денегъ. Съ полученными такимъ образомъ отъ нѣсколькихъ родовъ платками старикъ ходилъ изъ дома въ домъ и клалъ ихъ на приготовленныя постели въ знакъ того, что покойники посѣщаютъ своихъ родныхъ и знакомыхъ. Обойдя всю деревню, старикъ сопровождаемый поющей и пляшущей толпой возвращался къ дому, изъ котораго вышелъ и отдавалъ каждому гостю его платокъ за маленькій выкупъ. Хозяева возвращались по домамъ, разводили передъ воротами костры, вытряхивали надъ ними изъ платковъ души, перепрыгивали сами черезъ огонь и въ заключеніе поливали на костеръ пуре [2]).—Угощеніе предковъ совершается затѣмъ: в ъ с у б б о т у

[1]) Майновъ. l. c. 71.
[2]) Майновъ. l. c.

на Ѳоминой недѣли, когда всѣ ходятъ на могилы съ брагой и съѣстными припасами и оставляютъ для покойниковъ крошки, передъ началомъ яровой пашни, когда покойниковъ просятъ принять участіе въ трапезѣ, которая устраивается на полѣ, и уродить хлѣбъ; въ Казанскую (8 іюля). На Духовъ день ходили на кладбище всей деревней въ обѣденную пору. Здѣсь предъ бѣлой березой совершалось поминальное моленіе. Ставши предъ березой, просили ее: „кормилецъ—бѣлая береза, вотъ мы даемъ тебѣ отъ міра жертву, не допусти никакой нечисти ни къ намъ, ни къ нашимъ дѣтямъ, ни къ нашимъ полямъ“. Закалалась скотина, кровью которой обрызгивалась береза, а кожа развѣшивалась на деревѣ. Со всѣхъ присутствующихъ собирали кольца, кресты, сюльгамы, шурьки и все это или бросали въ дупло березы или нанизывали на проволоку и вѣшали на вѣтви. Кости послѣ поминальной трапезы зарывались въ землю въ особой чашкѣ. На кладбищѣ для моленій устраивалось нѣчто въ родѣ горна. Тутъ нагрѣвался котелъ ведеръ въ 40 съ похлебкой изъ жертвеннаго мяса. Похлебку эту, обрызнувши частью ея березу, ѣли всѣ присутствующіе. Подъ священной березой было устроено въ видѣ стола земляное вызвышеніе (модо-маръ, модо-шары = земляной столъ), за которымъ возсѣдали старики и старухи. Возвышеніе это накрывалось скатертью или войлокомъ. Этотъ холмъ, кажется, насыпался всѣми приходящими, такъ какъ каждый бросалъ подъ березу горсть земли, чтобы избавиться отъ лиха. Поѣвши всѣ шли къ березѣ кланяться, цѣловали ея кору, стараясь не тронуть дерева руками. По окончаніи прощальнаго обряда молившіеся расходились, оставляя на трое сутокъ двухъ-трехъ стариковъ караулить, чтобы кто не похитилъ жертвы или не оскорбилъ березы.

Осенью, когда поспѣвалъ хлѣбъ, на кладбищѣ устраивалось новое моленіе (сіор-марты-озкс).

Въ XVII в. кромѣ перечисленныхъ нами празднествъ въ честь усопшихъ совершался чрезъ продолжительные промежутки времени (лѣтъ черезъ пятьдесятъ и больше) спеціальный

молянъ, повидимому, для возстановленія въ надлежащемъ видѣ могильныхъ насыпей—маровъ. Указаніе на этотъ молянъ мы имѣемъ въ не разъ уже цитированномъ дѣлѣ о моленіи въ дер. Чукалахъ. Выраженія, въ которыхъ говорила объ этомъ молянѣ призванная къ допросу мордва — „засыпали землею мары", „осыпали мары", т. е. намогильные холмы — позволяютъ предполагать, что главная задача моляна въ томъ и состояла, чтобы вновь поднять опавшія земельныя насыпи. Въ честь усопшихъ при этомъ рѣзали коровъ и лошадей. Забота о сохраненіи могильныхъ холмовъ представляется совершенно естественной въ виду тѣхъ бѣдствій, которыя постигаютъ по мордовскимъ вѣрованіямъ человѣка, нечаянно нарушившаго неприкосновенность могилы.

Періодически повторяющіеся праздники въ честь предковъ устанавливаютъ добрыя отношенія между родомъ и его отошедшими въ иной міръ представителями. Но эта гармонія отношеній довольно часто нарушается; не всѣ съ одинаковымъ почтеніемъ относятся къ своимъ умершимъ, какъ не въ каждой семьѣ всѣ члены воздаютъ большаку подобающій почетъ. Случается такъ, что о предкахъ по временамъ и забываютъ, оставляя ихъ голодать. Такое поведеніе не проходитъ безнаказанно для виновныхъ. „Родители" предупреждаютъ о своемъ неудовольствіи являясь во снѣ. „Эхъ, всѣ ѣдятъ—говоритъ явившійся во снѣ предокъ—а я стою въ сторонѣ, меня никто не кормитъ". Семья, которой приснился такой сонъ, спѣшитъ устроить для усопшихъ неочередное угощеніе—готовитъ блиновъ, рѣжетъ курицу, большую часть всего этого, конечно, съѣдаетъ сама, но остатки относитъ на то мѣсто близъ кладбища, гдѣ сваливается соръ. Иногда предки и прямо карающъ за непочтеніе: у человѣка не родятся или хворающъ дѣти, прихварываетъ безъ видимой причины кто нибудь изъ взрослыхъ семейныхъ. Въ томъ и другомъ случаѣ догадываются, что это дѣло предковъ. О больномъ говорятъ, что ему попритчилось отъ мертваго („кулыст арас"). Для примиренія съ усопшими приглашается опытная въ этомъ дѣлѣ ворожея.

Въ глухую полночь больной и старуха отправляются на перекрестокъ „прощаться“ [1]). Больной садится, нагнувшись на землю; ворожея трижды очерчиваетъ его ножемъ, снимаетъ съ него и отбрасываетъ крестъ, поясъ, оборы у лаптей, бросаетъ на землю зерна, хмѣль, немного крупы, яйцо, иногда живую курицу, деньги (прощеньянъ-ярмакъ) и молитъ за него предковъ и можетъ быть нечаянно обиженную могильную землю („модо-маръ“). По мѣстамъ вмѣсто хожденія на перекрестокъ ходятъ на кладбище и молятся предъ священной березой, положивши предъ ней лепешки и какую нибудь принадлежность одежды больнаго—„матушка бѣлая береза, пошли лучшіе дни, дай здоровье“.

Чтобы получить отъ пораженной безплодіемъ женщины дѣтей, „родителямъ“ обѣщаютъ спеціальное жертвоприношеніе.

Моръ на скотину или на людей такъ-же приписывается гнѣву предковъ и для умилостивленія ихъ заранѣе назначается спеціальное общественное моленіе—опахиваніе или огражденіе деревни. „Огражденіе деревни совершается за нѣсколько дней до Вознесенія Господня. Въ назначенный день сельскій староста на счетъ общества приготовляетъ разныя кушанья, покупаетъ вино, медъ и разную закуску. Вечеромъ приглашаетъ къ себѣ нѣсколько старухъ, вдовъ и дѣвицъ. Когда на улицѣ стихнетъ шумъ, всѣ съ приготовленными кушаньями отправляются на кладбище; дѣвушки съ распущенными косами и безъ поясовъ, берутъ съ собой соху и ведро съ горячими углями; сельскій староста беретъ съ собою ружье. На кладбищѣ, на могилѣ перваго основателя деревни, разставляютъ всѣ кушанья и начинаютъ молиться, прося покойнаго основателя деревни отъ имени всего общества сохранить деревню отъ всякихъ бѣдъ. Съ кладбища выходятъ на край деревни и сохой проводятъ черту вокругъ нея; причемъ соху везутъ дѣвушки по-перемѣнно, а

---

[1]) Значеніе перекрестковъ въ дѣлѣ общенія съ умершими выясняется изъ констатированнаго уже нами древняго обычая ставить близь нихъ гробы съ умершими.

держитъ ее вдова, впереди несутъ ведро съ углями. У каждой околицы останавливаются, стрѣляютъ изъ ружья и зарываютъ въ землю мѣдную монету въ даръ богу—хранителю деревни. Огородивъ такимъ образомъ деревню „желѣзнымъ заборомъ", опять всѣ собираются на кладбище, доѣдаютъ и допиваютъ все оставшееся и расходятся по домамъ" [1]).

Предки, съ культомъ которыхъ мы сейчасъ познакомились, являются первыми и наиболѣе близкими къ Мордвѣ сверхъестественными существами. Они вводятъ насъ въ обширный міръ во всемъ подобныхъ имъ боговъ.

И. Смирновъ.

[1]) Отчетъ переводч. коммиссіи при брат. Св. Гурія. Каз. 1893, 35.

Матеріалы.

I. АРХЕОЛОГИЧЕСКІЕ.

Малетинскія древнія копи и земляныя постройки, въ Алтайскомъ округѣ—въ Сибири.

Въ расположенной по правую сторону р. Оби, ниже г. Барнаула, Малышевской волости, близь дер. Малетиной, извѣстны урочища, заслуживающія вниманія, какъ геолога, такъ и археолога, такъ какъ тамъ можно еще розыскать, судя по архивнымъ и устнымъ свидѣтельствамъ, древнія копи, съ рудными признаками, и земляныя постройки съ намеками, въ одномъ мѣстѣ, на защиту отъ непріятельскихъ нападеній и, въ другомъ, на постоянныя жилища того доисторическаго народа, который, безразлично къ расовымъ отношеніямъ и эпохамъ, называется у насъ чудью. Слѣды этихъ остатковъ изчезнувшей культуры невѣдомыхъ строителей теперь, вѣроятно, уже слабы, но сто съ лишнимъ лѣтъ тому назадъ, когда ни плугъ земледѣльца, ни топоръ дроворуба еще не заставляли Алтайскую природу молить о пощадѣ, они, безъ сомнѣнія, были рельефнѣе, потому помѣщаемое за симъ, относящееся къ помянутымъ урочищамъ, архивное извлеченіе изъ одного дѣла прошлаго вѣка, принадлежащаго Барнаульскому горному архиву, должно представлять въ наши дни нетолько отвлеченно-научный, но и нѣкоторый практическій интересъ.

Обстоятельства, сдѣлавшія извѣстными Малетинскія урочища, сложились, судя по дѣлу, такъ: Малышевской земской избы писчикъ Андрей Петелинъ представилъ, въ началѣ сентября 1780 года, правителю Колыванской области Меллеру, который былъ въ тоже время и начальникомъ надъ Колывано-воскресенскими Кабинетскими заводами, куски руды, найденные близь дер. Малетиной; такъ какъ по пробѣ въ Барнаульской лабораторіи руда эта оказалась серебросодержащею, то Меллеръ, не теряя времени, командировалъ на мѣсто находки унтеръ-шахтмейстера горной службы Василья Головина и, въ концѣ осени того же года, получилъ отъ него донесеніе, объясняющее, что объявленное писчикомъ Петелинымъ рудное мѣсто лежитъ отъ Барнаульскаго завода въ разстояніи 175 верстъ, а отъ завода Сузунскаго верстахъ въ 64-хъ. Руда содержится въ плоской горѣ, окруженной съ Ю. и З.

болотистою долиною, среди которой лежитъ три озерка: Мочище, Татарское блюдо и Неботаевское; съ С. и В. она отдѣляется отъ подобныхъ же некрутыхъ возвышенностей сухими впадинами и тянется, по меридіанальному направленію, версты на 2 $^{1}/_{2}$, въ ширину версты на $1^{1}/_{2}$, а высоты надъ уровнемъ, отстоящихъ отъ нее верстахъ въ 2-хъ, 3-хъ названныхъ выше озеръ, имѣетъ саженъ 15-ть. Поверхность вокругъ горы изрѣдка усѣяна валунами дресвяничнаго камня, немѣшающими, однако, распашкамъ, но въ 2-хъ мѣстахъ изъ подъ пахатнаго слоя выступаютъ не очень большіе, но каменистые холмы.—О болѣе удаленныхъ окрестныхъ мѣстахъ Головинъ пишетъ: «Малетинскій боръ состоитъ изъ сосноваго лѣса, годнаго на всякое употребленіе, и тянется отъ горы верстъ на 8, при ширинѣ отъ 2 до 4 верстъ; подобный же лѣсъ произрастаетъ по теченію рѣчекъ: Аллака, впадающаго въ Обь справа, выше дер. Малетиной, двухъ Чингисовъ и Каракона, которые впадаютъ также въ Обь съ правой стороны, но ниже Малетиной; наконецъ ростетъ лѣсъ и по лѣвому притоку Оби—Алеусу. По плоскимъ горамъ, ключамъ и рѣчкамъ, начиная отъ устья Аллака до дер. Малетиной и ниже, встрѣчаются валуны и «рудамъ свойственные минерализованные камни», подающіе, по мнѣнію Головина, надежду на возможность отысканія и болѣе богатыхъ, къ плавкѣ годныхъ, рудъ. Словомъ, здѣсь, повидимому, упирается въ Обь, отодвигая ее на западъ, рудоносный Салаирскій кряжъ, прославившійся потомъ большимъ богатствомъ бѣдныхъ по содержанію серебряныхъ рудъ.

Развѣдка Головинымъ была заложена близь юго-восточнаго края горы, причемъ пройденнымъ прорѣзомъ и пробитыми въ разныхъ мѣстахъ шурфами, подъ слоемъ песчаниковатой глины, отъ $^{1}/_{4}$ до 2 арш. толщиною, встрѣчена порода—вапъ, по названію Головина, просѣченная прожилками и гнѣздами зернистаго и листоваго кварца, перемѣшаннаго со свѣтло-желтыми и другихъ цвѣтовъ охрами. Залеганіе этой породы въ глубь и широтное простираніе ея осталось неопредѣленнымъ, но обнаружено, что сѣверозападнымъ концомъ толща ея примыкаетъ къ сѣрому камню, составляющему помянутые выше каменистые холмы, выступающіе изъ подъ пахатнаго слоя, а затѣмъ раздѣляется по обѣимъ сторонамъ одного изъ нихъ. Упоминаемая здѣсь кварцевато-охристая порода, по произведенной потомъ пробѣ, оказала только $^{1}/_{4}$ золотн. серебра въ пудѣ, но по объясненію Головина шурфованный имъ вапъ составлялъ лишь кровлю или головную часть болѣе орудѣлыхъ, по его предположенію, массъ.

Вмѣстѣ съ отчетомъ о развѣдкахъ изслѣдователемъ представлены слѣдующія замѣчанія:

1) «Отъ самаго раздѣленія (породы), на западной сторонѣ (каменистаго холма), были древняго, обитавшаго въ тѣхъ мѣстахъ, народа, значущагося въ здѣшнемъ округѣ подъ именемъ чуди, р у д о к о п н ы я я м ы, длиною, подлѣ самый холмъ, до 37, шириною отъ 2 до 15, глубиною, нынѣ, отъ 1-й сажени и менѣе, въ срединѣ коихъ, по расчисткѣ (поперегъ) прорѣзомъ, длиною на 3, шириною на $^{2}/_{3}$, глубиною отъ матерой земли на $1^{1}/_{2}$ саж. найдены по снятіи наплывной земли, въ почвѣ, между сѣраго наплывнаго камня, с к о т и н н ы я к о с т и, у г о л ь, с о г н и в ш е е и о т ч а с т и м и н е р а л и з о в а н-

ное дерево, а отъ рудной породы, между выметываемаго отвалу, (ничего) не находится, какъ только желѣзистая темно-бурая охра, съ прилипшими къ дикому сѣрому камню слойками шпата, въ самомъ маломъ количествѣ находящагося, въ коемъ, хотя и мелкія частицы, и серебряныхъ кисовъ (нѣсколько) присоединилось, однако на пробу однихъ недостаточно. Въ концѣ же помянутаго прорѣза, отъ самаго раздѣленія всего руднаго положенія, т. е. отъ сѣверо-восточной стороны, оказался рѣчной желтоватый, смѣшанный съ разноцвѣтными, агатоваго рода, мелкими гальками, песокъ, между коихъ (галекъ) находятся и полупрозрачные сердолики съ тапазовымъ флюсомъ (?), въ которомъ пескѣ, по учиненіи опыта промывкою, изъ восемнадцати фунтовъ натуральныхъ металловъ не найдено ничего кромѣ блестящей руды желѣзной, да и полученный черезъ то шлихъ по пробѣ ничего не оказалъ; въ почвѣ помянутаго въ копѣ прорѣза оказался, большими плитами отвалившійся отъ холма сѣровидный глиммеромъ и охрою проникнутый камень и видно, что оный, при продолжаемой тѣми древними народами работѣ, былъ отъ руднаго положенія зальбадномъ, или стѣнокъ онаго, который (камень), за неимѣніемъ буровыхъ инструментовъ и пороху, пробить было неможно, отчего и почвенное состояніе тѣхъ копей—по какимъ рудамъ точно они работали—остается еще неизвѣстнымъ, которое (почвенное состояніе), въ разсужденіи шпатовъ, съ малыми частицами серебряныхъ кисовъ, а притомъ и немалой ихъ (чудскихъ народовъ) работы, предвидится оставить, безъ открытія самой почвы, сумнительно.

2) «Отъ предписанныхъ копей, по длинѣ той же горы, къ сѣверу, въ отдалившемся къ западу, между водопоемныхъ отъ рѣки Оби мѣстъ, въ плоскомъ, длиною до одной, шириною до половины версты, пригоркѣ, состоящемъ, какъ отъ поверхности видно, изъ желтоватаго плотнаго кварца и извѣстнаго чернаго камня, находятся, по объявленію крестьянина Федора Малетина, девять ямъ такихъ же, древняго народа, рудокопныхъ, изъ коихъ одна длиною до 35, шириною до 20, глубиною до 3-хъ саженъ, а прочія, оной поразмѣрности въ величинѣ, видятся длиною и шириною до 1 сажени, а по какой рудной породѣ оныя работаны, за заплывью, по низости мѣста, и отъ сгнитія растеній происходящей земли, а, затѣмъ, и выпали уже снѣги, доискаться и въ скорости развѣдать было не можно».

3) «Неможно безъ вниманія пропустить и сего, что между выше писанными копями, на луговомъ мѣстѣ, находятся тѣхъ древнихъ народовъ остатки жилищъ, состоящія нынѣ изъ не весьма высокихъ, въ немаломъ количествѣ, а всего квадратно до половины версты, параллельныхъ валовъ, имѣющихъ между собою не глубокіе рвы; а какъ они между собою отстоятъ не болѣе одной съ половиною сажени, то сліяніемъ представляютъ, при такомъ положеніи мѣста, садъ, а не иное какое зданіе».

4) «Къ верху же рѣки Оби, отъ онаго мѣста (сада) до шести верстъ, была у нихъ и крѣпостца четвероугольная, длиною на 80, шириною до 45 саж.. обнесенная отъ неприступной крутизны у вала съ трехъ сторонъ земляным валомъ и обыкновеннымъ рвомъ, произрастающимъ нынѣ и самыми уже столѣтними соснами, въ коихъ развалинахъ найдены употребляемые

тѣми народами каменное, до ½ фута длиною, орудіе, на подобіе долота или нѣкотораго рода сѣчьки, и мѣдная съ плоскимъ дномъ чашка, какъ изъ фигуры примѣтить можно, что оная была при богослуженіи ихъ лампадою или звонцомъ. А за всѣмъ тѣмъ, въ окрестности всѣхъ описанныхъ мѣстъ кладбищевъ мертвыхъ находится не мало».

5) «По объявленію пищика Петелина, отъ дер. Ключевой къ сѣверу въ одной верстѣ, древнихъ народовъ рудокопныя ямы, кои положеніемъ состоятъ въ плоской долинѣ, расположены длиною до 200, шириною до 85 саженъ; работаны мѣстами, перевалкою пустаго камня на выработанныя мѣста, а въ нѣкоторыхъ (мѣстахъ) и одинакими ямами, по разновидной охряной и темноцвѣтной желѣзной рудѣ, коей не токмо въ оныхъ довольно, но и въ лежащемъ отъ оныхъ копей къ полудню немаломъ болотѣ находится такового-жъ свойства, подъ самой кочковатой землей, не мало, а притомъ и въ западную сторону отъ тѣхъ же копей, какъ изъ звѣриныхъ выгребовъ и въ ямахъ промышляющихъ оныхъ (звѣрей) видно, лежитъ версты на 4, изъ коихъ (ямъ, копей) руды, по пробѣ въ здѣшней лабораторіи, оказали, изъ пуда, чугуна до 15 фунтовъ».

6) «По объявленію означеннаго пищика Петелина, въ признатомъ имъ, по теченію рѣки Оби ниже села Чингискаго, при рѣчкѣ Большемъ-Чингисѣ, за плотину древнихъ народовъ, мѣстѣ, по осмотрѣ и развѣдкѣ, оказалась не плотина заводская, но увалъ натуральный, наведенный чрезъ долговременность и измѣнность той рѣчки теченія, ибо съ одной стороны пришелъ лугъ, а съ другой же крутизна, сходящими къ рѣчкѣ мысами, а при томъ и рѣка Обь при вешнемъ разлитіи къ составленію сего подобія быть можетъ не послѣднею причиною (была)».

Прим. Въ описаніи этомъ слово «садъ», отнесенное къ паралельнымъ валамъ урочища 3-го, употреблено, надо полагать, не въ общераспространенномъ нынѣ смыслѣ искуственнаго древеснаго насажденія, а, можетъ быть, въ томъ же старо-русскомъ значеніи, въ какомъ принимается слово посадъ, что, однако, ждетъ болѣе компетентнаго подтвержденія, какъ и самое описаніе Головина.

Барнаулъ, 18 мая 1893 г.

Т. О. Чупинъ.

Мѣстности въ долинѣ р. Ангрена, интересныя въ археологическомъ отношеніи,

1) Кишлакъ Канджигалы (Ташкентскаго уѣзда, на правомъ берегу р. Ангрена, приблизительно верстахъ въ 25 отъ кишлака Той-тюбе, 2-й станціи отъ Ташкента по ходжентскому тракту).

Теченіемъ р. Ангрена нѣсколько ниже кишлака подмыло и обрушило берегъ. Въ образовавшемся ярѣ видны на разстояніи около сажени отъ поверхности земли слѣды строеній, имѣющихъ фундаментъ изъ обожженаго кирпича. Туземцами здѣсь были найдены золотыя и серебряныя монеты и другія вещи. Мнѣ удалось видѣть у одного туземца пряжку, повидимому,

греко-бактрійскую, изъ нефрита, очень изящной работы, съ крючкомъ въ видѣ головы орнаментическаго животнаго. Вся мѣстность около обвалившагося берега покрыта небольшими курганами, изъ которыхъ выглядываютъ кирпичи, черепки посуды, и попадаются обломки каменныхъ плитъ.

2) Айры-ташъ (верстахъ въ 3 отъ большого кишлака Теляу, на лѣвомъ берегу р. Ангрена, отъ кишлака Канджигалы вверхъ по теченію верстахъ въ 15).

Мѣстность Айры-ташъ расположена недалеко отъ горъ и верстахъ въ 2—3 отъ р. Ангрена. Здѣсь, какъ и въ кишлакѣ Канджигалы, идутъ цѣлые ряды неболѣшихъ кургановъ. Мѣстные туземцы усиленно раскапываютъ ихъ, въ особенности по ночамъ, и добытыя монеты и старинныя золотыя и серебрянныя вещи тотчасъ-же, не донося русской администраціи, переплавляютъ у мѣстныхъ ювелировъ на кольца, браслеты и т. п. Мнѣ разсказывали туземцы въ Теляу, что одинъ изъ нихъ, роя землю въ Айры-ташъ, нашелъ три корчаги (хум). Одна была наполнена землей (пепломъ?), другая дорогими камнями, а въ третьей были человѣческіе черепа. Туземцами въ Айры-ташъ и другихъ окружающихъ мѣстахъ было добыто въ разное время много мѣдныхъ, золотыхъ и серебряныхъ монетъ, мѣдные сосуды съ надписями, кольца, серги, браслеты и т. п. («Туркест. Вѣдом.» 1893).

Изъ поѣздки въ селеніе Мамаевку.

«Осмотрѣвъ холмъ «Караулъ-типя», мы отправились къ Мамаевкѣ. Дорога отъ этого холма шла по склону, ведущему въ долину. Чѣмъ болѣе приближались мы къ долинѣ, тѣмъ чаще замѣчались небольшіе холмики, которыми усѣяна, можно сказать, самая нижняя часть склона. До конца спуска въ долину отъ холма «Караулъ-типя» будетъ версты двѣ-три. При спускѣ въ долину видно, что нижній край склона искусственно срѣзанъ по кривой линіи и образуетъ небольшой гребень, болѣе замѣтный изъ долины. За этимъ незначительнымъ гребнемъ идетъ полукруглая выровненная полоса земли, окаймленная двойнымъ валомъ, вышиною въ сажень или немного болѣе. Валъ этотъ представляется двойнымъ, потому что по срединѣ его проходитъ канава, можетъ быть служившая арыкомъ для проведенія воды изъ Арыса. На восточной сторонѣ этого вала ясно видны концы его, между которыми находится свободный проходъ. Далѣе за валомъ снова идетъ широкая полоса выровненнаго пространства, примыкающаго къ третьему валу, окружающему почти правильнымъ кольцомъ огромный курганъ, извѣстный у киргизъ подъ названіями «Джуанъ-типя», т. е. толстый холмъ, или «Таякъ-салды», т. е. положилъ палку. Валъ, окружающій холмъ, неодинаковой ширины (отъ 15 до 20 саж.), имѣетъ неровную поверхность и противъ юго-восточнаго угла холма оставляетъ проходъ шириною въ 60—70 шаговъ. Вышина вала вслѣдствіе неравномѣрнаго его осѣданія неодинакова, но въ общемъ ее можно принять въ 3 сажени. Такимъ образомъ курганъ Джуанъ-типя (Таякъ-салды) заключенъ внутри двухъ искусственныхъ валовъ и трехъ широкихъ рвовъ между ними. Входы къ этимъ валамъ, открывающіеся къ востоку и юго-востоку, т. е. къ склону, спускающемуся въ долину Арыса,

наводятъ на мысль, что эти валы открывали сообщеніе со степью, среди которой на возвышенности склона находятся могилы и «Караулъ-типя». Находящійся внутри послѣдняго вала курганъ Джуанъ-типя (Таякъ-салды) имѣетъ форму почти правильной четырехъ-гранной усѣченной пирамиды, саженъ въ 8 высоты. При основаніи каждая сторона этой пирамиды имѣетъ саженъ 50, а въ верхнемъ сѣченіи 25. Сѣверо-восточная грань пирамиды, повидимому, нарочно сдѣлана болѣе отлогой для удобства подъема на верхъ пирамиды. Можетъ быть, имѣло особое значеніе и то, что подъемъ на пирамиду устроенъ не противъ входа внутрь вала. Холмъ несомнѣнно насыпной, какъ показываетъ и мѣстность, среди которой онъ стоитъ, и самая земля, весьма легко поддающаяся раскопкѣ. Особенною рыхлостью отличается земля на вершинѣ холма, гдѣ заступъ встрѣчаетъ незначительное сопротивленіе только при первомъ ударѣ, когда пробивается корка, отвердѣвшая отъ дождей и времени. Далѣе идетъ совершенно рыхлая земля сѣроватаго цвѣта. Можетъ быть, таково свойство солончаковаго грунта.

На поверхности этого холма межевщикъ Баронинъ отрылъ круглый глиняный столъ на трехъ ножкахъ и два тонкихъ (ручныхъ) жернова. Діаметръ стола $14\frac{3}{4}$, толщина крышки $\frac{3}{4}$, а общая высота стола $2\frac{1}{2}$ вершка. Круглый верхъ стола и ножки составляютъ одно цѣлое и сдѣланы довольно правильно. Ножки имѣютъ форму утолщенныхъ въ основаніи и закругленныхъ снизу столбиковъ, соединенныхъ съ крышкой нѣсколько наискось къ ея окружности. Въ двухъ ножкахъ, по бокамъ ихъ, вдавлены по четыре ямки, а въ одной ножкѣ пять ямокъ, въ которыя можно вложить пальцы руки и поднять столъ. Круглая крышка стола съ наружной стороны гладкая и сохранила въ нѣкоторыхъ мѣстахъ тонкій слой оранжевой окраски, а съ внутренней стороны, гдѣ крышка соединена съ ножками, поверхность ея на $\frac{1}{4}$ верш. вдавлена. Между ножками, но не на самой срединѣ крышки, ясно видно 15 узоровъ, полученныхъ отъ вдавленнаго въ глину клейма. Узоры эти представляютъ небольшіе квадратики, имѣющіе стороны въ $\frac{1}{2}$ вершка. Квадратики эти украшены крестообразной выпуклой фигурой, концы которой имѣютъ сходство съ лепестками овальной формы, а въ углахъ, образуемыхъ концами, находятся выпуклости въ видѣ шариковъ.

Г. Баронинъ разсказывалъ, что столъ этотъ онъ добылъ съ глубины $1\frac{1}{2}$ аршина, причемъ, роя землю, встрѣчалъ осколки глиняной посуды и человѣческія кости, а подъ самымъ столомъ имъ былъ замѣченъ слой истлѣвшей одежды. Современные туземцы обыкновенно говорятъ, что эти холмы принадлежатъ калмыкамъ или даже китайцамъ, но полагаться на показанія туземцевъ въ данномъ случаѣ нѣтъ основанія, потому что передаютъ они это со словъ дѣдовъ и отцовъ, а письменныхъ свидѣтельствъ у нихъ нѣтъ.

Близъ Мамаевки я разрылъ нѣсколько небольшихъ намогильныхъ холмовъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что это дѣйствительно н а м о г и л ь н и к и, а не что нибудь другое. Въ разрытыхъ мною могилахъ были найдены человѣческіе скелеты, уложенные по два и по четыре. Скелеты были обращены головою къ сѣверо-востоку и лицомъ кверху. У одного скелета ноги были подогнуты подъ прямымъ угломъ, а другіе скелеты лежали безъ опредѣлен-

наго порядка. Можетъ быть, въ этихъ могилахъ были похоронены умершіе одновременно, а можетъ быть, въ одной и той-же могилѣ хоронились покойники, умершіе въ разное время и затѣмъ засыпанные общимъ холмомъ. Въ нѣкоторыхъ могилахъ скелеты лежали не на одномъ уровнѣ, а въ различныхъ слояхъ грунта. Черепа своею формою несомнѣнно указываютъ на монгольское происхожденіе покойниковъ. Одинъ изъ добытыхъ мною череповъ представляетъ собою весьма любопытную аномалію: у этого черепа почти совершенно незамѣтно лба, а прямо за надбровными дугами идетъ повышеніе, постепенно расширяющееся къ затылку. При одномъ скелетѣ найдены мною двѣ мѣдныя сережки и нѣсколько мелкихъ бусинокъ, а при другомъ—обломки мѣднаго кружка съ выпуклой петелкой для прикрѣпленія къ одеждѣ. Во всѣхъ разрытыхъ могилахъ скелеты лежали или на слоѣ въ два вершка толщиною мелкой гальки, взятой, очевидно, изъ Арыса, или на черепкахъ разбитой глиняной посуды, которыми былъ выстланъ полъ могилы. Въ одной могилѣ полъ былъ выложенъ такими-же черепками, а сверху засыпанъ слоемъ гальки. Близъ одного скелета было найдено остроконечное точило изъ темносѣраго камня съ дырочкой въ толстой его части, вѣроятно, для привѣшиванія къ поясу, а надъ другимъ скелетомъ было найдено нѣсколько яицъ по величинѣ болѣе куриныхъ, но менѣе гусиныхъ, и имѣющихъ тонкую и синеватую скорлупу. По объясненію одного киргиза, это были яйца водящейся въ этихъ мѣстахъ драхвы (тудакъ). Ни въ одной могилѣ не было найдено ни одного кувшина и ни одной чашки тогда какъ близъ Ташкента въ каждой могилѣ были находимы мною и кувшины, и чашки. Всѣ скелеты лежали въ огороженномъ сырцовымъ кирпичемъ четырехъ-угольникѣ, засыпанномъ со всѣхъ сторонъ глиной. Такимъ образомъ могилы представляютъ собою невысокіе, вида опрокинутой чашки, холмы разнаго діаметра въ основаніи и не болѣе одной сажени вышины надъ склономъ, идущимъ въ долину. Могилы, расположенныя на верхней части склона, находятся въ большихъ разстояніяхъ одна отъ другой и имѣютъ большій діаметръ въ основаніи.

На валу въ двухъ мѣстахъ я встрѣтилъ на глубинѣ одной сажени круглыя ямы въ аршинъ діаметромъ, дно которыхъ было выложено черепками битой глиняной посудой, а сверху засыпано мелкой галькой. Какое назначеніе имѣли эти ямы, объяснить не могу. (Туркест. Вѣд.» 1893).

II. ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ.

Изъ быта мордвы деревни Дюрки Паранѣевской волости Алатырскаго у. Симбирской губ.

Самая богатая женская одежда слѣдующая: 1) сумань, вродѣ мужскаго кафтана, шьется изъ чернаго шерстяного сукна; кругомъ по таліи, а также воротникъ, рукава и правая пола отдѣлываются позументомъ, который покупается, 2) куртка-безрукавка, шьется изъ купленнаго синяго кумача; воротникъ, полы и подолъ отдѣлываются бѣлой мерлушкой, 3) шушпанъ вродѣ длинной женской рубашки; шьется изъ своего самаго тонкаго льняного холста; подолъ, а также грудь сверху до низу отдѣлывается позументомъ; кромѣ

того грудь и подолъ вышиваются еще шерстями красной, черной, зеленой и др.; широкій узоръ на груди называется «мещь-пельцъ», а на подолѣ «видеть», 4) запонъ, шьется вмѣстѣ съ рукавами изъ купленной «французской» матеріи, къ подолу его пришивается оборка; внизу онъ весь также отдѣлывается лентами разныхъ цвѣтовъ. Опоясываютъ его краснымъ кушакомъ (стаменъ-карксъ), 5) палагай, шьютъ также изъ своихъ матеріаловъ, изъ красныхъ и черныхъ шерстяныхъ нитокъ, сверху отдѣлываютъ его рядами бусами, пуговками, бисеромъ и тесьмой, 6) бѣлая рубашка, тоже шьется изъ тонкаго льняного холста; передъ сверху до низу, подолъ и рукава также вышиваются черной и красной шерстью.

Въ прежнее время, какъ говорятъ старики, женихъ нерѣдко былъ лѣтъ 12, 13-ти, а невѣста лѣтъ 20, 25-ти; въ настоящее время парней женятъ обыкновенной лѣтъ 18, 19-ти, а невѣста всегда бываетъ старше жениха, лѣтъ 20, 25-ти. Игрища дѣвочки начинаютъ водить лѣтъ съ 15-ти; большею частію бываетъ такъ, что съ кѣмъ играетъ, за того и выходитъ замужъ.

Отцовская родня называется общимъ именемъ тятень-родня, а материна—авань-родня; внучаты материнаго отца называютъ вечка-дѣдай, а мать—вечка-бабай; стариннную родню, т. е. дѣдовъ и прадѣдовъ, называютъ кезарень-родня.

Обрядовъ при усыновленіи чужаго ребенка никакихъ не бываетъ, кромѣ развѣ того, что родныхъ ребенка подчуютъ виномъ. Если когда у мордвовъ захварываетъ ребенокъ, то его притворно продаютъ прохожему человѣку или подаютъ въ окошко нищему, а онъ вноситъ его назадъ въ дверь, за что какъ первый, такъ и второй получаетъ кусокъ холста, или денегъ; это дѣлаетъ мать больнаго ребенка. Дѣти, прижитыя дочерью до замужества, называются тейтереней-эйкашъ.

Зять принятый въ домъ называется содамо-совавтэнъ.

Сватьба. Лѣтъ 20, 25-ть тому назадъ браки у мордвы совершались большею частію по волѣ однихъ родителей; женихъ и невѣста часто до самаго брака и не видали другъ другъ, въ особенности, когда крали невѣстъ изъ чужаго села. Бывало, какъ разсказываютъ жители, родители жениха, гдѣ нибудь въ ближнемъ селѣ запримѣтятъ дѣвицу, соберутъ своихъ родныхъ односельцевъ, или знакомыхъ, нѣсколько человѣкъ мужиковъ, вооружатся дубинами на случай нападенія со противной стороны и ѣдутъ въ это село красть невѣсту. Подкарауливъ её гдѣ нибудь, хватаютъ, сажаютъ въ сани, или телегу и везутъ прямо въ церковь. Если въ это время увидятъ жители или родные съ невѣстиной стороны, то выбѣгаютъ отбивать невѣсту и между ними завязывается драка, которая обыкновенно кончается тѣмъ, что невѣсту все-таки увозятъ. Невѣста при этомъ всѣми силами старается вырваться, но ее держатъ и растрепанную привозятъ прямо къ церкви, такъ какъ они впередъ, еще до кражи невѣсты, увѣдомляютъ церковно-служителей, что ѣдутъ красть невѣсту; здѣсь ее сначала уговариваютъ, а потомъ вѣнчаютъ, часто даже не смотря на ея несогласіе. Едва только успѣютъ обвѣнчать, какъ съ невѣстиной стороны катитъ погоня, и тутъ-же у церкви происходитъ между обѣими сторонами драка, но видя что теперь подѣлать ужъ ничего нельзя, мало по

малу мирятся и ѣдутъ гулять на свадьбу. Красть невѣстъ здѣсь перестали не болѣе лѣтъ 20-ти тому назадъ.

Въ настоящее же время браки у мордвы совершаются большею частію съ согласія жениха и невѣсты.

Наканунѣ сватьбы къ невѣстѣ сходятся родные и несутъ ей кто каши горшокъ, кто лепешекъ; послѣднія она прячетъ въ коробью, а кашей подчуетъ родныхъ и дѣвицъ. Когда дѣвицы наѣдятся, то невѣста берётъ полштофъ вина, каравай хлѣба и ѣдетъ съ ними нанимать «урвалянь-кудо», т. е. квартиру, на ней невѣста находится въ то время, когда за ней пріѣзжаетъ поѣздъ. У жениха-же наканунѣ сватьбы готовятъ «лувонь-кше», т. е. пирогъ. Пирогъ этотъ мѣсятъ прѣсный, кладутъ въ него десять разныхъ начинокъ: луку, каши и т. п. тѣсто всегда одинадцатое, на верху пирога изъ тѣста-же прикрѣпляютъ два голубя, означающихъ жениха съ невѣстой, и посыпаютъ макомъ, который дѣйствуетъ, какъ они думаютъ, отъ порчи. Затѣмъ приводятъ въ избу «жеребца», т. е. бабу ряженую въ оброть и колокольчики; другая баба за поводъ подводитъ жеребца къ столу, къ пирогу, подносятъ ему вина и онъ изо рта спрыскиваетъ виномъ пирогъ, который ставятъ въ печь, а жеребецъ начинаетъ лягать всѣхъ тутъ находящихся; жеребцомъ обыкновенно наряжаютъ самыхъ бойкихъ бабъ. Когда пирогъ испечется, то его украшаютъ разныхъ цвѣтовъ бумажками и лентами, а на верху ставятъ на пирогъ наряженную сосенку, съ которой «кудава», т. е. сваха, послѣ ѣдетъ въ церковь; потомъ пирогъ кладутъ на доску и четыре женщины за углы доски выносятъ его съ пѣснями и пляской въ амбаръ. Женихъ впрягаетъ пару лошадей и ѣдетъ за «кудавой»; она привозитъ дѣвицамъ невѣсты сдобныхъ «орѣщковъ», одѣляетъ ими дѣвицъ и начинаетъ пѣть: «Невте-ка лувонь-кше, моненъ-вискшъ аволь-уль» и т. д. Потомъ собираютъ поѣзжанъ, всегда нечетъ, поятъ ихъ виномъ, кормятъ обѣдомъ и потомъ они ѣдутъ запрягать для поѣзда лошадей. Поѣздъ отправляется къ невѣстѣ рано поутру въ день свадьбы; въ немъ находятся близкіе родные, кромѣ отца и матери, покшъ-куда (дружка) и кудава (сваха). Когда поѣздъ пріѣзжаетъ къ невѣстѣ, то послѣдней дома не бываетъ, а находится она на квартирѣ; сюда по пріѣздѣ приходятъ сваха и дружка съ пирогомъ и караваемъ хлѣба, имъ собираютъ обѣдъ и они уходятъ; потомъ пріѣзжаютъ сюда братья ея на своихъ лошадяхъ, сажаютъ ее на сани и возятъ по всему селу; ѣдетъ невѣста стоя, плачетъ и со всѣми прощается; затѣмъ братья ее привозятъ домой, снимаютъ съ саней и сажаютъ на подушку и за углы подушки вносятъ въ избу, въ косякахъ двери она упирается, но кое-какъ её проталкиваютъ. Въ избѣ невѣста начинаетъ плакать и клясти жениха; сваха начинаетъ пѣть: «Лись сто-лекше, сейке дѣть, пекъ пурдыкь» и т. д. Потомъ женихъ вылѣзаетъ изъ за стола, берётъ невѣсту за руку и встаетъ рядомъ; невѣстина-же родня начинаетъ дарить платками всѣхъ поѣзжанъ, а они на тарелку кладутъ коп. 2 отдарья. Послѣ этого жениха и невѣсту родители послѣдней благословляютъ, а потомъ садятся на лошадей, женихъ вмѣстѣ съ невѣстой; женихъ правитъ лошадьми, а невѣста стоитъ; въ это-же время кто-либо изъ родныхъ, близкихъ невѣсты запираетъ ворота; дружка даетъ денегъ и ворота отпираютъ; потомъ онъ-же три раза съ образомъ обходитъ вокругъ поѣзда и ѣдутъ въ церковь.

Покойниковъ въ прежнее время хоронили въ колодахъ, на которыхъ по бокамъ дѣлали четыре окошечка: по два съ каждой стороны; окошечки по ихъ понятіямъ они дѣлали для того, чтобы на томъ свѣтѣ покойникъ жилъ домомъ. Въ настоящее же время гроба (домовище) дѣлаютъ изъ досокъ, по бокамъ гроба чертятъ чѣмъ либо острымъ на подобіе окошекъ, но въ гробъ, кромѣ подушки съ вѣничными листьями, ничего не кладутъ. Могилы въ старину рыли и теперь роятъ на сажень глубины, а сверху дѣлаютъ высокую насыпь; носилки, на которыхъ несутъ покойника, также зарываютъ въ землю; въ прежнее время, какъ говорятъ старики, въ нѣкоторыя могилы опускали срубъ, дѣлали могилу на подобіе дома; покойника клали и теперь кладутъ головой къ востоку. Скоропостижно умершимъ и покойникамъ и теперь еще мордва приписываетъ бездождіе; ихъ они обыкновенно ночью тайкомъ вырываютъ изъ могилъ, подрѣзываютъ имъ пятки, «въ заднюю часть» втыкаютъ осиновый колъ и бросаютъ ихъ въ рѣку или куда-нибудь въ оврагъ; дѣлаютъ это, конечно, не родня покойника. Въ старину у мордвы могилы устраивались на возвышенныхъ мѣстахъ, и теперь на нѣкоторыхъ изъ нихъ цѣлы еще молебныя березы.

Молянъ. Во время бездождія въ описываемой деревнѣ въ прежнее время въ четвергъ на Троицкой недѣлѣ въ полѣ устраивался молянъ, подъ названьемъ «буканъ озномъ-анги». Устраивался онъ слѣдующимъ образомъ: недѣли за три до моляна жители всѣмъ миромъ покупали быка и, чтобъ онъ разжирѣлъ, пасли его по полямъ. Въ самый день моляна украшали рога его лентами и вели на мѣсто моляна. Народъ же къ этому дню варитъ пива, браги, стряпаетъ какъ къ празднику, и мужики со всѣмъ этимъ идутъ въ поле. Затѣмъ нѣсколько человѣкъ вдовцовъ отдѣлялись отъ нихъ, связывали быка веревкой, поливали водой и начинали сдирать съ живаго быка кожу. Онъ конечно, ревѣлъ а народъ весь падалъ на колѣна и молился, просилъ быка умереть за народъ и при этомъ говорилъ: «Пазъ кулценекъ буканъ вайгель» (услыши, Господи, бычачій голосъ), или «Пазъ максыкъ пиземе» (дай намъ дождя). Затѣмъ этого быка разрубали на части и варили тутъ же въ полѣ въ котлахъ. Послѣ этого начиналось гулянье: ѣли мясо, пили вино, брагу. На молянахъ этихъ присутствовали только одни мужики. Въ настоящее время на мѣстѣ прежняго моляна стоитъ часовня и вырытъ колодезь; на него ходитъ мордва во время бездождія съ образами. Лицомъ крестьяне во время моляна всѣ обращались на полдень, а кости животнаго всѣ зарывали тутъ же и дѣлали надъ ними насыпь. Огонь для разведенія костра добывали треніемъ.

Деревня Дюрки расположена рядомъ съ русскимъ селомъ Монадышами. Мужики всѣ умѣютъ говорить по русски, только говорятъ ломаннымъ языкомъ, бабы же нѣкоторыя говорятъ по русски хотя плохо, а другія и вовсе не умѣютъ. Дѣти ихъ тоже нѣкоторыя умѣютъ говорить по русски, а другія вовсе нѣтъ. Это бываетъ оттого, что женщины и дѣти мало сообщаются съ русскими, а мужики ходятъ иногда въ село на общій сходъ, на заработки на сторону или въ солдаты. Дѣвушки и женщины впрочемъ поютъ иногда русскія пѣсни всѣ однимъ голосомъ и сильно при этомъ ломаютъ русскія слова. Есть впрочемъ у мордвовъ въ настоящее время стремленіе жить по рус-

ски, такъ напримѣръ, они заводятъ самовары, а у которыхъ нѣтъ ихъ то кипятятъ воду въ чугунахъ; дѣлаютъ въ домахъ особенныя чистыя комнаты, нѣкоторые обиваютъ ихъ даже обоями; начинаютъ заводить одежду, похожую на русскую и даже роднятся съ русскими. Нѣкоторые богатые жители берутъ русскихъ женъ и платятъ большую кладку, рублей до 80-ти деньгами, виномъ и одежой. Русскіе жители ходятъ къ мордвамъ и мордва къ русскимъ, но только взрослые, а парни и дѣвицы вовсе мало сообщаются. На игрища другъ къ другу не ходятъ. Бываютъ случаи что и русскіе берутъ женъ у мордвовъ, но въ рѣдкихъ случаяхъ. Во время волостныхъ сходовъ русскіе и мордва пользуются одинаковыми правами, но всетаки идутъ въ своихъ мнѣніяхъ за инородческимъ большинствомъ. Въ волостные судьи и старшины попадаютъ тѣ и другіе; судятъ же какъ тѣ, такъ и другіе безпристрастно.

С. Иванцевъ.

Библіографія.

Этнографическое обозрѣніе. 1893. Кн. I, II.

Изъ статей помѣщенныхъ въ двухъ первыхъ №№ «Э. О.» къ этнографіи В. Россіи относятся «Салары» Ѳ. Пояркова и В. Ладыгина, «Тема объ усѣченной головѣ въ степи «Г. Н. Потанина «Киргизская легенда о веретенѣ, превратившемся въ гору» (№ 1), «Сахалинскіе Гиляки» Л. Штернберга и «Повѣсть о Басаргѣ« Г. Н. Потанина (№ 2). Г. г. Пояркова и Ладыгинъ предлагаютъ въ своей статьѣ данныя по этнографіи маленькаго племени, заброшеннаго въ горахъ китайской провинціи Ханьсу. Интересъ, который возбуждаетъ это племя у этнографовъ, обусловливается тѣмъ, что Салары считаются потомками Уйгуровъ, населявшихъ нѣкогда прибайкальскій край и прилегающія мѣстности Монголіи. Г. Ладыгинъ записалъ нѣкоторое количество саларскихъ словъ и пришелъ на основаніи ихъ къ убѣжденію, что Салары, несомнѣнно, тюркское племя. Изъ свѣдѣній о бытѣ саларовъ заслуживаютъ особеннаго вниманія данныя, рисующія роль ахуновъ. Семьи саларовъ построены на патріархальномъ началѣ: отецъ имѣетъ право убить непокорнаго сына, мужъ невѣрную или непослушную жену (въ послѣднемъ случаѣ впрочемъ онъ даетъ небольшое вознагражденіе ея родителямъ); жена, убившая мужа, по приговору ахуновъ сбрасывается въ рѣку; тотъ-же приговоръ ждетъ ее, если она неоднократно была уличена въ прелюбодѣяніи и мужъ отдалъ ее на судъ ахуновъ. Живо и стройно написанный очеркъ г. Штернберга о Гилякахъ представляютъ собою цѣнное дополненіе къ существующей небогатой литературѣ объ этомъ племени. Въ построеніи очерка видна печать школы, которая начинаетъ вырабатываться въ Москвѣ, не взирая на то, что этнографія не имѣетъ еще у насъ оффиціальнаго признанія и мѣста въ ряду предметовъ университетскаго преподаванія. Характерной особенностью школы является преобладающій интересъ къ общественнымъ отношеніямъ и ихъ эволюціи.

Какъ и всѣ русскіе этнографы, г. Штернберъ сравнительно мало обращаетъ вниманія на внѣшній бытъ народа—на его постройки, костюмъ, орудія труда. Область «матеріальной этнографіи», въ которой съ такимъ успѣхомъ работаютъ нѣмецкіе и скандинавскіе этнографы только въ самое послѣднее

время начинаетъ привлекать наше вниманіе—и то главнымъ образомъ подъ вліяніемъ запросовъ, которые возникаютъ со стороны развивающейся археологіи. Съ этой стороны подходитъ къ внѣшнему быту гиляковъ и г. Штернбергъ. Говоря о той ступени, на которой остановилось самостоятельное творчество гиляковъ, г. Штернбергъ пользуется преданіями и переживаніями въ обрядахъ: онъ отмѣчаетъ первобытный способъ добыванія огня (треніемъ) при сожиганіи умершихъ, преданія о временахъ, когда воду кипятили въ деревянныхъ корытахъ, бросая туда раскаленные камни, и обмазывали глиной деревянную посуду, чтобы имѣть возможность варить въ ней пищу (за неумѣніемъ приготовлять глиняную посуду). Но жилища г. Штернбергъ касается только съ точки зрѣнія тѣхъ юридическихъ отношеній, которыя имѣютъ мѣсто между его обителями и почти ничего не говоритъ о его формѣ и устройствѣ.

Семейно-общественныя отношенія г. Штернбергъ, какъ и слѣдуетъ, обрисовываетъ, исходя изъ мысли, что въ современномъ строѣ этихъ отношеній можно найдти слѣды былыхъ, пережитыхъ ступеней развитія. Анализируя номенклатуру общественныхъ отношеній и различные обряды, онъ приходитъ къ заключенію, что современному индивидуальному браку предшествовалъ родовой бракъ, формы котораго приближаются къ т. н. «Punulua-family» (навх=punulua=компаньонъ, пайщикъ), Гилякъ употребляетъ одно и тоже слово для обозначенія отца, его братьевъ и мужей сестеръ своей матери; матери, женъ братьевъ отца, сестеръ своей матери. Этой терминологіи соотвѣтствуютъ переживанія стараго строя: «и теперь каждый гиляк имѣетъ супружескія права на женъ своихъ братьевъ всѣхъ степеней родства и на сестеръ своей жены». Попутно съ характеристикой современныхъ родовыхъ отношеній авторъ разъясняетъ смыслъ «праздника медвѣдя»: это родовой праздникъ въ честь лѣшаго (паль-нивух) и медвѣдь является въ немъ жертвой, а не чествуемымъ божествомъ. Въ главѣ, посвященной религіознымъ вѣрованіямъ, г. Штернбергъ отмѣчаетъ антропоморфизмъ гиляцкихъ представленій о божествѣ: каждая стихія, каждый элементъ природы имѣетъ своего «хозяина» (кур-нивухъ), который оказывается совершенымъ гиляком по виду. Какъ сами гиляки, эти кур-нивухи плодятся и у м и р а ю т ъ. Жертвы гиляковъ имѣютъ ту особенность, что онѣ не должны состоять изъ тѣхъ предметовъ, з а к о т о р ы е приносятся. Усопшіе у гиляковъ сожигаются, но можно думать, что раньше покойникъ оставлялся въ той юртѣ, въ которой умеръ, и семья перебиралась въ новое жилье. На это намекаютъ нѣкоторыя особенности погребальнаго обряда: утопленика сожигаютъ на берегу моря, но семья строитъ себѣ новую юрту; въ миніатюрной юртѣ помѣщается вообще прахъ сожженаго и рядомъ жертвенныя приношенія; задавленный медвѣдемъ погребается вмѣстѣ съ трупомъ этого послѣдняго въ обширномъ балаганѣ съ небольшими отверстіями для помѣщенія корытцевъ съ жертвоприношеніями.

Въ главѣ «юридическій бытъ» особеннаго вниманія заслуживаетъ характеристика гиляцкихъ воззрѣній на собственность. Гиляки крайне строги въ своихъ правахъ на тѣ рѣчки, по которымъ они ставятъ свои петли и ло-

вушки. Всѣ рѣчки территоріи селенія распредѣлены разъ навсегда между семьями того рода, который впервые поселился близь этихъ рѣчекъ и пользовался ими, и эти рѣчки, ихъ притоки и отдѣльныя протяженія ихъ переходятъ по наслѣдству... Это отношеніе гиляковъ къ рѣчкамъ слѣдуетъ имѣть въ виду, какъ аналогію, при изслѣдованіи быта тѣхъ народцевъ, на территоріи которыхъ встрѣчаются названія текучихъ водъ составленныя изъ нарицательнаго имени «рѣка» съ личными именами.

Труды Рязанской Архивной Коммиссіи. Т. VII, № 9. 1892. Дневникъ раскопокъ Борковскаго могильника. Рязань. 1893.

Въ 9 № «Трудовъ» помѣщенъ отчетъ за 1892 г., который заключаетъ въ себѣ нѣсколько интересныхъ данныхъ относительно изслѣдованія мѣстныхъ древностей. Въ отчетномъ году произведены были обстоятельныя раскопки могильника при дер. Боркахъ въ 2-хъ верстахъ отъ Рязани. Разрыто было 111 могилъ, изъ которыхъ добыто 1300 №№ разнообразныхъ предметовъ. Резюмируя результаты этихъ раскопокъ, составитель отчета заключаетъ: «могильникъ по способу погребенія и найденныхъ (sic!) въ нихъ предметовъ (sic!) принадлежитъ къ одному типу съ могильникомъ Курманскимъ... Старо-Рязанскимъ». На основаніи сопоставленія добытыхъ здѣсь вещей съ найденными въ другихъ мѣстахъ авторъ отчета устанавливаетъ «родственные признаки населенія (sic!) Борковскаго могильника съ нѣкоторыми литовскими, западнославянскими, а также съ катакомбнымъ могильникомъ что въ Осетіи, изслѣдованнымъ проф. Самоквасовымъ». «Есть также, читаемъ мы далѣе, признаки общіе съ могильниками Тамбовской губерніи, изслѣдованными Спицынымъ». «Что касается времени, къ которому относится могильникъ, то его можно пріурочивать къ двумъ эпохамъ: древнѣйшей, можетъ быть съ VI в. и позднѣйшей—VIII—IX». Изъ «Дневника раскопокъ» не видно однако, чѣмъ руководствовался въ своихъ соображеніяхъ относительно времени происхожденія могилъ авторъ отчета.

Ни отчетъ, ни дневникъ не даютъ никакихъ выводовъ, къ которымъ могло-бы привести изслѣдованіе обширной площади съ 111 могилами и остатками глинобитныхъ печей. Читатель самъ долженъ резюмировать впечатлѣнія, оставшіяся у него послѣ прочтенія того и другого. Позволяя себѣ подобную попытку, мы считаемъ необходимымъ прежде всего обратить вниманіе читателей на то, что площадь могильника такъ или иначе утилизировалась человѣкомъ въ теченіе очень продолжительнаго времени. На глубинѣ 3-хъ вершковъ изслѣдователи обнаружили почвенный слой темнаго цвѣта (толщиной отъ 6 до 16 верш.), въ которомъ оказалось значительное количество черепковъ и мелкихъ углей и рядомъ различныя находки. Въ числѣ находокъ на площади могильника упоминаются кремневыя и костяныя орудія (скребки, стрѣлы, ножи, иглы, шила), которыя отсутствуютъ въ могилахъ. Рядомъ съ ними на различной глубинѣ встрѣчались предметы позднѣйшихъ эпохъ, начиная отъ бронзовыхъ украшеній того-же типа, что и въ могилахъ, и кончая

желѣзными ножницами совсѣмъ уже не далекаго отъ насъ времени. Въ этомъ же слоѣ изслѣдователи встрѣтили остатки глинобитныхъ печей; въ однихъ случаяхъ это были только основанія ихъ, въ другихъ стѣнки и своды. Сравнительно позднее происхожденіе ихъ очевидно изъ того, что они находились на поверхности слоя, который на глубинѣ отъ 10 верш. до 2 арш. заключалъ въ себѣ слѣды пребыванія человѣка—черепки горшковъ, кости рыбъ и животныхъ (№ 10—стр. 4, № 100—стр. 22) и встрѣчаются спорадически среди могилъ. Допустить, что эти печи современны могильнику трудно; кладбище достояніе мертвыхъ и живые стараются всюду держаться отъ нихъ въ отдаленіи.

Кромѣ остатковъ печей на площади могильника обнаружены кострища различныхъ размѣровъ. О времени, къ которому относятся онѣ, можно судить по тому, что въ нихъ были найдены раковины cyrtea monela, каменныя бусы, кремневыя стрѣлки и ножи, костяныя орудія, и мелкія бронзовыя вещицы; всѣ перечисленные предметы, конечно, не бросались въ огонь, а находились въ той почвѣ, на которой онъ разводился; стало быть, костры относятся уже къ значительно позднѣйшему времени и для характеристики погребальнаго обряда не могутъ имѣть значенія. Изъ того обстоятельства, что на площади могильника обнаружены были пространства, наполненныя углями, шлаками, костями и черепками, можно заключать, что площадь могильника была позднѣе занята поселкомъ, который погибъ отъ пожара.

Для опредѣленія народности, которой могъ принадлежать могильникъ, матеріалами могутъ служить погребальный обрядъ и предметы бытовой обстановки. Изслѣдователи, какъ въ Лядинскомъ могильникѣ, отмѣчаютъ два способа погребенія: трупосожженіе и собственно погребеніе; какъ и въ Лядинскомъ, трупосожженіе представляетъ сравнительно рѣдкое явленіе (9: 111). О томъ, какъ оно производилось, по даннымъ «Дневника» нельзя составить понятія: здѣсь констатируется только то, что въ нѣкоторыхъ могилахъ находимы были жженыя кости. Что касается погребенія, то есть основанія думать, что трупъ опускался въ могилу завернутый въ бересту: въ одной могилѣ это совершенно ясно, въ большей части береста уцѣлѣла при металлическихъ украшеніяхъ (авторы дневника думаютъ, что въ уцѣлѣвшіе куски бересты, или луба, какъ они обыкновенно говорятъ, украшенія были завернуты). Относительно положенія тѣла въ могилѣ опредѣленнаго порядка не замѣчается: головы обращены и на СЗ. и на СВ, лицемъ обращены и въ верхъ или позернуты. Горшки встрѣчаются и въ головахъ и въ ногахъ. Что касается до бытовыхъ указаній, то они довольно содержательны.

Значительное разнообразіе оружія, встрѣчающагося при костякахъ говоритъ за то, что могильникъ принадлежалъ воинственному племени: тутъ встрѣчаются мечи, копья, дротики, ножи, боевые топоры—рѣже стрѣлы. Въ костюмѣ заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что мужчины носили на шеѣ гривны, а на рукахъ браслеты; при отдѣльныхъ скелетахъ были обнаружены въ небольшомъ количествѣ бусы (?). Какой народности принадлежалъ могильникъ? Если при отвѣтѣ на этотъ вопросъ руководствоваться принадлежностями костюма, то мы не имѣемъ основанія исключать изъ числа на-

родностей, которымъ могъ принадлежать могильникъ и древнѣйшее русско-славянское населеніе княжества: гривны и обручи носили русскіе знатные люди и богатые люди уже въ историческую пору.

Интересную новость въ области археологіи Рязанскаго края представляетъ собой извѣстіе, что близь с. Пальнаго не подалеку отъ Оки въ 35 верстахъ отъ Рязани работами по сооруженію Ряз. Каз. жел. дороги обнаруженъ могильникъ, содержаніе котораго представляется тождественнымъ съ содержаніемъ Курманскаго и Борковскаго могильниковъ.

Отчетъ Императорской Археологической Коммиссіи за 1890. Спб. 1892.

Въ отчетѣ за 1890 г. мы находимъ рядъ сообщеній о раскопкахъ въ В. Россіи: Н. П. Лихачева близь Казани, А. В. Адріанова близь села Новоселова въ Минусинскомъ округѣ и въ Уйбатской степи, г. Пантусова въ Семирѣченской области, г. Каля въ Сыръ-Дарьинской. Г. Лихачевъ не нашелъ ничего на холмѣ, гдѣ весной этого года было случайно обнаружено два погребенія съ вещами т. н. чудскаго типа. Раскопки г. Адріанова дали болѣе удовлетворительные результаты. Въ одномъ изъ кургановъ Новоселова онъ нашелъ при костякѣ неполной сохранности мѣдный ножъ, мѣдную булавку, полусферическую мѣдную бляху и каменную бусу, надѣтую на тонкую мѣдную трубочку. Въ Уйбатской степи г. Адріановъ остановилъ свое вниманіе на могильникѣ Чаа-Таасъ. Въ западной части этого могильника находится большой курганъ, раскопкой котораго г. Клеменцъ занимался въ теченіе двухъ лѣтнихъ экскурсій. Раскопка показала, что курганъ расхищенъ и изслѣдователю пришлось удовольствоваться возстановленіемъ погребальнаго обряда. Обрядъ этотъ представляется г. Клеменцу въ слѣдующемъ видѣ: «въ материкѣ была выкопана глубокая яма $3^1/_3$ и $2^1/_2$ саж. въ основаніи, дно ея выстлано обрубками дерева и прикрыто берестой, на которую было поставлено нѣсколько гробовъ изъ плитъ, а вблизи помѣщено нѣсколько другихъ человѣческихъ труповъ... Сверху трупы были прикрыты берестой, хворостомъ... а надъ всѣмъ этимъ была раскинута огромная берестяная юрта, опиравшаяся на столбы и подпорки и имѣвшая два купола. Береста залегала слоемъ около фута толщины.... Между куполами найдена полоса мелкаго угля и рыхлой обуглившейся земли... Могила въ какой-то моментъ погребенія была зажжена и огонь отъ нея проникъ почти во всѣ части насыпи... На одномъ изъ склоновъ юрты обнаружены остатки костра, состоявшаго изъ ряда полѣньевъ, сложенныхъ въ клѣтку, и покрытаго берестой. Здѣсь между углями попадались листочки золота, остатки отъ сгорѣвшихъ вещей...» Къ характернымъ особенностямъ погребальнаго ритуала слѣдуетъ отнести еще глиняныя маски, которыя въ сыромъ видѣ накладывались на трупъ. Г. Клеменцу попалась нижняя часть такой маски съ остатками нижней челюсти.

Погребальный обрядъ—въ томъ видѣ, какъ онъ возстановляется г. Клеменцемъ—очень интересенъ и можно пожелать, чтобы Коммиссія поскорѣе выпустила подробный отчетъ изслѣдователя, изъ котораго видны будутъ

основанія его реставраціи. Раскопки г. Каля вызваны были обильными находками, которыми сопровождались самовольныя раскопки киргизовъ въ Ауліеатинскомъ уѣздѣ на Ю. склонѣ Малаго Бурула. Г. Каль констатировалъ присутствіе здѣсь обширнаго кладбища и собралъ свѣдѣнія о добытыхъ съ него вещахъ—ожерельяхъ и украшеніяхъ изъ золота и серебра, оружіи, мѣдныхъ поясныхъ бляхахъ, зеркалахъ, чашахъ, блюдахъ. Собственныя раскопки его дали, однако, отрицательные результаты. Никакихъ находокъ не было найдено и при обслѣдованіи одной изъ башенъ, разбросанныхъ по возвышеннымъ точкамъ Бурула. Раскопки одного кургана въ мѣстности Джиты—типа показали, что этотъ курганъ былъ уже ранѣе разграбленъ.

Профессоръ В. А. Жуковскій изслѣдовалъ въ отчетномъ году развалины Стараго Мерва и другія интересныя въ историко-археологическомъ отношеніи мѣстности края. Могильниковъ древняго населенія края ему изслѣдовать не пришлось, но ему удалось пріобрѣсти нѣсколько бронзовыхъ предметовъ (наконечникъ копья, кольцо изъ согнутой спиралью проволоки, 4 плоскіе наконечника стрѣлъ), добытыхъ изъ могилы съ урочища «Гяур-Кабристари» («кладбище невѣрныхъ»): вещи найдены были при покойникѣ, который находился въ сидячемъ положеніи въ могилѣ, которая была прикрыта громадной плитой.

Въ отчетѣ за 1889 г. помѣщены извѣстія о раскопкахъ проф. Петри въ Тургайской области и въ Оренбургской губерніи, Пантусова въ Семирѣчьи и Д. А. Клеменца и А. В. Адріанова въ Сибири (1-й по Уйбату, 2-й въ окрестностяхъ Томска).

Изслѣдованный г. Адріановымъ и С. К. Кузнецовымъ Томскій могильникъ представляетъ по своему содержанію значительный интересъ: здѣсь оказалось весьма значительное количество бронзовыхъ орудій и украшеній. Къ сожалѣнію на два существеннѣйшихъ вопроса, которые ставитъ археологъ при изслѣдованіи могильника—о формѣ погребенія и значеніи находящихся при костякѣ вещей—Томскія могилы не даютъ отвѣта. На всей площади могильника не оказалось ни одного цѣльнаго скелета, кости и вещи перемѣшаны и сдвинуты съ своихъ мѣстъ постепеннымъ оползаніемъ слоя, въ которомъ производилось погребеніе. Г. Адріановъ дѣлаетъ, впрочемъ, нѣсколько догадокъ на этотъ счетъ. Костяки по его мнѣнію, лежали въ направленіи съ Ю. (гол.) на С. (ноги): такое заключеніе онъ дѣлаетъ изъ положенія ногъ въ тѣхъ могилахъ, гдѣ онѣ лежали параллельно и гдѣ въ одномъ направленіи съ ними лежали копья, кинжалы и пр. Рядомъ съ погребеніемъ трупа на могильникѣ имѣло мѣсто и трупосожженіе: г. Адріанову встрѣчались кострища съ лежащими на нихъ костями лошади или отдѣльными костями и другихъ животныхъ. Это послѣднее соображеніе намъ кажется нѣсколько рискованнымъ. Жженыя кости животныхъ при отсутствіи таковыхъ-же человѣческихъ не могутъ служить достаточными доказательствами трупосожженія: онѣ могли явиться остаткомъ поминальныхъ жертвоприношеній и въ этомъ отношеніи заслуживаютъ вниманія изслѣдователя; жертва указываетъ на культуру народа и до извѣстной степени на его этнографическія отноше-

нія: могильникъ могъ скорѣе принадлежать одному изъ кочевыхъ тюркскихъ племенъ, чѣмъ звѣроловамъ-финнамъ.

Что касается вещей, добытыхъ на могильникѣ, то онѣ по матеріалу дѣлятся на три крупныя категоріи: 1) каменныя, 2) бронзовыя и 3) желѣзныя. Каменныя орудія найдены отдѣльно отъ бронзовыхъ группами и кучками прямо на материкѣ; бронзовыя при скелетахъ; желѣзныя за предѣлами главнаго мѣста погребенія вмѣстѣ съ бронзовыми бляхами и идолами чудскаго типа. Редакція отчета не безъ основанія предполагаетъ, что всѣ эти три категоріи относятся къ разнымъ эпохамъ. Положеніе каменныхъ орудій на территоріи могильника позволяетъ сдѣлать догадку, что они представляютъ собою остатокъ столь обычнаго у инородцевъ Восточной Россіи надземнаго погребенія. Желѣзныя вещи могли принадлежать чудской культурѣ. Въ 1889 г. Адріановъ производилъ изслѣдованіе маленькаго городища на правомъ берегу Томи неподалеку отъ могильника. На этомъ городищѣ ему удалось обнаружить трупосожженіе. Судя по незначительной глубинѣ, на которой былъ обнаруженъ обуглившійся костякъ, (25 ст.), нужно думать, что трупъ сожигался на поверхности и не забрасывался послѣ сожиганія землей. При другихъ костякахъ г. Адріановъ находилъ костяныя стрѣлки и желѣзныя орудія. Редакція отчета совершенно основательно относитъ эти погребенія къ позднѣйшей эпохѣ. Изъ бронзовыхъ орудій былъ найденъ здѣсь кельтъ, но внѣ связи съ обнаруженными костяками.

Матеріалы для статистики Вятской губерніи. Ч. VII. Сарапульскій уѣздъ. Вятка. 1892.

Посвященные Сарапульскому и Глазовскому уѣздамъ VII и VIII тт. «Матеріаловъ по статистикѣ Вятской губерніи» заключаютъ въ себѣ, подобно предшествовавшимъ томамъ, рядъ цѣнныхъ данныхъ, которыми можетъ воспользоваться этнографъ и археологъ. Статистическія свѣдѣнія относительно отдѣльныхъ деревень заключаютъ въ себѣ, рядомъ съ экономическими указаніями, указанія на этнографическій составъ населенія, на числовое отношеніе въ смѣшанныхъ селеніяхъ. Эти указанія даютъ картину распредѣленія русскаго элемента въ краѣ, показываютъ степень нынѣшняго смѣшенія его съ туземно-вотскимъ и позволяютъ дѣлать заключенія о будущемъ, которое раскрывается предъ этимъ послѣднимъ, о большей или меньшей скорости его обрусѣнія. Особенный интересъ для археолога и этнографа представляютъ приложенныя къ 2-й ч. VII т. «Краткія описанія селеній Сарапульскаго уѣзда». Описаніе ведется по волостямъ, которыя идутъ въ алфавитномъ порядкѣ. Относительно каждаго селенія земскіе статистики считали необходимымъ отмѣтить, кѣмъ оно населено, когда основано, откуда пришли первые посельники, какіе памятники старины (городища, древнія кладбища) находятся около него, какія находки встрѣчались на поляхъ селенія, какіе древніе документы находятся въ рукахъ жителей.

Въ направленіи изслѣдованія видѣнъ планъ, которымъ не мѣшало-бы воспользоваться другимъ земскимъ изслѣдователямъ. Въ результатѣ такого

опроса цѣлаго уѣзда получилась цѣнная книжка въ 180 стр. gr. 8 чрезвычайно убористой печати. Редакція «Матеріаловъ» присоединила ее къ VII т. въ качествѣ приложенія и сдѣлала, по нашему мнѣнію, ошибку. Лучше было-бы выпустить ее на тѣхъ-же правахъ приложенія отдѣльной книжкой и пустить въ продажу отдѣльно отъ VII т. Такое изданіе было-бы первымъ въ своемъ родѣ, могло-бы вызвать подражанія и разошлось-бы, хотя не очень быстро, конечно, окупивъ расходы на его изданіе. Книжку съ отдѣльнымъ и сразу привлекающимъ вниманіе заглавіемъ пріобрѣли-бы всѣ, интересующіеся археологіей, этнографіей и исторіей края. Она нашла-бы себѣ мѣсто и на столѣ сельскаго священника или учителя и за предѣлами Вятскаго края—въ столицахъ, въ Финляндіи, въ Венгріи—всюду, гдѣ интересуются его первоначальными насельниками. Въ настоящемъ видѣ она закрыта отъ своей публики: кто подумаетъ, что такое приложеніе имѣетъ мѣсто при статистическомъ изданіи? Знающихъ же можетъ остановить цѣнность VII т. Было-бы очень желательно, чтобы Вятское Губернское Земство въ видѣ опыта выпустило подобные же матеріалы по Глазовскому и Слободскому уѣздамъ отдѣльно, какъ приложеніе къ соотвѣтствующимъ томамъ своего изданія. Можно съ увѣренностью сказать, что въ убыткѣ оно не останется.—Обращаемся къ содержанію «Краткихъ свѣдѣній».

Въ ряду указаній на памятники доисторическаго прошлаго уѣзда первое мѣсто занимаютъ разсѣянныя по всей книгѣ указанія на городища. Древнія укрѣпленія Сарапульскаго уѣзда изслѣдованы и описаны А. А. Спицынымъ въ его новѣйшемъ трудѣ «Матеріалы по археологіи Вятской губерніи». Изданіе Вятскаго Земства даетъ рядъ новыхъ пунктовъ, хотя по странной случайности не заключаетъ въ себѣ извѣстій о пунктахъ, открытыхъ уже ранѣе г. Спицынымъ.

Если этотъ пробѣлъ—дѣло авторовъ записей или редакціи, желавшихъ дать только новыя свѣдѣнія, то объ этомъ можно только пожалѣть. Въ числѣ новыхъ, не упоминаемыхъ въ книгѣ г. Спицына, городищъ находятся городища въ Арзамасцевской вол. при д. Черновой, въ Галановской вол. при д. Цигвинцово (Чиганы), въ Липовской вол. при поч. Добровинѣ, при с. Кельчинѣ, при д. Большой Коварѣ, при д. Малые Ковари, въ Мазунинской вол. при с. Тарасовѣ, въ Нечкинской вол. при поч. Голововановѣ (Кальяновѣ), въ Полозовской вол. при дер. Лисьей, въ Свѣтлянской вол. при д. Кокуѣ, въ Сосновской вол. при поч. Пашурскомъ (Верхъ Малой Бектемиръ-Пурги), въ Тойкинской вол. при. дер. Жареной.

Относительно находокъ извлекаемъ изъ книги слѣдующія свѣдѣнія: въ Арзамасцевской вол. въ поляхъ дер. Колесовой (Буторихи) крестьяне находили довольно массивныя м ѣ д н ы я б л я х и съ отверстіями по срединѣ (=Пьянобор.?); въ Галановской вол. въ поляхъ села Большіе Калмаши указываютъ ямы (глубиной до $1\frac{1}{2}$ саж.), около которыхъ находили ковши, молотки, м ѣ д н ы я б л я х и съ отверстіемъ по срединѣ и зубцами по краямъ (=Пьян.?), въ окрестностяхъ села Галанова, дер. Кулевой, Кухтинской, Пестеревой, Сухаревской, Трошковой, Цигвинцова, также находили древнюю посуду, украшенія, оружіе, украшенія сбруи; въ Гольяновской вол. въ селѣ

Гольянахъ находили мелкія серебряныя монеты эллиптической формы, въ Липовской вол. въ дер. Большая Кивара одинъ крестьянинъ нашелъ мѣдную вещь на подобіе сабли; въ Мазунинской вол. близъ села Мазунина имѣются ломки камня, гдѣ находятъ много человѣческихъ скелетовъ нерѣдко съ металлическими украшеніями на рукахъ и на шеѣ, въ поляхъ починка Большой Хлыстовъ (дер. Савинки) выпахивали какія-то мѣдныя копьеца (у одного домохозяина до сихъ поръ хранится старинный мѣдный клинокъ, пустой внутри, повидимому наконечникъ копья); въ Мостовинской вол. на мѣстахъ древнихъ «татарскихъ» поселеній близъ д. Глухова находили серебряныя монеты клино-образной формы, въ окрестностяхъ поч. Сѣвернаго замѣтно что-то въ родѣ могилъ съ остатками костей; въ Сарапульской вол. при дер. Девятовой при раскопкѣ двухъ кургановъ находили въ большомъ количествѣ серебряныя трехъугольныя деньги и другія вещицы; такія-же монеты вмѣстѣ съ мѣдными серьгами, браслетами, цѣпочками, обломками отъ мѣдныхъ котловъ находили въ «татарской ямѣ» среди дер. Митрошиной (Паньковой); въ той-же волости близъ поч. Юшкова при раскопкѣ кургана («Чупыша») крестьяне находили головешки, угли и обломки глиняной посуды; въ Свѣтлянской вол. при дер. Артимоны, Кокуй, при поч. Романовскомъ и дер. Черной находили чудскіе топорики; въ Тойкинской вол. близъ д. Жареной находили «чудскія деньги»; въ Тыловайской вол. въ поч. Ужекшуръ найдены были «татарскія» монеты XI—XII в. (??); въ Чегандинской вол. въ поляхъ поч. Бочкарева (дер. Маркова) при пашнѣ находили большія мѣдныя бляхи, въ видѣ чайныхъ блюдечекъ, съ дырочками посрединѣ; здѣсь-же нашли мѣдную конусообразную «кастрюлю», украшенную мѣдными трехугольными бляхами и голубыми камешками, при распашкѣ полей д. Большой Ныргинды находили мѣдную посуду; въ Шарканской вол. по дорогѣ изъ Сосновки въ Шарканъ найдено было бронзовое копье, на Пургашѣ мѣдные котлы, замокъ колесцомъ и серебряная монета съ арабской надписью; въ Юринской вол. въ с. Ильдебаихѣ была найдена желѣзная сабля съ мѣдной ручкой.

Для историковъ края цѣнны указанія на существованіе у жителей нѣкоторыхъ селеній главнымъ образомъ башкирскихъ древнихъ актовъ: въ Чегандинской вол. въ д. Усаклѣ имѣется актъ 1723 г., которымъ Башкиры-Исенбаевцы уступали землю Черемисамъ-тептярямъ, въ Кіясовской вол. въ починкѣ Ярумсовѣ у крестьянъ имѣется грамота выданная въ 1733 г. воеводой С. В. Головинымъ жившимъ здѣсь чувашамъ на владѣніе двумя ясаками и полуясакомъ; въ Исенбаевской вол. у муллы башкирской дер. Девятерна находятся копіи съ грамотъ Михаила Ѳеодоровича и Петра В.; того-же времени грамоты имѣются у башкиръ дер. Исенбай (Ялакось), у тептярей дер. Утегановы сохранились копіи и подлинныя грамоты Ивана Грознаго, Бориса Годунова, Петра В. и Анны Ивановны.

Изслѣдователь Башкиръ, Вотяковъ и Черемисъ найдетъ въ «краткихъ свѣдѣніяхъ» массу указаній на памятники языческой старины Вотяковъ, хотя и очень недавней. Языческія кладбища встрѣчаются въ волостяхъ Бурановской (при вотскихъ дд. Байситовой, Аксашурѣ, Б. Кечевѣ, с. Козмодемьян-

скомъ), Дебесской (при вот. д. Б. Лезгя, Верхняя Пыхта), Завьяловской (вот. при д. Каменной и Стар. Чультемѣ), Зюзинской (вот. «Шайсеръ» при д. Сыльшурѣ), Кіясовской (чер. при с.с. Кіясовѣ и Даниловѣ), Нылги-Жикьинской (вот. при д.д. Сіягъ-Зюмья, Жужгесъ-Пельга, Кечгуртъ, Вишуръ, Норошуръ-Вамья, Булай-Зюмья, Парсь-Гуртъ, Шунычъ-Зюмья), Пургинской (вот. при д.д. Гожна, М. Пурга, Курчумъ-Норья), Сарапульской (башк. при д. Шевыряловкѣ), Сосновской (вот. при д.д. Кыква или Выжой-вожъ «Шай-Гурезъ», Идыгронъ, Шабала, Вуко-Гуртъ, Кіон-Гопъ, Бектемиръ-Пурга, Мувыръ, Ныршуръ, Сосновка, Бызиново, Суроновская, Кайсо-Гуртъ), Тыловайской (вот. при д. Зяногуртъ и Уйвой, тат. при поч. Богдановскомъ), Чутырской (при д. Дереводзь, Правая Кушья, Нязь-Ворцы), Шарканской (вот. при д.д. Бакинской, Бигинской-Кыква, Быги, Ляльшуръ, Шарканъ, Курчум-вай, Бадьярово), Якшуръ-Бодьинской (вот. д. Порва и Сурровай-Узгинская). Старинныя кладбища неопредѣленнаго происхожденія указываются въ Старо-Вельинской вол. при д. Чужьялъ и Юринской при д. Старой Поповкѣ.

Н. Смирновъ.

Ignacy Radliński. Słowniki narzeczy ludów Kamczackich. I. Słownik narzecza Ainów, zamieszkujacych wyspe Szumszu w tańcuchu Kurylskim przy Kamczatce ze zbiorów Prof. B. Dybowskiego. Kraków 1891. 1—67. (Osobne odbicie z tomu XVI Rozpraw Wydzialu filologicznego Akademii Umiejetności w Krakowie pp. 53—119).

Аины могутъ считать себя въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ болѣе счастливыми, чѣмъ другія народности, населяющія восточную Азію и прилежащіе острова. Находясь на очень низкой степени культуры и отличаясь особымъ внѣшнимъ видомъ сравнительно съ окружающими ихъ («Курильцы лохматые»), Аины обратили на себя вниманіе самыхъ первыхъ путешественниковъ, которые и оставили намъ нѣсколько описаній этого вымирающаго теперь племени [1]).

Эти описанія идутъ со второй половины XVI в., когда миссіонеръ L. Froes въ своихъ «Epistolae Japonicae de multarum gentilium in variis insulis ad Christi fidem per societatis Jesu theologos conversione», первый сообщилъ, что на островѣ Jeso живутъ Аины. Послѣ него J. de Angelis, въ «De novis Christianae Religionis progressibus et certaminibus in Japonia anno 1622», описываетъ Аиновъ о-ва Jeso на основаніи своихъ личныхъ наблюденій. Затѣмъ—тогдашній голландскій намѣстникъ на о-вѣ Явѣ Van Diemen отправилъ экспедицію на востокъ отъ Японіи съ цѣлью открыть золотоносныя и серебряныя руды въ тѣхъ мѣстахъ. Проплывая мимо восточнаго берега о-ва Jeso, путешественники останавливались здѣсь, сталкивались съ жителями и

[1]) На островѣ Іезо Аиновъ можно считать приблизительно около 30 тысячъ, на Сахалинѣ—отъ 2 до 3 тысячъ, а на Курильскихъ островахъ число ихъ врядъ ли превышаетъ 100 чел. (Radliński p. 4).

описали ихъ; это были опять Аины. Выдержки изъ дневниковъ этой экспедиціи имѣются въ «Witsen N. :Noord en Ost Tartaryen (1692; 1785), «Koorte beschryvinghe van het Eyland Eso» (Amst. 1646) и сокращеніе послѣдняго—въ «Recueil de voyages au Nord» (Amst. 1732).

Въ силу послѣдовавшаго вскорѣ полнѣйшаго прекращенія доступа Европейцамъ въ Японію извѣстія объ Аинахъ начинаютъ появляться опять только въ самомъ концѣ XVII и въ XVIII вѣкѣ, благодаря предпріимчивымъ русскимъ промышленникамъ, сдѣлавшимъ нѣсколько экскурсій на Курильскіе острова. Результатомъ этихъ экскурсій въ 1755 г. въ трудѣ Крашенинникова: «Описаніе земли Камчатки», появился первый словарикъ языка курильскихъ Аиновъ, содержащій около 270 словъ.

Путешествія Ла Перуза и Крузенштерна открыли наукѣ Аиновъ Сахалинскихъ. Въ «Voyage autour du mond» Ла Перуза (Par. 1798) приведенъ «Vocabulaire des habitans de l'ile Tchoka, formé à la baie de hangle», состоящій изъ 160 словъ, а въ «Путешествіи вокругъ свѣта въ 1803, 4, 5, 6 годахъ на корабляхъ Надеждѣ и Невѣ Крузенштерна, 1812» помѣщенъ словарь, содержащій около 2000 словъ, собранныхъ и записанныхъ поручикомъ Г. Давыдовымъ. Крузенштернъ и Давыдовъ первые приходятъ къ заключенію, что Аины о-ва Jesо, Сахалина и Курильскихъ острововъ представляютъ одинъ народъ.

Съ половины текущаго столѣтія Японія снова открылась для Европейцевъ, сами Японцы стали быстро усваивать европейскую культуру, вслѣдствіе чего появилась масса работъ ученыхъ не только европейскихъ, но и японскихъ. Во главѣ трудовъ, касающихся Аиновъ, слѣдуетъ поставить трудъ проф. Д. Анучина: «Матеріалы для антропологіи восточной Азіи. I. Племя Айновъ» (въ «Изв. О. Л. Е. А. и Э. Т. XX. М. 1876») и H. Siebold'a: «Ethnologische Studien über die Aino auf der Insel Jesso» (Berlin 1881), переведенный на польскій яз. д-ромъ Л. Дудревичемъ: «O Ajnosach wyspy Jesso» (Warszawa 1883.)—Въ III томѣ труда Dr. l. v. Schrenk'a: «Reisen und Vorschungen im Amur-Lande» имѣются двѣ работы о Аинахъ. — Въ 1887 г. въ Токіо вышелъ I томъ «Memoirs of the literature college, imperial university of Japan», состоящій изъ трехъ изслѣдованій, которыя всѣ посвящены Аинамъ. Въ послѣднемъ изъ этихъ изслѣдованій сообщается между прочимъ, что въ одной только Японіи вышло болѣе 400 работъ, касающихся племени Аиновъ.— Въ изданіи: «Pamiętnik Akademii Umiejętnosci w Krakowie» (Wydz. matemat.—przyrodniczy tt. VII, 1882 i XII, 1886) помѣщены статьи dr. Коперницкаго, представляющія описанія и измѣренія череповъ и скелетовъ Аиновъ и выводы изъ наблюденій.

Вмѣстѣ съ трудами подобнаго рода начали появляться и труды лингвистическіе, преимущественно словари. Изъ нихъ можно указать слѣдующіе: W. R. Broughton'a: «A voyage of discovery to the north Pacific Ocean in the years 1795—98», W. Dening'a: «A Vocabulary of Aino Words and Phrases» (см. Chrysanthemum Sept. Decemb. 1881), J. Bachelor'a: «An Aino Vocabulary» (см. «Transactions of the Asiatic Society of Japan» Vol. V, 1882), G. Summers'a: «An Aino—Englisch Vocabulary» (Ibid. Vol. XIV, 1886), М. М. Добротворскаго: «Аинско-русскій словарь» (Казань 1870) и нѣкоторые другіе.

B. H. Chamberlain, въ своемъ трудѣ: «The Language, mythology, and geographical Nomenclatur of Japan Viewed in the light of Aino Studies» (въ «Memoirs of the Imp. University of Japan)», сдѣлалъ попытку отыскать слѣды вліянія Аиновъ на Японцевъ и ихъ давнее географическое положеніе, пользуясь при этомъ исключительно данными языка.

Лежащій предъ нами словарикъ возникъ, можно сказать, совершенно случайно и представляетъ собраніе съ небольшимъ только 1800 словъ, изъ которыхъ къ тому-же нѣсколько десятковъ представляютъ compositа. Несмотря на свой малый объемъ словарикъ этотъ всетаки заслуживаетъ большого вниманія какъ лингвистовъ, такъ и этнографовъ, представляя собою еще одинъ безсмертный памятникъ о народности, которой суждено пожалуй въ самомъ непродолжительномъ времени совершенно исчезнуть съ лица земли.

Изданъ словарь прекрасно, какъ и вообще всѣ изданія Краковской Академіи Наукъ. Слова представлены въ двухъ транскрипціяхъ: латинской и русской съ переводомъ на польскій и латинскій языкъ; относятся они къ внѣшнему быту, промыслу и явленіямъ и продуктамъ природы; имѣется довольно сравнительно незначительное число глаголовъ и прилагательныхъ.— Что касается транскрипціи, то къ сожалѣнію не соблюдена система и точность. Если ужъ употреблять для обозначенія мягкости согласнаго звука діакритическій значекъ ˈ, то не слѣдовало бы ограничиваться только случаями при русскихъ знакахъ е и ь, а нужно-бы также употреблять этотъ значекъ ˈ и при ё, ю, я. Между тѣмъ въ данныхъ случаяхъ мягкость обозначается или при помощи гласнаго i, или же согласн. j, напр. jokańćju (ёканьцю) вм. jokańćˈu, esiochńeri (эсёхнери) вм. eśochńeri, kémjam (кемям) вм. kˈemˈam, ponjuk (понюк) вм. pońuk, siatajsanki (сятайсанки) вм. śatajsanki, siogńeri (сёгнери) вм. śogńeri, sionini (сёнини) вм. sónini и т. п.

Встрѣчаются случаи неточнаго и сомнительнаго написанія, напр.: kioo (кіёо)=kˈjoo?, kˈoo?=русск. кёо?; onju (онью)=ońju?,=русск. оню?; porturia (портурія)=porturija? =русск. портуря?; riampan (ріямпан)=rijampan?,=русск. рямпан?; siriupki (сириюпки)=sirijupki?,=русск. сирюпки? и т. п.

Само собой разумѣется, что это не такіе уже недостатки, которые уничтожали-бы достоинство и цѣнность матеріала, доставляемаго словарикомъ,—они только нежелательны, особенно для лингвиста.

Словарю предпослано г. Радлинскимъ небольшое введеніе и краткія свѣдѣнія о Аинахъ, которыя и были нами приведены въ началѣ предлагаемой замѣтки.

Вмѣстѣ съ разобраннымъ нами словарикомъ д-ръ Дыбовскій представилъ г. Радлинскому еще матеріалы для словарей трехъ Камчадальскихъ нарѣчій двухъ, алеутскихъ и одного коряцкаго,—пожелаемъ, чтобы всѣ эти словарики какъ можно скорѣе увидѣли свѣтъ Божій.

Н. Тиховъ.

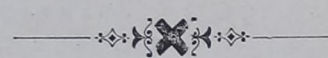
Указатель

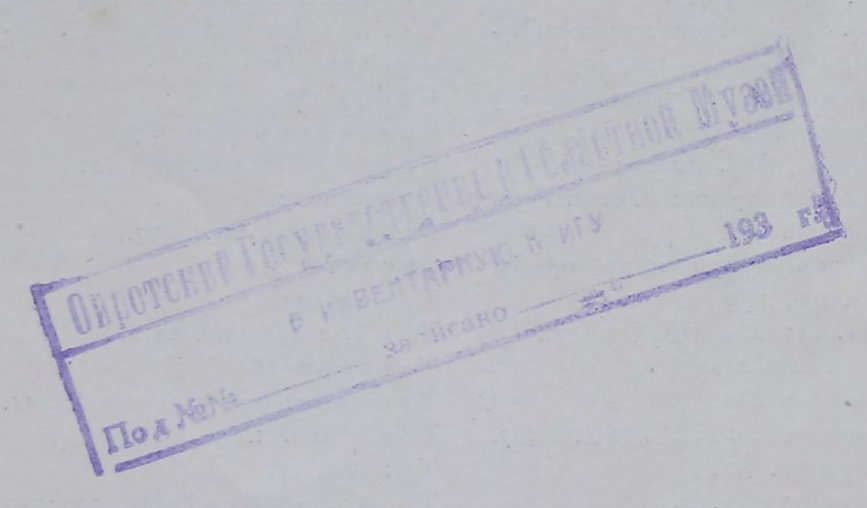
къ XI тому „Извѣстій".

Амулеты. 220.
Аччіакатура. 36.
Балаганы. 207, 211.
Береста. 6.
Боги камчадаловъ. 209.
Боги языческой Мордвы. 382.
Бронза. 99, 100, 202, 406, 407.
Бугры могильные. 562.
Бубны. 241.
Бусы. 202, 219.
Валы. 114, 120, 157, 186, 337, 378.
Вотчины. 431.
Вызывныя книги. 424.
Гамма китайская. 37.
Городища и городки. 90, 118, 120, 121, 122, 129, 157, 205, 323, 330, 335, 437, 378, 417, 478.
Гривны шейныя. 493.
Гетеризмъ. 456.
Гробъ. 87, 90, 91, 92, 197, 286, 290.
Гусли. 46—49.
Дворцовыя слободы.
Деревья священныя. 243, 248, 409.
Дикія земли. 1.
Желѣзный вѣкъ (и его подраздѣленія). 200, 270, 570.
Желѣзныя орудія.
Жрецы. 242.
Жертвы и мѣста жертвоприношеній. 200, 409.
Жилища старыя. 206, 287.
Жилища мордовскаго исторія. 92 3, 437.
Жилища народовъ В. Россіи. 244, 246, 385, 205, 206, 208, 405.
Заговоры. 98, 99.
Золото. 99.
Игры. 80.
Идолы. 201, 202, 242, 249. 403—405.
Калмы. 539.
Каменныя орудія. 134, 201, 202, 206, 207, 209, 300, 396, 406, 407, 410.
Камни надгробные. 329, 334, 336.
Каменныя бабы. 396, 483.
Каннибализмъ. 97.
Капища. 249.
Кардасъ-сярко. 381, 439.
Кварты эпоха. 37.
Квинты эпоха. 44.
Кельты (цельты). 18, 261.
Кереметь. 81.
Кладбища. 205, 277—78, 288, 328, 409, 480.
Кладовая запись. 484.
Костеносныя городища. 407.

Костяныя орудія. 201, 202, 203, 207.
Костюмъ Мордвы. 447—449, 485.
Косы убранство. 218.
Куда. 92.
Кудатъ. 461.
Купля-продажа инородокъ. 192—3, невѣсты 470—471.
Ламайскій культъ. 398.
Левиратъ. 458—9.
Мары. 562.
Матріархатъ. 459.
Материнитетъ. 460.
Медицина народная. 400.
Мизгить. 215.
Могилы. 204—5, 405.
Могильники. 216, 217, 48, 491 271, 393, 406 сл. 462.
Монеты. 126, 215, 326, 418, 420.
Могильная степь. 294.
Мольбища. 337.
Музыкальные инструменты Чувашъ 45, 46, башкиръ 160, 405.
Мухоморъ. Его употребленіе у инородцевъ С. В. Сибири. 247.
Мѣдный вѣкъ. Прил. 1—32.
Мѣдные рудники (древніе) въ киргиз. степи. 388.
Мѣдныя стрѣлы и др. орудія. 201, 203, 396, 418.
Мѣдь. 135, 263, 330, 374, 370.
Напрясла. 220.
Находки. 480.
Неолитическій періодъ. 407.
Нефритъ. 396.
Оброчныя земли.
Образа мѣдные. 202.
— Чудскіе. 401.
Окрашенные кости. 483.
Орнаментъ. 451, 494.
Остроги. 205, 207, 209.
Очищеніе послѣ похоронъ. 544.
Палатка намогильная. 186, 389, 482.
Памятники могильные. 543.
Патріархатъ. 369—470.
Пещеры. 278, 410.
Плетни. 445.
Погребеніе. 76—7, 94, 200, 242, 244, 245, 248, 405, 409, 480, 482.
Полигамія. 245, 471.
Позмогъ. 405.
Поминки. 77.
Праздники языческіе. 78, 80 95.
Поступная запись. 2.
Похищеніе невѣсты. 463.
Развалины древнихъ городовъ. 295, 389, 405, 482.
Родовой бытъ. 473.
Руны. Енис. и Орхон. 489.
Ряды торговые въ старой Казани. 345—34.
Рубль древній. 480.
Сабантуй. 405.
Свадебные обряды. 70, 76, 405.
Священныя рощи и горы. 409.
Смерть (по мордовскимъ представленіямъ). 517.
Сопца 405.
Сорока (гол. убор. чер.).
Срубъ могильный. 540, 541.
Стекло. 12.
Стрѣльное поле. 407.
Сустуги. 219.
Тамга. 921.
Телѣги якутскія. 205.
Тептяри. 184.
Типологическій методъ. 11.
Топоры. 121.
Тріоль. 37.
Трупосожженіе. 96, 200, 205. 483, 492.
Убіеніе больныхъ и стариковъ. 472.
Ужичество (левиратъ).
Украшенія черемисокъ. 67—68.
Урведей. 461.
Хомутъ. 139—146.
Частичное погребеніе.

Человѣческія жертвоприношенія. 291.
Черепа. 379, 480.
Черепки. 300, 326, 336, 410.
Чудскія древности. 400—405.
Чумы. 210, 410.
Шаманы. 398, 205, 207.
Ширтъ. 81.
Шлифованныя кам. оруд. 118.
Юрты. 254—5, 6, 7.
Ясашныя земли. 1.




Обратский Государственный Областной Музей
в инвентарную книгу
записано
193 г.
Под №№

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО
Казанскаго Университета
НА 1894 ГОДЪ.

Въ Ученыхъ Запискахъ помѣщаются:

I. Въ отдѣлѣ наукъ: ученыя изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованные факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. Въ отдѣлѣ критики и библіографіи: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертаціи, представляемыя въ Казанскій университетъ, и на студентскія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и за границей книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія; библіографическіе отзывы и замѣтки.

III. Университетская лѣтопись: извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта, отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обозрѣнію коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при университетѣ, біографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому университету, обозрѣнія преподаванія, распредѣленія лекцій, актовый отчетъ и проч.

IV. Приложенія: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованные.

Ученыя Записки выходятъ періодически шесть разъ въ годъ книжками въ размѣрѣ не менѣе 15 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7 р. Отдѣльныя книжки можно получать въ редакціи по 1 руб. 50 к. Подписка принимается въ Правленіи университета

Редакторъ *Ѳ. Мищенко.*

587
495
92

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1894 годъ

НА ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКУЮ И ЭКОНОМИЧЕСКУЮ ГАЗЕТУ

„ОРЕНБУРГСКІЙ КРАЙ“.

Газета выходитъ въ г. Оренбургѣ три раза въ недѣлю.

Основная задача изданія — изученіе юго-восточнаго раіона Россіи (губерній Оренбургской, Самарской и Уфимской и областей Уральской и Тургайской) въ экономическомъ и бытовомъ отношеніяхъ.

Въ газетѣ принимаютъ участіе слѣдующія лица: А. Е. Алекторовъ, И. Я. Атласовъ, П. А. Баратынскій, Н. И. Бутовскій, Л. А. Баратынскій, И. В. Будринъ, Ѳ. Ѳ. Гельмгольцъ, А. И. Добросмысловъ, В. Л. Дѣдловъ, Ф. А. Добросмысловъ, К. Н. Калачевъ, А. М. Михайловъ, Е. Н. Овсянниковъ, В. О. Португаловъ, Н. Полетаевъ, Г. Д. Поповъ, А. И. Тарнавскій, Н. Юрьинъ и другія.

Корреспонденты „Оренбургскаго Края“:

въ Самарѣ, Уфѣ, Уральскѣ, Бузулукѣ, Бѣлебеѣ, Мензелинскѣ, Орскѣ, Троицкѣ, Верхнеуральскѣ, Челябинскѣ, Илецкой защитѣ, Шарлыкѣ, Покровскомъ и проч.

Подписная цѣна: для иногородныхъ подписчиковъ—за годъ 6 руб. за полгода 3 рубля.

Подписка на газету «Оренбургскій Край» и объявленія принимаются въ Оренбургѣ, въ главной конторѣ газеты, при типо-литографіи Б. А. Бреслина, по Николаевской улицѣ, въ домѣ наслѣдн. Шошина и въ отдѣленіяхъ конторы, въ Уфѣ при книжномъ магазинѣ Блохина, Самарѣ при книжномъ магазинѣ Н. М. Федорова и Челябинскѣ при типо-литографіи Бреслина и Курчаева.

ОБЪЯВЛЕНІЯ, для напечатанія въ газетѣ «Оренбургскій Край», отъ лицъ, фирмъ и учрежденій, живущихъ или имѣющихъ свои главныя конторы или правленія внѣ Оренбургской, Саратовской, Симбирской, Казанской Нижегородской, Самарской, Уфимской и Пермской губерній, Уральской области и Азіатской Россіи, принимаются исключительно въ центральной конторѣ объявленій торговаго дома Л. и Э. Метцль и К° въ Москвѣ, Мясницкая, домъ Спиридонова и въ его отдѣленіи въ С.-Петербургѣ, на Большой Морской, № 11.

Редакторъ-издатель **Н. А. Баратынскій.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ПЕРВЫЙ ВЫПУСКЪ

ЕЖЕГОДНИКА

ТОБОЛЬСКАГО ГУБЕРНСКАГО МУЗЕЯ,

издающагося въ г. Тобольскѣ губернскимъ музеемъ выпусками, по мѣрѣ накопленія матеріала, подъ редакціей комиссіи изъ членовъ комитета: Е. В. Кузнецова, Л. Е. Луговскаго, Н. А. Лыткина и А. А. Терновскаго,

подъ предсѣдательствомъ **Н. М. Богдановича,** по слѣдующей программѣ: Отчеты и протоколы засѣданій. Хроника музея. Описаніе коллекцій музея. Работы по мѣстнымъ (касающимся Тобольской губерніи) вопросамъ археологіи, этнографіи, естественныхъ наукъ, торговли, промышленности, исторіи, антропологіи, исторіи культуры, географіи, статистики, библіографіи и др. наукъ.

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВАГО ВЫПУСКА:

Отъ Редакціи.—Протоколъ засѣданія общаго собранія 18 апр. 1893 г. Отчетъ о дѣятельности Комитета и Правленія въ 1892 г. **Л. Луговскаго.**—Составъ Комитета въ 1892 году. — Отчетъ о приходѣ и расходѣ суммъ въ 1892 году.—Актъ ревизіонной комиссіи.—Отчетъ о состояніи коллекцій въ 1892 г. **Н. Лыткина.** Отчетъ о состояніи библіотеки въ 1892 г. **С. Мамѣева.** Смѣта оборота суммъ на 1893 г.=Текущая хроника музея. — Поѣздка на Сѣверный Уралъ. Съ картой и чертежомъ. (Изъ дневника). **И. Гурскаго.** Матеріалы для справочно-біографическаго словаря сибирскихъ дѣятелей. Дѣятели XVI и XVII столѣтій. Князья Шаховскіе, Щербатовы и Мосальскіе. **К. Б. Газенвинкеля.**—Матеріалы для библіографіи Сибири. Указатель статей и главнѣйшихъ замѣтокъ, касающихся Сибири и помѣщенныхъ въ сибирскихъ періодическихъ изданіяхъ 1892 г (Съ алфавитнымъ указателемъ). **А. А. Терновскаго.**—Народное образованіе въ г. Ялуторовскѣ и Ялуторовскомъ округѣ. Историко-статистическій очеркъ. (Главы I и II). **Н. И. Палопеженцева.** — Приложеніе. Отчетъ отряда преподавателей Красноуфимской сельско-хозяйственной школы и учениковъ Красноуфимскаго промышленнаго училища, приглашенныхъ на лѣто 1893 года въ Тобольскую губернію для мѣропріятій въ борьбѣ съ «кобылкою». **И. Н. Носова.**—Объявленія.

Подписная цѣна: для иногородныхъ съ пересылкой 1 р. 25 к., для городскихъ безъ пересылки 1 р. Подписка принимается въ г. Тобольскѣ, въ Правленіи Комитета Тобольскаго Губернскаго Музея.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1894 годъ

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

„САМАРСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

(ИЗДАНІЯ ГОДЪ XII).

Въ 1894 году «Самарскій Вѣстникъ», имѣя основной своей задачей разработку земско-общественно-экономическихъ и бытовыхъ вопросовъ преимущественно Самарскаго края и Волжско-Камскаго раіона, будетъ издаваться **ежедневно,** кромѣ дней послѣпраздничныхъ, по вновь утвержденной г. Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ расширенной программѣ, причемъ при газетѣ, въ видѣ безплатныхъ приложеній, разрѣшены **фототипическіе исполняемые въ собственной мастерской—портреты государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, а также виды Поволжья, историческихъ памятниковъ и сооруженій.**

Подписная цѣна на газету съ приложеніями:

Въ г. Самарѣ и Самарскомъ уѣздѣ въ годъ 5 р.,—на полгода 3 р.—на одинъ мѣсяцъ 50 к. Съ пересылкою въ другія города и уѣзды на годъ 6 руб.—на полгода 3 р. 50 к.—на одинъ мѣсяцъ 50 к.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи въ Самарѣ, Дворянская улица, домъ бывш. Бахъ.

Редакторъ-Издатель **Н. К. Реутовскій.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1894 годъ

НА ОБЩЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„ЕНИСЕЙСКІЙ ЛИСТОКЪ.“

ВЫХОДИТЪ ВЪ Г. КРАСНОЯРСКѢ ЕНИС. ГУБ. ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Статьи и очерки по мѣстнымъ вопросамъ; статьи по городскому и земскому хозяйствамъ, по сельскому хозяйству, экономическія, торговыя, по фабрично-заводскому производству и горной промышленности. Дѣйствія и распоряженія правительства. Телеграммы «Сѣвернаго Телеграфнаго Агенства». Недѣльная хроника. **Судебная хроника.** Торговый отдѣлъ. Справочныя свѣдѣнія. **Смѣсь.** Отвѣты редакціи. **Фельетонъ.** Романы, повѣсти, разсказы, очерки, сцены и стихотворенія. Объявленія частныя и казенныя.

Подписная цѣна: съ доставкой и пересылкой на годъ 7 руб., на полгода 4 руб., на четверть года 2 руб., на одинъ мѣсяцъ 1 рубль.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи **«Енисейскаго листка»**, собственный домъ, Воскресенская ул.; въ Омскѣ — въ книжномъ магазинѣ Александрова; въ Томскѣ—въ книжномъ магазинѣ Михайлова и Макушина.

Редакторъ-Издатель **Е. Кудрявцевъ.**

годъ IV. *ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1894 Г.* **годъ IV.**

НА ГАЗЕТУ

„СИБИРСКІЙ ЛИСТОКЪ.“

Выходитъ два раза въ недѣлю по Четвергамъ и Воскресеньямъ.

Подписная цѣна: Съ перес. въ др. города на годъ 5 р., на полгода 2 р. 75 к., на три мѣсяца 1 р. 50 к., на одинъ мѣс. 60 к. Съ доставкою въ Тобольскѣ на годъ 4 р. 50 к., на полгода 2 р. 30 к., на три мѣс. 1 р. 50 к. на одинъ мѣс. 60 к. Безъ пер. и доставки на годъ 4 руб., на полгода 2 р., на три мѣсяца 1 р. 25 к., на одинъ мѣсяцъ 45 к.

Всѣмъ новымъ годовымъ подписчикамъ на 1894 годъ предоставляется, по желанію ихъ, получать безплатно газету до конца текущаго 1893 г.

Учителя и учительницы городскихъ и сельскихъ начальныхъ училищъ могутъ получать газету по уменьшенной цѣнѣ, именно: съ пересылкой и доставкой за годъ 4 р., за полгода 2 р., безъ пересылки и доставки за годъ 3 р., за полгода 1 р. 50 к.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: при подпискѣ 1 р. 50 к., 1-го марта 1 р. 50 к., 1-го мая 1 р. и 1-го сентября 1 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: Въ г. Тобольскѣ, въ конторѣ редакціи и библіотекѣ Суханова. Въ г. Тюмени, въ конторѣ Н. М. Давыдовской. Въ г. Екатеринбургѣ, въ книжномъ магазинѣ Бабинова. Въ г. Томскѣ, въ книжномъ магазинѣ Михайлова и Макушина. Въ г. Омскѣ, въ книжномъ магазинѣ Александрова. Въ г. Иркутскѣ, въ книжномъ магазинѣ Михайлова и Макушина. Въ г. Минусинскѣ, въ общественной библіотекѣ. Въ Москвѣ, у г. Чукмалдина, Мясницкая улица, д. Художеств. Музея и въ Центральной Конторѣ объявленій бывш. Л. Метцль, въ г. Барнаулѣ, у В. К. Штильке.

Редакторъ-издатель А. Сыромятниковъ.

ПОДПИСКА
НА
„САРАТОВСКІЙ ЛИСТОКЪ“
въ 1894 году
(32-Й ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Вступая въ 32-й годъ изданія, „Саратовскій Листокъ“ будетъ выходить при прежней редакціи и составѣ сотрудниковъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкою въ Саратовѣ: на годъ 7 руб., 11 мѣс. 6 руб. 50 к., 10 мѣс. 6 руб., 9 мѣс. 5 руб. 50 к., 8 мѣс. 5 руб., 7 мѣс. 4 руб. 50 коп., 6 мѣс. 4 руб., 5 мѣс. 3 руб. 50 к., 4 мѣс. 3 р., 3 мѣс. 2 руб. 50 к., 2 мѣс. 2 р., 1 мѣс. 1 руб.

Съ пересылкою въ другіе города: на годъ 8 руб., 11 мѣс. 7 руб., 10 мѣс. 6 руб. 50 коп., 9 мѣс. 6 руб., 8 мѣс 5 р. 50 к., 7 мѣс. 5 р. 6 мѣс. 4 р. 50 к., 5 мѣс. 4 руб., 4 мѣс. 3 р. 50 к., 3 мѣс. 3 руб., 2 мѣс. 2 р. 40 к. 1 мѣс. 1 р. 20 к.

За границу на годъ 14 руб.

Для облегченія возможности подписываться на газету недостаточнымъ лицамъ редакція допускаетъ разсрочку подписной платы для годовыхъ подписчиковъ какъ городскихъ, такъ и иногородныхъ: первые вносятъ при подпискѣ 3 руб., 1-го марта 2 руб. и 1-го мая 2 руб.; иногородные — при подпискѣ 4 руб. и 1-го мая 4 руб.

Подписка принимается съ 1-го по 1-е каждаго мѣсяца и не далѣе конца года.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: Саратовъ, Нѣмецкая, д. Онезорге, и въ Вольскѣ—у Ивана Федоровича Волкова.

Объявленія принимаются: на 1-й страницѣ первые три раза 20 коп. за строку, въ послѣдующіе разы по 15 коп.; на 3-й и 4-й—первые три раза по 7 к., а послѣдующіе разы—по 5 коп. Годовыя объявленія пользуются особой уступкой.—Объявленія изъ заграницы и всѣхъ мѣстъ Россійской имперіи, кромѣ Саратовской, Тамбовской, Пензенской и приволжскихъ губерній, принимаются исключительно **въ центральной конторѣ объявленій бывш. Метцль**, въ Москвѣ, на Мясницкой ул., въ д. Спиридонова. Для этихъ объявленій такса: на 1-й страницѣ 20 коп. и послѣ текста 10 коп. за строку петита.

Розничная продажа газеты по 5 коп. за экземпляръ.

Редакторы-издатели П. О. Лебедевъ, И. П. Горизонтовъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

„САРАТОВСКІЙ ДНЕВНИКЪ“

ВЪ 1894 ГОДУ.

(18-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

«Саратовскій Дневникъ» въ 1894 году, будетъ въ основныхъ положеніяхъ, слѣдовать программѣ послѣднихъ лѣтъ. По прежнему, особенное вниманіе редакція обратитъ на «мѣстный отдѣлъ» газеты, т. е. на возможную полноту свѣдѣній о жизни Саратова и его области, обнимающей кромѣ саратовской смежныя части сосѣднихъ губерній и, въ особенности,—самарское Заволжье до Урала. То, что мы писали въ прошломъ году о вѣроятномъ оживленіи нашей области благодаря проведенію въ ней цѣлой сѣти желѣзныхъ дорогъ, теперь уже отчасти осуществилось. Торговля и промышленность, особенно въ Саратовѣ, получили сильный толчекъ, выразившійся уже во многихъ новыхъ предпріятіяхъ. Продолжая начатое въ прошломъ году расширеніе мѣстнаго отдѣла, редакція направляетъ свои старанія на разработку многочисленныхъ вопросовъ, возникающихъ изъ потребностей сельско-хозяйственной, торгово-промышленной и общественной жизни края. Между прочимъ, спеціальный **Торговый отдѣлъ** будетъ значительно увеличенъ. Какъ въ общихъ, такъ и въ спеціальныхъ вопросахъ редакція, какъ и прежде, будетъ строго разграничивать интересы большинства населенія отъ выгодъ отдѣльныхъ или случайныхъ его группъ.

Подписная цѣна съ пересылкою въ другіе города: На годъ 7 р., на 11 мѣс. 6 р. 50 к., на 10 мѣс. 6 руб., на 9 мѣс. 5 руб. 50 к., на 8 мѣс. 5 руб., на 7 мѣс. 4 руб. 50 к., на 6 мѣс. 4 руб., на 5 мѣс. 3 руб. 50 к., на 4 мѣс. 3 руб., на 3 мѣс., 2 руб. 50 к., на 2 мѣс. 2 руб., на 1 мѣс. 1 руб.

Для облегченія возможности подписываться на годовой экземпляръ газеты редакція допускаетъ **разсрочку** подписной платы для **годовыхъ подписчиковъ** какъ городскихъ, такъ и иногородныхъ; первые вносятъ: при подпискѣ 2 р., 1-го марта 2 руб. и 1-го мая 2 руб.; иногородніе при подпискѣ 3 руб., 1-го марта 2 р. и 1-го мая 2 р.

Подписка принимается: въ конторѣ газеты **Саратовъ, Нѣмецкая д. Уфимцева.** Въ г. Вольскѣ въ книжномъ магазинѣ гг. Хохрякова и Фармаковскаго.

Подписавшіеся послѣ 1-го ноября на годовой экземпляръ «Саратовскаго Дневника» (съ 1 янв. 1894 до 1 янв. 1895) получаютъ газету до новаго года безъ всякой приплаты.

Издатель Н. Штерцеръ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ „СБОРНИКА САРАТОВСКАГО ЗЕМСТВА.“

«Сборникъ Саратовскаго Земства» имѣетъ выходить въ 1894 году по прежней программѣ, утвержденной г. Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ 19 іюля 1890 года.

«Сборникъ» будетъ выходить въ каждое послѣднее число того мѣсяца, который выставленъ на его обложкѣ.

Содержаніе каждой книжки будетъ расположено въ слѣдующемъ порядкѣ.

«Сборникъ Саратовскаго Земства». I. Постановленія и распоряженія Правительства. II. Дѣятельность правительственныхъ и общественныхъ учремденій. III. Монографіи и статьи по предметамъ входящимъ въ программу «Сборника». IV. Свѣдѣнія и матеріалы. V. Извѣстія и объявленія.

Намѣчены и подготовляются Редакціей слѣдующія статьи: Объ институтѣ земскихъ агрономическихъ смотрителей. Мелкій кредитъ по проекту Земствъ. Практика Земствъ по взиманію хлѣбомъ земскихъ сборовъ и по выдачѣ ссудъ на хлѣбъ. Кустарный земскій музей и мѣры помощи кустарямъ. Хозяйство уѣздныхъ городовъ Саратовской губерніи. Народное образованіе и народное здравіе въ уѣздныхъ городахъ Саратовской губерніи. Обзоръ бюджета города Саратова сравнительно съ бюджетами другихъ большихъ городовъ Поволжья. Обозрѣніе земскихъ смѣтъ съ начала учрежденія Земства до настоящаго времени. Мѣры, принимавшіяся Саратовскими Уѣздными и Губернскимъ Земствами для развитія сельскаго хозяйства.

О культурѣ паровыхъ растеній и ихъ вліяніе на урожаи послѣдующихъ посѣвовъ. **Н. Маклецовъ.** О вліяніи величины и состава крестьянскихъ семей на ихъ хозяйственное положеніе. **Н. Черненко.**

Результаты опытовъ орошеній и обводненій въ Саратовской губерніи и сопредѣльныхъ мѣстностяхъ въ 1892 и 1893 годахъ. **В. Круберъ** и др.

Приложенія: I. Труды Саратовскаго Губернскаго Земства: журналы, доклады, отчеты и проч. II. Свѣдѣнія и матеріалы статистическаго отдѣла Саратовской Губернской Земской Управы. III. Свѣдѣнія и матеріалы Ветеринарнаго Отдѣленія Губернской Земской Управы. IV. Свѣдѣнія и матеріалы коммиссіи Губернскаго Земства по народному образованію. V. Саратовская Земская Сельскохозяйственная и Торгово-Промышленная недѣля VI Труды и отчеты мѣстныхъ ученыхъ обществъ. VII. Библіографія и библіотека книжный складъ и музей Саратовскаго Губернскаго Земства. VIII. Картограммы, діаграммы, карты и образцы. IX. Экстренныя приложенія.

Приложенія, кромѣ IX-го будутъ выпускаться и разсылаться подписчикамъ по мѣрѣ накопленія матеріала, одновременно со «Сборникомъ», приложеніе же V-е будетъ выходить изъ печати по пятницамъ; экстренныя приложенія будутъ выпускаться по мѣрѣ накопленія.

Такъ какъ, не смотря на ближайшую свою цѣль, «Сборникъ» и «Приложенія» уже въ текущемъ году представляли значительное разнообразіе, а въ предстоящемъ 1894 г. Редакція разсчитываетъ располагать еще болѣе разнообразнымъ матеріаломъ, то, дабы сдѣлать «Сборникъ», не смотря на значительные расходы по изданію его, болѣе доступнымъ для лицъ, интересующихся имъ въ полномъ составѣ или лишь въ отдѣльныхъ частяхъ его, открыты особыя подписки: А—на «Сборникъ» безъ приложеній, Б—на «Сборникъ» съ нѣкоторыми лишь приложеніями и В — на «Сборникъ со всѣми приложеніями.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ.				На ½ года.				На ¼ года.				На 1 мѣс.			
	Безъ перес.		Съ перес. и дост. въ Сар.		Безъ перес.		Съ перес. и дост. въ Сар.		Безъ перес.		Съ пересыл.		Безъ перес.		Съ пересыл.	
	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.
А. За «сборникъ» безъ приложеній.	3	60	4	—	1	80	2	—	—	90	1	—	—	31	—	35
Б. За постоянныя приложенія къ общей цѣнѣ на «Сборникъ» прибавляется:																
1. За I приложеніе «Труды Саратовскаго Губернскаго Земства» журналы, доклады, отчеты и пр	1	80	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	90	1	—
2. За еженедѣльное V-е прил.	2	70	3	—	1	35	2	—	1	10	1	20	—	45	—	50
3. За остальныя ежемѣсячныя приложенія	1	80	2	—	1	—	1	—	—	90	1	—	—	27	—	30
В. За «Сборникъ» со всѣми приложеніями.	8	—	9	—	5	40	6	—	3	60	4	—	1	35	1	50

Цѣна экстреннымъ приложеніямъ будетъ опредѣляться каждый разъ особо о чемъ будетъ публиковаться заблаговременно.

Подписка на приложенія безъ «Сборника» не принимается и розничная продажа приложеній не производится.

Гг. Земскимъ Начальникамъ и прочимъ должностнымъ лицамъ, извѣстнымъ Редакціи, допускается разсрочка подписной платы по полугодіямъ и четвертямъ года, при условіи уплаты каждый годъ впередъ, безъ увеличенія подписной цѣны.

Для волостныхъ Правленій годовая подписная цѣна съ пересылкой установлена:

За «Сборникъ» безъ приложеній 3 руб, съ I-мъ приложеніемъ 4 руб., съ V-мъ приложеніемъ 4 руб., съ остальными, кромѣ экстренныхъ приложеній 4 руб., со всѣми приложеніями, кромѣ экстренныхъ 6 руб.

Цѣна объявленій впереди «Сборника» по 15 к. за строку не мельче цицеро въ 60 буквъ, считая 40 строкъ въ страницѣ; въ концѣ «Сборника» по 10 коп. за ту же строку. Объявленія въ приложніяхъ по той же цѣнѣ.

При повтореніи объявленій значительная уступка.

Адресъ Редакціи: Саратовъ, Губернская Земская Управа.

Отвѣтственный Редакторъ Предсѣдатель Губернской Земской Управы В. Безобразовъ.

год XVI. ОТКРЫТА ПОДПИСКА год XVI.

на 1894 годъ

(шестнадцатый годъ изданія)

НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„ЕКАТЕРИНБУРГСКАЯ НЕДѢЛЯ."

(50 №№ въ годъ)

ВЫХОДИТЪ ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМЪ.

Подписная цѣна: На годъ 6 руб., на полгода 3 руб. 50 коп.

Учителя и учительницы городскихъ и сельскихъ начальныхъ училищъ, а также воспитанники учебныхъ заведеній могутъ получать газету по уменьшенной цѣнѣ, а именно: за годъ 4 руб., за полгода 2 руб. 50 коп.

Газета въ 1894 году будетъ вестись по той-же программѣ и при участіи тѣхъ-же лицъ, какъ и въ прошломъ году.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи, въ г. Екатеринбургѣ, (Вознесенскій пр., д. № 44).

Редакторъ-издатель А. М. Симоновъ. Редакторъ П. Н. Галинъ.

ОБЪ ИЗДАНІИ

КІЕВСКИХЪ УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ИЗВѢСТІЙ

въ 1894 году.

Цѣль настоящаго изданія остается прежнею: доставлять членамъ университетскаго сословія свѣдѣнія, необходимыя имъ по отношеніямъ ихъ къ Университету, и знакомить публику съ состояніемъ и дѣятельностію Университета и различныхъ его частей.

Согласно съ этою цѣлью, въ Универс. Извѣстіяхъ печатаются:

1. Протоколы засѣданій университетскаго Совѣта.
2. Новыя постановленія и распоряженія по Университету.
3. Свѣдѣнія о преподавателяхъ и учащихся, списки студентовъ и посторонніхъ слушателей.
4. Обозрѣнія преподаванія по полугодіямъ.
5. Программы, конспекты, и библіографическіе указатели для учащихся.
6. Библіографическіе указатели книгъ, поступающихъ въ университетскую библіотеку и въ студенческій ея отдѣлъ.
7. Свѣдѣнія и изслѣдованія, относящіяся къ устройству и состоянію ученой, учебной, административной и хозяйственной части Университета.
8. Свѣдѣнія о состояніи коллекцій, кабинетовъ, музеевъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ заведеній Университета.
9. Годичные отчеты по Университету.
10. Отчеты о путешествіяхъ преподавателей съ учеными цѣлями.

11. Разборы диссертацій, представляемыхъ для полученія ученыхъ степеней, соисканія наградъ, pro venia legendi и т. п., а также и самыя диссертаціи.

12. Рѣчи, произносимыя на годичномъ актѣ и въ другихъ торжественныхъ собраніяхъ.

13. Вступительныя, пробныя, публичныя лекціи и полные курсы преподавателей.

14. Ученые труды преподавателей и учащихся.

15. Матеріалы и переводы научныхъ сочиненій.

Указанныя статьи распредѣляются на двѣ части—1)—оффиціальную и протоколы, отчеты и т. п. 2)—неоффиціальную (статьи научнаго содержанія), съ отдѣлами—критико-библіографическимъ, посвященнымъ критическому обозрѣнію выдающихся явленій учсной литературы (русской и иностранной), и научной хроники заключающимъ въ себѣ извѣстія о дѣятельности ученыхъ обществъ, состоящихъ при Университетѣ, и т. п. свѣдѣнія. Въ прибавленіяхъ печатаются матеріалы, указатели библіотеки, списки, таблицы метеорологическихъ наблюденій и т. п.

Университетскія Извѣстія въ 1894 году будутъ выходить въ концѣ каждаго мѣсяца, книжками содержащими въ себѣ до 20 печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжокъ Извѣстій безъ пересылки шесть рублей пятьдесятъ копѣекъ, а съ пересылкой семь рублей. Въ случаѣ выхода приложеній (большихъ сочиненій), о нихъ будетъ объявлено особо. Подписчики Извѣстій, при выпискѣ приложеній, пользуются уступкою 20%.

Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи Правленія Университета.

Студенты Университета Св. Владиміра платятъ за годовое изданіе Университетскихъ Извѣстій 3 руб. сер., а студенты прочихъ Университетовъ 4 руб.; продажа отдѣльныхъ книжекъ не допускается.

Г.г. иногородные могутъ обращаться съ требованіями своими къ коммиссіонеру Унрверситета Н. Я. Оглоблину въ С.-Петербургъ, на Малую Садовую, № 4-й, и въ Кіевъ, на Крещатикъ, въ книжный магазинъ его же, или непосредственно въ Правленіе Университета Св. Владиміра.

Редакторъ В. Иконниковъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1894 ГОДЪ НА

ежемѣсячный, литературно-научный и политическій журналъ

„СѢВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ“.

Въ 1893 г. въ «Сѣв. Вѣст.» было между прочимъ напечатано: «Суратская кофейня» гр. Льва Толстого, «Пустоплясы» разск. Н. Лѣскова, «Мечтатель» разск. въ стих. Я. Полонскаго, «Семейный очагъ» ром. К. Баранцевича, «Али» разск. П. Боборыкина, «Царевна Нанджана» ск. Кота Мурлыки, «Въ слободкѣ» разск. Ольги Шапиръ, «Семейная исторія» пов. И. Потапенко, «Конецъ Бирюковской дачи» разск. А. Михайлова (Шеллера), «Въ облакахъ» пов. В. Каренина, «Порученіе» пов. Л. Гуревичъ; статьи: «Не-дѣланіе» гр. Льва Толстого, «Книгоноши и Офени» А. Пругавина, «О вліяніи музыки» проф. И. Тарханова, «женщина-преступница» проф. И. Фойницкаго, «Общественныя доктрины

прошлаго вѣка» проф. **М. Ковалевскаго**, «Письма великаго человѣка» **В. Стасова**, «Жизнь художника 60-хъ годовъ» **Н. Ге**, «Нищенство на Руси» **Л. Весина**, «О притворныхъ болѣзняхъ у дѣтей» д-ра **Якубовича**, «Гюи-де-Мопассанъ» проф. **Л. Шепелевича**, «О женщинахъ врачахъ и женскихъ врачебныхъ курсахъ» д-ра **Герценштейна**, «Наука, философія и религія» **А. Волынскаго**, «Современныя нервныя болѣзни нашего общества» проф. **И. Ковалевскаго**, «Бѣлинскій» **А. Волынскаго**, «Факторы преступности» проф. **Н. Фойницкаго**, «Волга и Волгари» **А. Субботина** и мн. друг. Кромѣ того печатались въ теченіе всего года:

ЗАПИСКИ А. О. СМИРНОВОЙ:

(Изъ записныхъ книжекъ 1825—1845 г.). **Литературный кружокъ при дворѣ Николая Павловича. Бесѣды Государя, Пушкина, Жуковскаго, Вяземскаго, Гоголя, Лермонтова, Глинки** и др.

Новымъ подписчикамъ на 1894 г. будетъ разослана безплатно напечат. въ 1893 г. I ч. Записокъ Смирновой въ видѣ отдѣльнаго изданія съ портретомъ А. О. Смирновой, художественно исполненнымъ въ Парижѣ.

Ежемѣсячные отдѣлы въ журналѣ: 1) Областной и земскій отдѣлъ, 2) Провинціальная печать **Л. Прозорова**, 3) Новыя книги, 4) Письма: изъ Америки **В. Макъ-Гаханъ**, изъ Франціи, изъ Италіи, изъ Англіи. 5) Внутреннее обозрѣніе, 6) Политическая лѣтопись, 7) Театръ, 8) Литературныя замѣтки. **А. Волынскаго.**

Условія подписки: Безъ доставки въ Спб. конторѣ журнала на годъ 12 р., на полгода 6 р., на три мѣсяца 3 р Безъ доставки въ Москвѣ въ конт. Печковской и магаз. Карбасникова на годъ 12 р. 50 к., на полгода 6 р. 50 к., на три мѣсяца 3 р. 50 к. Съ доставкой въ Спб. на годъ 12 р. 50 к.. на полгода 6 р. 50 к., на три мѣсяца 3 р. 50 к. Съ пересылкой въ Имперіи на годъ 13 р. 50 к. на полгода 7 руб., на три мѣсяца 3 р. 50 к. Заграницей на годъ 15 р., на полгода 8 р., на три мѣсяца 4 р.

Допускается разсрочка годовой цѣны на журналъ и подписка по полугодіямъ и по четвертямъ года **безъ повышенія годовой цѣны.** Для служащихъ помѣсячная разсрочка за ручательствомъ казначеевъ. Для учащихъ и учащихся **льготныя условія** по соглашенію.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: **въ Главной Конторѣ журнала,** Спб. Троицкая ул., 9 и въ москов. отдѣл. Москва, Тверская д. Сазикова, а также въ книж. магаз. **Фену** и К°, Спб., Невскій 40. Въ Москвѣ въ конт. **Н. Печковской.** Петровскія линіи; а также въ книж. магаз. **Н. П. Карбасникова** въ Спб., Москвѣ, Варшавѣ. Въ книж. магаз. **Новаго Времени** въ Спб., Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ; — **Н. Я. Оглобина** въ Кіевѣ; — **Н. Я. Башмакова** въ Казани, и въ друг. книжныхъ магазинахъ.

Издательница **Л. Гуревичъ.** Редакторъ **М. Альбовъ.**

Открыта подписка на 1894 годъ

на общественную, литературную и политическую газету

„ВОЛЖСКІЙ ВѢСТНИКЪ“,

выходящую въ г. Казани ежедневно, не исключая понедѣльниковъ, кромѣ дней, слѣдующихъ за большими праздниками.

ДВѢНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Основная задача газеты — возможно полное изученіе мѣстнаго Волжско Камскаго края и всестороннее, по возможности, представительство его нуждъ и интересовъ.

Телеграммы Сѣверн. Телеграфн. Агентства и отъ собственныхъ корреспондентовъ.

Послѣдняя почта.

Передовыя статьи по различнымъ общественнымъ вопросамъ.

Обзоръ текущей прессы и журналистики.

Областной отдѣлъ. Постоянныя корреспонденціи и хроника жизни Волжско-Камскаго края.

Казанская хроника: земство, городъ, засѣданія ученыхъ обществъ, увеселенія, происшествія и т. п.

Судебная хроника. Судебныя резолюціи и дѣла, назначаемыя къ слушанію въ казанской судебной палатѣ.

Библіографія.

Театръ и музыка: отчеты объ оперныхъ и драматическихъ спектакляхъ, концертахъ, музыкальныхъ вечерахъ и пр.

Ежедневное обозрѣніе текущей заграничной жизни.

Наука, литература и искусство.

Сельское хозяйство и промышленность.

Педагогика и народное образованіе.

Торговый отдѣлъ: корреспонденціи и телеграммы.

Фельетонъ. На развитіе этого отдѣла будетъ обращено особое вниманіе редакціи, съ цѣлью дать читателямъ легкое, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, осмысленное чтеніе. Въ этомъ отдѣлѣ, кромѣ еженедѣльныхъ «Воскресныхъ бесѣдъ» г. Н. Миролюбова и беллетристики, будутъ помѣщаться и общедоступныя статьи научнаго направленія.

Тиражи выигрышей, справочный отдѣлъ, объявленія и проч.

Кромѣ **контингента сотрудниковъ**, уже сплотившихся вокругъ редакціи *Волжскаго Вѣстника*, приняты мѣры къ привлеченію и новыхъ литературныхъ силъ. Особое вниманіе редакціи обращено на пріобрѣтеніе постоянныхъ **корреспондентовъ** въ возможно большемъ количествѣ пунктовъ Волжско-Камскаго края.

Ближайшее участіе въ редакціонной дѣятельности принимаетъ на себя съ октября 1893-го года основатель и бывшій редакторъ-издатель *Волжскаго Вѣстника*, **профессоръ Н. П. Загоскинъ.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

ДЛЯ ГОРОДСКИХЪ ПОДПИСЧИКОВЪ:

съ доставкой:

На годъ . . . . . 7 р.
— полгода . . . . . 4 р.

— 3 мѣсяца . . . . . 2 р. 25 к.
— 1 мѣсяцъ . . . . . — 75 к.

безъ доставки:

На годъ . . . . . 6 р. 25 к.
— полгода. . . . . 3 р. 25 к.
— 3 мѣсяца . . . . . 1 р. 75 к.
— 1 мѣсяцъ . . . . . — 60 к.

ДЛЯ ИНОГОРОДНИХЪ ПОДПИСЧИКОВЪ:

На годъ. . . . . 9 р.
— полгода. . . . . 5 р.
— 3 мѣсяца . . . . . 2 р. 75 к.
— 1 мѣсяцъ . . . . . 1 р.

Допускается разсрочка: для иногородныхъ при подпискѣ 3 р., 1 апрѣля 3 р., 1 іюля 3 р., для городскихъ—2 р., 1 марта 2 р., 1 апрѣля 2 р., 1 іюня 1 р.

Подписка принимается въ главной конторѣ *Волжскаго Вѣстника* на углу Грузинской и Театральной ул., д. Булыгина, а также въ ея отдѣленіяхъ: при музыкальномъ магазинѣ «Восточная Лира» (Воскресенская ул., д. Сапожникова), при книжныхъ магазинахъ Н. Я. Башмакова (Воскресенская, Пассажъ), А. А. Дубровина (Гостинный дворъ № 1), въ зданіи Биржи, у секретаря, и въ иногородныхъ отдѣленіяхъ конторы редакціи.

Требованія на газету и высылку подписныхъ денегъ адресовать слѣдующимъ образомъ: Казань, редакція **ВОЛЖСКАГО ВѢСТНИКА.**

Редакторъ-Издатель Н. В. Рейнгардтъ.

ВЪ 1894 ГОДУ

ПРАВОСЛАВНЫЙ СОБЕСѢДНИКЪ

будетъ издаваться по прежней программѣ, въ томъ же строго православномъ духѣ и въ томъ же ученомъ направленіи, какъ издавался доселѣ, съ 1-го января, ежемѣсячно, книжками отъ 10 до 12 печатныхъ листовъ въ каждой.

Журналъ Православный Собесѣдникъ рекомендованъ Святѣйшимъ Синодомъ для выписыванія въ церковныя библіотеки, какъ изданіе полезное для пастырскаго служенія духовенства (Синод. опред. 8 сентября 1874 г. № 2792).

Цѣна за полное годовое изданіе, со всѣми приложеніями къ нему, остается прежняя: **съ пересылкою во всѣ мѣста Имперіи—**

СЕМЬ РУБЛЕЙ СЕРЕБРОМЪ.

При журналѣ „Православный Собесѣдникъ“ издаются

ИЗВѢСТІЯ ПО КАЗАНСКОЙ ЕПАРХІИ,

выходящія два раза въ мѣсяцъ, нумерами по 2 печатныхъ листа въ каждомъ убористаго шрифта.

Причты Казанской епархіи, выписывающіе «Православный Собесѣдникъ», получаютъ за туже цѣну и «Извѣстія», съ приплатою 1 руб. за пересылку по почтѣ.

Цѣна «ИЗВѢСТІЙ» для мѣстъ и лицъ другихъ епархій и другихъ вѣдомствъ, за оба изданія вмѣстѣ десять руб. сер.—съ пересылкою.

Подписка принимается въ Редакціи Православнаго Собесѣдника, при Духовной Академіи, въ Казани.

ПОДПИСКА НА 1894 ГОДЪ НА

„КАЗАНСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ“

ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

Въ городѣ безъ доставки на 12 мѣс. 6 руб. 25 к., на 11 мѣс. 5 р. 75 к., на 10 мѣс. 5 р. 25 к., на 9 мѣс. 4 р. 75 к., на 8 мѣс. 4 р. 25 к., на 7 мѣс. 3 р. 75 к., на 6 мѣс. 3 р. 25 к., на 5 мѣс. 2 р. 75 к., на 4 мѣс. 2 р. 25 к., на 3 мѣс. 1 р. 75 к., на 2 мѣс. 1 р. 20 к. на 1 мѣс. 60 к. Съ дост. въ городѣ на 12 мѣс. 7 р., на 11 мѣс. 6 р. 50 к., на 10 мѣс. 6 р., на 9 мѣс. 5 р. 50 к., на 8 мѣс. 5 р., на 7 мѣс. 4 р. 50 к., на 6 мѣс. 4 р. на 5 мѣс. 3 р. 50 к., на 4 мѣс. 3 р., на 3 мѣс. 2 р. 25 к., на 2 мѣс. 1 р. 50 к., на 1 мѣс. 75 к. Съ перес. въ друг. города на 12 мѣс. 9 р., на 11 мѣс. 8 р. 50 к., на 10 мѣс. 8 р., на 9 мѣс. 7 р. 25 к., на 8 6 р. 50 к., на 7 мѣс. 5 р. 75 к., на 6 мѣс. 5 р., на 5 мѣс. 4 р. 25 к., на 4 мѣс. 3 руб. 50 к., на 3 мѣс. 2 р. 75 к., на 2 мѣс. 2 р., на 1 мѣс. 1 руб.

Пріемъ объявленій: за строку петита на 1-й стр. 20 к., на 4-й стр. для город. 10 и 5 к. Смотря по роду объявленій.

Отдѣльные номера продаются по 5 коп.

Подписка принимается только съ 1 числа каждаго мѣс.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка платежа подп. денегъ.

Редакторъ Н. Ильяшенко.

АДМИРАЛТЕЙСКАЯ ФОТОГРАФІЯ

К. Т. СОФОНОВА,

Члена-сотрудника Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ,

Предлагаетъ любителямъ этнографіи и древностей

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ

типовъ населенія Волжско-Камскаго края, снимковъ съ древнихъ зданій и археологическихъ предметовъ. Снимки можно пріобрѣтать отдѣльно и альбомами въ изящномъ коленкоровомъ переплетѣ.

Въ настоящее время изготовлены слѣдующіе альбомы:

1. Руины Булгаръ. 12 снимковъ (на пластинку). Цѣна въ коленкор. перепл. 5 р.

2. Древности Ананьинскаго могильника. 8 снимковъ (6 на пласт. и 2 на ½ пласт.). Цѣна въ коленк. перепл. 2 р. 75 к.

3) Народы Поволжья. Типы, формы построекъ, утварь, костюмы, картины быта (занятія, обряды).

а) Русское населеніе Казанской губерніи. 16 сн. Ц. въ кол. пер. 6 р.

б) Чуваши. 32 сн. Ц. въ кол. пер. 12 р.

в) Черемисы. 76 сн. Ц. въ кол. пер. 18 р.

г) Мордва. 18 сн. Ц. въ кол. пер. 5 р.

д) Вотяки. 12 сн. Ц. въ кол пер. 5 р.

Изготовляются:

1) Казань старая и новая.

2) Волга въ предѣлахъ Казанской губерніи. Виды прибрежныхъ городовъ и селеній въ разливъ и межень. Типы волжскихъ судовъ. Картины береговъ.

Адресъ: Казань, Адмиралтейская Слобода, д. Терпиловскаго, фотографу К. Т. Софонову.

Въ 1894 г. „Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ" будутъ выходить шесть разъ въ годъ (1-й выпускъ въ концѣ января, а слѣдующіе въ первыхъ числахъ марта, мая, іюля, сентября и ноября) книжками въ 7 — 8 листовъ in 8°.

Содержаніе книжекъ „Извѣстій" составляютъ:

1) Оригинальныя и переводныя статьи по общимъ вопросамъ археологіи, исторіи и этнографіи;

2) Спеціальныя изслѣдованія и статьи по археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи (Поволжья, Средней Азіи и Сибири);

3) Матеріалы археологическіе, историческіе и этнографическіе, относящіеся къ Восточной Россіи: мелкія оригинальныя сообщенія, акты, произведенія народнаго творчества, словари инородческихъ языковъ и мѣстныхъ русскихъ говоровъ, извлеченія изъ періодическихъ изданій Восточной Россіи;

4) Хроника: извѣстія о музеяхъ Восточной Россіи, о находкахъ, раскопкахъ, объ экспедиціяхъ археологическихъ, археографическихъ, антропологическихъ и этнографическихъ, о прочитанныхъ въ засѣданіяхъ русскихъ ученыхъ обществъ рефератахъ, имѣющихъ отношеніе къ Восточной Россіи;

5) Программы по спеціальнымъ вопросамъ археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи; отдѣльные вопросы редакціи;

6) Библіографія: обзоръ книгъ и статей мѣстныхъ, общерусскихъ и иностранныхъ періодическихъ изданій, имѣющихъ отношеніе къ археологіи исторіи и этнографіи Восточной Россіи.

Въ «Извѣстіяхъ» принимаютъ участіе: Н. Ѳ. Ахаемовъ, проф. А. И. Александровъ, Г. Ахмаровъ, Ш. Г. И. Ахмеровъ, Н. Н. Бакай (Красноярскъ), проф. В. А. Богородицкій, пр.-доц. Е. Ѳ. Будде, Н. Виташевскій, К. В. Виклюндъ (Упсала), В. Н. Витевскій, Г. Вихманъ (Гельсингфорсъ), К. И. Ворончевъ, К. Б. Газенвинкель, А. К. Гейкель (Гельсингфорсъ), М. Е. Евсевьевъ, Ѳ. И. Кардасевичъ (Будапештъ), Г. К. Катанаевъ (Омскъ), С. И. Кедровъ, А. К. Кулагинъ, акад. В. В. Латышевъ, Е. Ф. Литинскій (Самаркандъ), Н. М. Мартьяновъ (Минусинскъ), К. П. Медоксъ, В. А. Мошковъ (Варшава), еписк. Никаноръ (Арханг.), П. М. Овчинниковъ (Иркутскъ), П. А. Пономаревъ, проф. И. Н. Смирновъ, А. А. Спицынъ, Ѳ. А. Теплоуховъ (Пермь), Н. З. Тиховъ, В. М. Терехинъ (Пенза), П. В. Траубенбергъ, П. О. Чупинъ (Барнаулъ), проф. А. А. Штукенбергъ, проф. Н. А. Ѳирсовъ, пр.-доц. Н. Н. Ѳирсовъ и др.

Одной изъ основныхъ задачъ «Извѣстій» является всестороннее изученіе Урало-Алтайскаго міра. Для посильнаго осуществленія этой задачи редакція «Извѣстій» считаетъ необходимымъ держать своихъ читателей au courant всего, что является новаго въ этой области знанія, и пріобрѣла корреспондентовъ въ Гельсингфорсѣ, Буда-Пештѣ и Упсалѣ (для отчетовъ о новостяхъ скандинавской литературы).

Въ видѣ приложеній къ «Извѣстіямъ» будутъ печататься:

1) **Матеріалы для этнографіи Поволжья.** Мордовско-русскій словарь **М. Е. Евсевьева.**

Цѣна годовому изданію 5 руб., каждая книжка отдѣльно по 1 руб. Желающіе могутъ внести подписную сумму (5 р.) въ два срока: три рубля при подпискѣ и 2 р. къ 1 іюля.

Дѣйствительные члены Общества, внесшіе членскій взносъ въ размѣрѣ 5 р., получаютъ изданіе безплатно.

Подписныя суммы адресуются: Казань, Университетъ, Секретарю Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи.

«Извѣстія» выходятъ подъ редакціей Секретаря Общества при ближайшемъ участіи членовъ редакціоннаго комитета.

Выписывающіе отдѣльные выпуски отъ Общества за пересылку не платятъ.

Цѣна выпуска 1 руб.

НМРА КП Оф 8218/131
РК 1131
Ас 10833
ГК 19321356